

В 2020 году в Российской Федерации прошла конституционная реформа, в ходе которой текст Основного закона России был дополнен рядом существенно важных новых положений. В представленный вниманию читателей сборник вошли 14 публицистических эссе, где осмысливается значение конституционных преобразований. Авторы – философы, политологи, теоретики права, социологи, историки, культурологи, общественные деятели – размышляют о перспективах российской государственности и гражданственности в различных сферах общественной жизни.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-906071-57-6

9 785906 071576

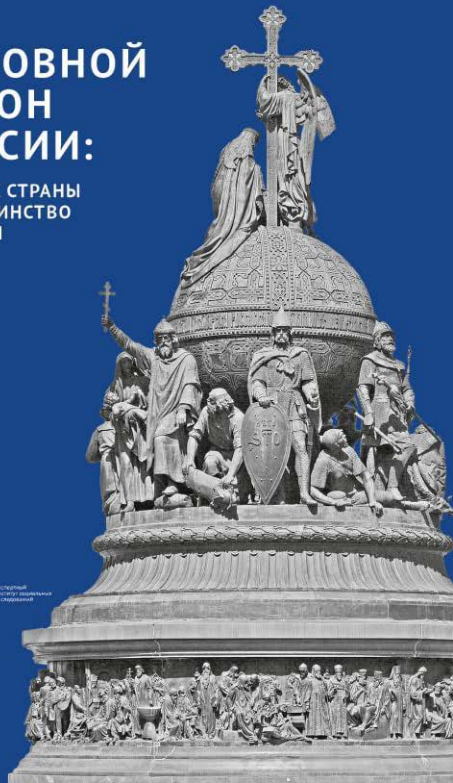
ОСНОВНОЙ ЗАКОН РОССИИ:
ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ И ДОСТОИНСТВО ГРАЖДАН

ОСНОВНОЙ ЗАКОН РОССИИ:

ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ
И ДОСТОИНСТВО
ГРАЖДАН

ИСИ
Институт
политологии
и социологии

2021

УДК 323.3:323.21:324
ББК 60.5+66.0
075

ОСНОВНОЙ ЗАКОН РОССИИ: ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ И ДОСТОИНСТВО ГРАЖДАН

075 **Основной закон России: величие страны и достоинство граждан** / Под ред.
Ф. З. Алиева, Б. В. Межуева, А. Б. Рудакова. – Рыбинск: Медиарост, 2021. – 256 с.

ISBN 978-5-906071-57-6

В 2020 году на базе Экспертного института социальных исследований прошла серия онлайн-дискуссий, посвящённых конституционной реформе в Российской Федерации. Итогом состоявшихся обсуждений стали 14 публицистических эссе, в которых осмыслиется значение конституционных преобразований.

Их авторы – философы, политологи, теоретики права, социологи, историки, культурологи, общественные деятели – размышляют о смысловом наполнении конституционных норм, о перспективах российской государственности и гражданственности в различных сферах общественной жизни.

Предложенный вниманию читателей сборник рассматривается составителями и авторским коллективом как приглашение к продолжению дискуссии, касающейся фундаментальных вопросов общественно-политической жизни России.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 323.3:323.21:324
ББК 60.5+66.0

ISBN 978-5-906071-57-6

© АНО ЭИСИ, 2021

ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ И ДОСТОИНСТВО ГРАЖДАН: ПАРАМЕТРЫ ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА

Конституционная реформа стала для нашей страны важнейшим политическим событием 2020 года. Результаты общероссийского голосования за поправки в Основной закон показали, что большинство граждан России разделяют базовые ценности общества, которые были осознаны ключевыми социальными группами после потрясений 90-х годов. Проголосовав за поправки, люди подтвердили свою приверженность стабильному и поступательному развитию общества и государства, без революций и радикальных преобразований. Государство получило большой мандат доверия, однако и общество после полугода диалога по вопросам конституционного развития стало другим. В стране значительно повысился уровень конституционного правосознания, понимания значимости влияния конституционных норм на политическую и социально-экономическую жизнь России.

Понятно, что не будет справедливым отрицать положительное значение того пути конституционного развития, который наша страна прошла за последние три десятилетия. В Конституции России 1993 года были

заложены положения, которые были ориентированы на общечеловеческие ценности, фиксировали принятые в современных демократических обществах полномочия и прерогативы государственных институтов. Принятые тогда конституционные нормы полностью соответствовали задачам государственного строительства Российской Федерации, заложили каркас современной российской государственности.

Вместе с тем в обществе начала 90-х годов, переживавшем раскол, ввергнутом в гражданское противостояние, невозможно было говорить о согласии даже по базовым элементам национальных интересов и ценностей.

С того момента, как 12 декабря 1993 года на общероссийском референдуме была принята Конституция РФ, государство и общество прошли огромный путь в своём развитии. Практически по всем параметрам невозможно даже сравнивать Россию двадцативосьмилетней давности и ту страну, в которой мы живём сейчас. Наше общество достигло той степени общегосударственной, национальной идентичности, когда уже стало недостаточно в Основном законе страны фиксировать лишь общие принципы функционирования государства. Необходимо было сказать в Конституции о том, какие социальные и политические традиции лежат в основе российской государственности, в чём состоит своеобразие нашего исторического пути, каковы базовые основания нашей цивилизации, что отличает Россию от других стран.

Это необходимое дополнение, поправки к данному документу, которые вовсе не означают принятие новой Конституции и не создают «конституцию в конститу-

ции», а развивают и наполняют конкретикой идеи, заложенные в 1993 году.

Важно, что многие вопросы, которые упоминались в тексте принятой в 1993 году Конституции РФ лишь как декларативные пожелания, сегодня становятся полноценными направлениями государственной политики. В особенности это касается «социальных поправок», которые, согласно данным социологических опросов, имели максимальную поддержку среди граждан.

Наступает время практической реализации в нашей стране тех фундаментальных положений, которые в своё время были отражены во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. «Идеал свободной человеческой личности, пользующейся гражданской и политической свободой и свободой от страха и нужды, может быть осуществлён только, если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами» (преамбула Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 А (XII) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года). Актуальность этого положения спустя полвека с мо-

мента принятия международного документа, думается, только возросла.

С другой стороны, исторический опыт нашей страны в XX веке показывает, что одних лишь социальных гарантий при отсутствии фундаментальных гражданских прав и свобод личности недостаточно для полноценной жизни, для реализации человеческого потенциала граждан.

Само время подсказывало необходимость поиска политической формулы, которая строилась бы на органичном сочетании свободы и порядка, социальных гарантий и частной инициативы. Формулы, понятной всем, наполненной глубоким смыслом. Это не есть поиск «вечной идеи», не создание очередной «государственной идеологии». Это вполне определённое выдвижение общей стратегии, траектории развития России, если угодно, проектирование образа её будущего как на ближайшую перспективу, так и на последующие десятилетия.

По мнению широкого круга экспертов, в современных обстоятельствах подобная формула может быть выражена словами «величие России и достоинство её граждан», которые прозвучали в послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года.

Как видим, эти смысловые акценты находятся, по выражению выдающегося русского философа С. Л. Франка (1877–1950), «по ту сторону правого и левого», равноуда-

лены от «-измов», от претендующих на истину в последней инстанции политических идеологий XX века.

Они понятны руководителю высокого уровня и начинающему специалисту, понятны школьнику и ветерану, политологу и обычному гражданину, оценивающему жизнь в категориях личного жизненного опыта.

Формула «величие России и достоинство её граждан» подразумевает взаимосвязь, синтез двух начал. Но вот в каких формах, пропорциях, последовательностях этот синтез будет осуществляться? Это темы, которые нам ещё предстоит обсуждать в экспертных кругах, в академическом сообществе.

Ключевым изменением, в связи с принятием поправок в Конституцию России, станет характер функционирования разных уровней государственной и муниципальной власти. Впервые вводится понятие единой системы публичной власти (часть 2 статьи 80), которая включает в себя не только органы государственной власти федерального и регионального уровней, но и систему местного самоуправления (часть 3 статьи 132).

В прежней редакции Основного закона местное самоуправление было, по сути, отделено от государства. Исполняя порой государственные функции, муниципальные власти не всегда получали на это необходимые бюджетные средства. А если учесть, что местные налоги и сборы в ряде регионов не покрывали затраты на функционирование муниципалитетов, то местное

самоуправление было вынуждено изыскивать дополнительные средства, накапливать долги. Понятно, что эта ситуация негативно сказывалась на общем состоянии муниципальной власти, вынужденной жёстко экономить на расходах, связанных с благосостоянием жителей муниципалитетов. Новый подход к организации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, заложенный в новой редакции Конституции, как раз и утверждает единство публичной власти в стране, объединяя все её сферы, в том числе и муниципальную. Это значит, что все вопросы экономики, социальной сферы территорий будут решаться системно, на уровне, достойном наших граждан.

Атмосфера диалога, в которой рождались конституционные поправки, породила новые возможности для участия в политической дискуссии. Предлагаемый сборник раскрывает широкую палитру мнений, попыток осмыслить конституционные преобразования. В каком-то смысле можно говорить о том, что авторы представляют собой «политическую Россию» в миниатюре.

Среди них – представители столиц и регионов, сторонники и оппоненты действующей власти, консерваторы и либералы, универсалисты и приверженцы концепции особого цивилизационного пути России.

Важная жанровая особенность книги – личное, авторское прочтение, личностное восприятие конституционных поправок. Поэтому тексты, которые представлены в настоящем сборнике, – это не научные исследования или доклады, это личный отклик активных граждан – публицистов, общественных деятелей, просто неравнодушных людей.

Понятно, что выводы о публикуемых в сборнике текстах сделает сам взыскательный читатель. И всё же хотелось бы выделить одну принципиальную позицию, общую практически для всех авторов данной книги.

Речь идёт о том, что сегодня в восприятии понятий «величие России» и «достоинство её граждан» появилось много нового.

К нам приходит осознание того факта, что, к примеру, геополитический образ страны может быть частью личного пространства человека. Что величие России – это не только политическая, но и экзистенциальная категория, часть внутреннего мира гражданина. И вместе с тем – проявление уважения к человеческому достоинству, показатели развития человеческого потенциала – это неотъемлемые атрибуты величия страны.

Обновлённая Конституция даёт мощный импульс для возникновения самых различных политико-идеологических проектов. Возможно, нам предстоит наблюдать процесс создания множества различных концептов, такой плюрализм можно только приветствовать. Ведь, пожалуй, сегодня едва ли кто-нибудь будет спорить с утверждением, что устойчивость политической системы во многом определяется её открытостью, гибкостью, возможностью использовать различные инструменты и технологии принятия и реализации политических решений.

Для нашего общества будет существенно важным, чтобы эти идеологические концепты развивались в фарватере идей обновлённой Конституции. Чтобы те политические лидеры, представители экспертного сообщества, для кого первостепенное значение имеет величие России, с уважением относились к правам и свободам личности. И в то же время – те лидеры, политики, для кого важны гражданские свободы, не ставили под вопрос суверенитет страны, её территориальную целостность, международный авторитет. Чтобы при всём многообразии идеологических решений сохранились эти две важнейшие смысловые константы – «величие России» и «достоинство её граждан».

В нынешней ситуации очень важно, чтобы время от времени разгорающийся в социальных сетях конфликт политических субкультур, использующих устаревшие политические символы, не оказал деморализующее влияние на общество в целом, в особенности на подрастающее поколение, молодёжь.

Сознавая уроки прошлого, мы должны жить будущим и быть готовыми ответить на его вызовы. И в этом плане идеологическое, концептуальное обеспечение общей стратегии развития нашей страны весьма востребуется и обществом, и правящими кругами. Жизненно необходимо, чтобы в рамках текущего политико-идеологического дискурса возникли, в качестве основных, темы, связанные с интерпретацией моделей общенационального согласия, формированием консолидирующего мировоззрения.

Эта позволит подняться над балластом политических мифологий прошлого, преодолеть инерцию влияния идеологических расколов XX века.

В некоторых политических кругах нашего общества бытует одно заблуждение, которое иногда сковывает нормальные идеологические процессы, а то и вводит какие-то внутренние, так сказать, «моральные» «запреты на идеологию». При этом ссылаются на статью 13 Конституции РФ. Внимательное прочтение данной статьи приведёт к выводу, что не допускается лишь провозглашение какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, монопольной, но не запрещена идеология как таковая, состязание идеологических концепций и проектов. Такой запрет был бы просто абсурден, поскольку идеология – это формализованное мировоззрение, система мировоззренческих координат, которая в той или иной мере присуща каждому человеку, социальным группам.

В идеологии закладываются общие ориентиры будущего развития страны, как они видятся ключевым социальным слоям, формируется стратегия и политика продвижения к этим целям.

В этом смысле логично, что и принятые в нынешнем году конституционные поправки носят мировоззренче-

ский характер, они отражают идеалы и ценности миллионов граждан, проголосовавших за принятие поправок в ходе всенародного голосования.

Некоторые аналитики не без основания полагают, что посредством введения в действие поправок к Конституции произошла её «национализация», когда национальное гражданское большинство задало определённые мировоззренческие рамки для нынешнего политического класса России. И понятно, что политики, идеологи самых различных направлений, если хотят выдерживать политическую конкуренцию, должны с этим считаться. В конечном счёте, это – важное условие для того, чтобы мы могли развить прочный иммунитет ко всему, что ведёт к анархии и диктатуре, чтобы продолжили поступательное движение по пути укрепления социального, правового и демократического государства.

Андрей ШУТОВ,
председатель совета директоров АНО ЭИСИ,
доктор исторических наук, профессор,
декан факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова,
сопредседатель Российского общества политологов

23 февраля 2021 года

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: КОНСТИТУЦИОННЫЕ РАМКИ

АЛЕКСАНДР РУДАКОВ,
СЕРГЕЙ ВОЛОБУЕВ

В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Статья 75¹ Конституции РФ

До недавнего времени, буквально до наших дней, Конституция воспринималась в российском обществе как документ сугубо юридического характера. Её культурно-символические и философские аспекты не привлекали к себе особого внимания. И в политической науке нечасто говорилось об основных законах как факторах символической политики. Между тем в истории есть достаточно примеров, когда конституции становились политическим символом.

Habeas Corpus Act, принятый английским парламентом в 1679 году, признан важнейшей частью неcodифицированной британской конституции и вошёл в британскую историю как символ гарантий свободы и неприкосновенности личности.

Десять поправок к Конституции США, принятых в 1789 году и образующих так называемый Билль о правах, отражают специфически американское понимание прав и свобод. Поправки стали своего рода маркером американской демократии, как её описал Алексис де Токвиль.

Принятая в том же 1789 году Декларация прав человека и гражданина стала символом триумфа идей Просвещения в эпоху Великой французской революции. В этом документе нашла своё отражение концепция естественного права, идея свободы, принадлежащей каждому от рождения.

Все эти конституционные символы в различных комбинациях воплощают различные концепции общественного договора, восходящие к Гоббсу, Локку или Руссо. И, кстати, общественный договор – это тоже символ, никогда не понимавшийся буквально. Это метафора общественного консенсуса по ключевым вопросам – вопросам свободы, безопасности, благосостояния и, наконец, по особенно актуальным в наше время вопросам идентичности.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ФОРМУЛА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Исторически сложилось так, что конституции фиксируют отдельные, самые важные компоненты, смыслы и ценности общественного консенсуса. А также содержат

формулы, позволяющие обновлять общественный договор, выделять приоритеты, находить новые решения, не нарушая устойчивости системы.

Сегодня много говорится о закреплении в Конституции «нового общественного договора» в контексте принятых государством социальных обязательств.

В этом утверждении, безусловно, есть большая доля правды. «Социальные поправки», содержавшие не просто декларации общего характера, а вполне конкретные обязательства государства перед гражданами, касающиеся индексации пенсий, прожиточного минимума, качественного медицинского обслуживания, вызвали, согласно данным социологических опросов, мощный общественный резонанс. Во многом именно они стали одной из ключевых причин массовой поддержки в ходе всенародного голосования, завершившегося одобрением конституционных поправок.

Однако смысл метафоры общественного договора в данном случае значительно шире, он касается всего спектра ценностей и целей, которые активно разделяются и поддерживаются общественным большинством.

Общественный договор – это история про то, куда мы движемся, к чему стремимся, какой результат хотим получить от наших усилий, какими мы наделены правами и как распределяем обязанности на пути к достижению общих целей.

Как нам кажется, ответы на эти вопросы в наиболее сжатой, концентрированной форме содержатся в статье

75¹ обновлённой Конституции, где говорится о создании условий для устойчивого экономического роста и благосостояния государства и общества, для взаимного доверия государства и общества. В этой же статье государством гарантируется защита достоинства граждан и уважение к человеку труда. А вот обеспечение социального партнёрства представляет собой задачу, которую невозможно выполнить без активного участия всего общества.

Попробуем теперь расшифровать содержание нового общественного договора на основе анализа этой конституционной нормы. Начнём с того, что в ней сделан важный акцент на экономическом развитии и благосостоянии граждан. А это – вполне конкретные и осязаемые, количественно измеряемые вещи. Поэтому суть нового договора – не в реализации далёких от сознания гражданина абстрактных идей, но в достижении очевидного для всех общественного блага.

В этом, пожалуй, его основное отличие от «общественных договоров» недавнего прошлого – о «строительстве коммунизма» и «невидимой руке рынка».

Наше будущее больше не определяет утопия, которая, как это часто бывает, разворачивается своей обратной стороной – антиутопией.

Сегодня к нам всё чаще приходит понимание, что человеку и обществу присущи несовершенства, ошибки или прямо злонамеренная воля. Печальный исторический опыт XX века (мировые войны, диктатуры, куль-

турная и нравственная деградация потребительского общества) говорят сами за себя. Сознавая это, мы приучаемся к мировоззренческой трезвости и делаем акцент на «здесь и теперь», стремимся улучшить повседневную жизнь во всех её проявлениях.

Вместе с тем это не означает, что наше целеполагание исключительно и только экономоцентрично. Необходимо помнить, что экономическая мощь в современном мире – это важнейший показатель величия страны. С другой стороны, достаток и благосостояние – это неотъемлемая составляющая человеческого достоинства.

Нельзя обойти стороной и вопросы идентичности, ведь граждане вступают в общественный договор не как изолированные «атомы», а как носители исторической памяти, наследники культуры и традиций. Соответственно, через это в общественном договоре в определённом смысле участвуют не только ныне живущие поколения, но и поколения наших предков.

Пожалуй, самым значимым и ярким символическим отражением этого процесса в общественной жизни является общенациональная акция «Бессмертный полк».

В тексте обновлённой российской Конституции этой теме посвящена статья 67¹, которая, по сути, является нормативной проекцией конституционной

преамбулы. Здесь содержатся темы тысячелетней истории (исторической судьбы), исторической памяти, ответственности перед будущими поколениями (тема детей как приоритета государственной политики) и защиты суверенитета страны. И – что очень существенно – взаимосвязь суверенитета, государственного единства, исторической преемственности и проектирования будущего с их смысловыми основами.

Таковая связь отлита в идеологически значимую формулу пункта 2 рассматриваемой статьи Основного закона: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство».

Иными словами, российское публичное пространство строится не на принципе его метафизической «стерилизации», изъятия из его координат любого вектора, разрывающего горизонты повседневности. Наоборот, силовыми и формирующими линиями российского публичного пространства выступают идейно-смысловые энергии, способные приподнять завесу обыденности. К таким «неповседневным» смыслам относятся в том числе исторические траектории формирования России как страны-цивилизации.

Таким образом, «отказ от утопии» не означает «отказа от идеалов». Наше настоящее включает в себя память

о прошлом, общую историю, общую идентичность. Настоящее расширяется и в будущее, но это будущее в полноте жизни, а не в триумфе абстракций. Будущее – это наши дети, поколения, идущие вслед за нами, о которых тоже сказано в обновлённой Конституции (пункт 4 статьи 67¹).

КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Итак, в центре символически отражённого в Конституции нового общественного договора отныне находится человек, а не утопия в духе марксизма или монетаризма. Однако само понятие «человек» в прочтении российской Конституции носит не утилитарно-биологический, но куда более сложный и многомерный смысл, предполагает обращение ко всем уровням человеческого бытия, в том числе и к самым высшим.

Необходимо ясно отдавать себе отчёт, что современная глобальная система управления экономическими, социальными, политическими процессами выстраивается сегодня на достаточно определённом понимании онтологического статуса человека – не как онтологически суверенного субъекта, наделённого разумом и свободой, а как конструкта культурной и технологической эволюции.

Однако исторический и культурный опыт учит нас, что высокое гуманистическое учение о человеке неотделимо от восходящего к монотеистической религиозной модели представления о его божественном достоинстве

(«богосыновстве» в христианском богословии). Это факт мировой культуры. Отрицать его невозможно.

Поэтому важнейшие для современного российского общества идеи достоинства личности являются не фактором атомизации, препятствием для обретения общегражданской философии, как это преподносится зачастую, а точкой опоры для становления гражданского согласия.

Достоинство личности – это важнейшая константа зафиксированного в обновлённой Конституции общественного договора. Не случайно в ключевой, доктринальной статье 75¹ ещё раз упоминается о том, что в нашей стране «гарантируется защита достоинства» граждан. Схожие формулировки уже были использованы ещё в 1993 году в двадцать первой статье текста Основного закона, однако в тот период «расшифровка» этого положения носила сугубо негативный характер (запрет пыток, жестокого и унижающего обращения, запрет медицинских опытов над людьми и т. д.). Сегодня же достоинство гражданина, при максимально широком прочтении значения и смысла этих слов, становится одним из ключевых понятий новой конституционной идеологии.

Достоинство в современном понимании – это уважение государства и общества к личности, к её гражданским и социально-экономическим правам, проявляющееся ко всем без исключения. Это эмпатия, имеющая в том числе и практическое измерение. Поскольку слово «достоинство» яв-

ляется однокоренным со словом «достаток», это качество несовместимо с низким уровнем жизни, с прогрессирующей бедностью. Достоинство напрямую связано со свободой и неприкосновенностью личности, которые в цифровую эпоху также приобретают новые измерения. Наконец, с правом на экологическую безопасность, на жизнь в благоприятной окружающей природной среде.

Презумпция достоинства личности позволяет по-новому ставить вопросы о справедливости и о социальном идеале. Справедливость в данном контексте может быть определена как состояние защищённости достоинства личности, а социальный идеал – как состояние общества, обеспечивающее такую защищённость.

Подобному критерию в полной мере отвечает идеал солидарного общества, где солидарность присутствует и развивается на всех уровнях: в диалоге религий, культур, поколений, профессиональных и социальных групп, в способности выслушать и с уважением отнестись к мнению другого. В этом контексте абсолютно закономерно, что в статье 75¹ обновлённой Конституции говорится также о политической, экономической и социальной солидарности. И это – та часть нового общественного договора, которая, повторим ещё раз, не может быть выполнена только государством, которая требует взаимного доверия государства и общества. Доверия, базирующегося на том простом факте, что и государство, и обще-

ство формируются гражданами, что государство по сути своей является общественным институтом.

Доверие же обладает необходимым качеством «антихрупкости» лишь в том случае, когда государство занимает адекватное общественным запросам место в общественном сознании, когда его цели прозрачны, а права и обязанности граждан сбалансированы ответственным отношением власти к принятым на себя обязательствам.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В заключение позволим себе ещё раз напомнить о том вопросе, с которого начинались наши размышления, – о политическом символизме Конституции.

Общественный консенсус базируется на ценностях, имеющих гуманистическую природу, признающих высшим приоритетом благо человека. Однако, как это ни парадоксально, именно сегодня, когда так много говорится о человеке, его правах, потребностях, интересах, глобальный интеллектуальный мейнстрим оказывается «слеп» или прямо враждебен к реальности человека, к реальности человеческого в человеке.

В повестке наших дней мы имеем очень серьёзный риск – риск интеллектуального отрицания человека как

суверенной реальности, не редуцируемой к природным, социальным и культурным контекстам своего бытия.

Этот риск реализуется по следующей схеме: эрозия понятия «человек» (кризис традиционных очевидностей, смыслов, вкладываемых в понятия «природа человека», «достоинство», «субъектность»); → эрозия понятия «права человека» (переход от понимания прав человека как возможности реализации его высших способностей и потенциалов – к пониманию прав человека как эмансипации инстинктов); → эрозия базовых институтов (семья, право, государство).

На этом фоне отражённый в обновлённой Конституции РФ поворот к вопросам защиты достоинства человека становится сигналом к формированию новой версии гуманизма, опирающегося не только на универсалии общественного права, но и на фактуру общественной и исторической динамики. По сути дела, речь о важнейшем идеологическом повороте, который также является неотъемлемой частью нового общественного договора.

Если попытаться обозначить этот поворот с помощью краткой и понятной формулы, то можно уверенно говорить о консервативном гуманизме.

В центре подобного мировоззрения стоит человек, но этот «человек» – вовсе не конструкт, не «машина эмоций», которую можно запрограммировать тем или иным образом. Для консервативного гуманизма мерой всех вещей выступает «человек с боль-

шой буквы», раскрывающийся во всей полноте своего духовного, культурного и цивилизационного опыта, возвышающийся над утилитарными границами биологически детерминирующих рамок.

Отвержение принципа «мировоззренческого нейтралитета» государства и ценностной «безотносительности» права не должно мыслиться как рецидив тоталитарных практик. Оно должно стать шагом на пути передачи государству и праву роли, связанной с поддержкой и утверждением достоинства человека и гражданина, его подлинной и позитивной свободы.

Важнейшей темой, которая должна получить своё развитие в контексте нового общественного договора, выступает тема идентичности: национальной, религиозной, цивилизационной, общегражданской и т. д. С учётом презумпции достоинства личности тема идентичности человека и гражданина должна приобрести новое звучание.

Если обычно идентичность рассматривается как осознаваемая человеком принадлежность к некой общности, то в горизонте, открываемом презумпцией достоинства и субъектности человека, идентичность может трактоваться как принадлежность общности человеку, осознаваемая им как его личная ответственность и как возможность для личностного свершения. Иными словами, мы можем не только говорить, что гражданин является частью своего народа, религиозной общины, общества и т. д., но и утверждать, что судьба той или иной общно-

сти, её культуры, её история и традиции составляют существенное измерение самосознания гражданина, на котором базируются его представления о личном достоинстве.

Зафиксированный в российской Конституции новый общественный договор, взаимно увязывающий суверенитет человека и суверенитет государства через их общее обращение к высшим идеалам, является заявкой на формулирование важной глобальной смысловой альтернативы.

Благодаря этому Россия оказалась сегодня той мировой силой, которая даёт адекватный ответ на глобальный вызов «расчеловечивания», утраты представлений о высокой миссии человека, о его высшем предназначении. А обновлённая Конституция, несомненно, войдёт не только в отечественную, но и в мировую историю – как политический символ этого ответа.

УКРЕПЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЛАДИМИР ШАПОВАЛОВ

Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности.

Статья 67 п. 2¹ Конституции РФ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ – ДОСТОИНСТВО И БЛАГОПОЛУЧИЕ ГРАЖДАН

Современное политическое устройство мира, как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения внешней политики, предполагает наличие государственного суверенитета как базового принципа функционирования государства. Под суверенитетом понимается независимость государства во внешних делах и верховенство государственной власти в делах внутренних.

Однако по мере развития процессов глобализации в политической, экономической и культурной сферах происходит процесс десоверенизации, «разгосударствления». Его основной составляющей становится тенденция к сокращению государственного суверенитета, его ограничению, изъятию ряда полномочий, являющихся неотъемлемой прерогативой государства, и пере-

дача их на надгосударственный уровень, таким структурам, как МВФ, ВТО, Всемирный банк, Евросоюз, Совет Европы, Европейский суд по правам человека и пр.

Ещё одним проявлением десоверенизации является военно-политическая экспансия США, имеющая все черты неокOLONиализма. Среди них: ведение военных кампаний на территории суверенных государств, создание военных баз, принцип экстерриториальности деятельности американских законов, санкционная политика. Соединённые Штаты имеют более 700 военных баз в 30 странах мира, расположенных на всех континентах, ежегодно проводят десятки учений. Военные расходы США превосходят совокупные военные бюджеты 10 самых крупных и сильных в военном отношении стран мира.

Следствием указанных процессов становится существенное ограничение суверенитета целого ряда государств, как формальное, так и реальное.

По мнению автора теории реального суверенитета академика Андрея Кокошина, «реальный суверенитет означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнёрства и т. п. <...> Одним из важных факторов обеспечения реального суверенитета является развитие в стране фундаментальной науки, финанси-

рование которой должно взять на себя прежде всего государство. Серьёзное значение имеет способность “политического класса”, бизнес-элиты и интеллектуальной элиты к самостоятельному стратегическому мышлению в области безопасности, в том числе в области оборонной политики, экономики и социального развития, к мышлению, опирающемуся на обширную общественно-научную базу как теоретического, так и прикладного характера, на чувство просвещённого патриотизма».

Государство с ограниченным суверенитетом не в состоянии обеспечить достоинство своих граждан, защитить их интересы, жизнь, здоровье, имущество, что делает их уязвимой мишенью для агрессивных действий сопредельных государств.

Крайними проявлениями десоверенизации являются оккупация территории государства и его уничтожение (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия). В каждом из указанных случаев уничтожение государственности оборачивалось значительными человеческими жертвами среди мирного населения и резким падением качества жизни выживших в результате катастрофы. Так, Ливия до 2011 года являлась одной из наиболее благополучных стран Африки. В результате внешнего вмешательства и уничтожения государственности сейчас это страна, находящаяся в состоянии хаоса и гражданской войны.

Но даже если речь не идёт о распаде и уничтожении государства, ограничение суверенитета приводит

к умалению достоинства его граждан, ущемлению их интересов, сказывается на гарантиях их прав и качестве жизни. Частичная утрата государственного суверенитета такими странами, как Украина или Грузия, привела к существенному падению в них уровня жизни. Наличие на территории Германии или Японии американских военных баз и особый конституционно-правовой статус этих государств, закреплённый после Второй мировой войны, не позволяет этим странам на равных конкурировать с США в экономической и политической сферах. Примерами подобного рода неравноправного положения является постоянное давление Вашингтона на своих партнёров, угроза применения санкций. Последняя история – давление США на Германию в рамках реализации проекта «Северный поток II».

При этом мировая история знает и прецеденты успешных действий, направленных на укрепление государственного суверенитета. По мнению Андрея Кокошина, «одним из примеров подобной политики может быть политика дегаллевской Франции, которая в условиях активного сопротивления англосаксонских государств позволила этой стране отстоять своё право иметь широкий спектр национальной наукоёмкой промышленности – атомной, авиационной, ракетно-космической, электронной и др.». Стремление к восстановлению государственного суверенитета Франции также нашло своё выражение в принятии всенародным голосованием конституции 1958 года. Инициированная Шарлем де Голлем конституционная реформа привела к созданию сильного дееспособного государства.

СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ И КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРАВОВЫЕ ЛАКУНЫ

Конституция 1993 года была принята после распада СССР, в условиях значительного ослабления российской государственности и существенного влияния, оказываемого на политико-правовое развитие России странами Запада, прежде всего США. Результатом стало недостаточное конституционное оформление принципа суверенитета, размытость и декларативность ряда норм, правовые лакуны и ограничения государственного суверенитета, установленные в других конституционных нормах.

В частности, статья 4 Конституции провозглашает суверенитет Российской Федерации на всей её территории, принцип целостности и территориальной неприкосновенности. Однако отсутствие в Конституции чётких механизмов защиты территориальной целостности, слабость российской власти в 90-е годы вызвали целый ряд кризисных процессов, в ходе которых была поставлена под сомнение неприкосновенность территорий.

Вооружённые действия боевиков в Чеченской Республике поставили под угрозу территориальную целостность государства. Заключение 31 августа 1996 года представителями Российской Федерации и самопровозглашённой республики Ичкерия Хасавюртовского соглашения означало формальное нарушение принципа суверенитета России в пределах её территории. Следствием данных действий стало территориальное расширение зоны военного конфликта, террористические ата-

ки на ряд российских городов, военная агрессия отрядов боевиков в отношении Республики Дагестан 7 августа 1999 года.

В статье 5 Конституции России утверждается, что федеративное устройство страны основано на её государственной целостности. Однако слабость федерального центра и принцип «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» привели к резкому росту сепаратистских тенденций и поставили в конце 1990-х годов на повестку дня вопрос о самом существовании России как единого государства.

Сепаратистские тенденции охватили значительную часть российских регионов. Целый ряд субъектов Федерации включили в своё законодательство нормы, противоречащие принципу суверенитета России. В начале 1990-х годов многие республики приняли декларации о государственном суверенитете. После принятия Конституции Российской Федерации они не стали спешить с отменой таких деклараций. Некоторые из республик, например Башкортостан и Бурятия, в своих конституциях, принятых после 1993 года, определили себя в качестве суверенных государств.

Этой тенденции способствовало произвольное толкование представителями региональных элит положения статьи 5, пункта 2, зафиксировавшее двойное наименование республик – республика (государство).

Государственный суверенитет республик признавался и в договорах, подписываемых ими друг с другом. Например, в договоре о дружбе и сотрудничестве между Чувашской Республикой и Республикой Башкортостан от 24 мая 1994 года указывается на взаимное признание государственного суверенитета. Нарушением суверенитета России является также заключение ряда договоров между Российской Федерацией и субъектами Федерации, в частности, подписанные в 1994 году договоры с Татарстаном, Башкортостаном и Кабардино-Балкарской Республикой. При этом сторонами соглашения являлись не органы государственной власти, а Россия с одной стороны и республика – с другой.

Более того, сепаратистские тенденции демонстрировали не только национальные образования, но и некоторые другие субъекты Федерации. Так, 1 июля 1993 года Свердловский областной совет провозгласил создание Уральской республики.

К концу 90-х сотни правовых норм, принятых на уровне субъектов Федерации, противоречили нормам Конституции России и российского законодательства.

Таким образом, неопределённость и двусмысленность конституционных норм в части, касающейся федеративного устройства, слабость и непоследовательность федерального центра к концу десятилетия поставили на повестку дня вопрос о суверенитете и территори-

альной целостности страны, привели к началу процесса конфедерализации России.

Статья 4 в пункте 2 Конституции провозглашала верховенство Конституции и законов страны на всей территории Российской Федерации. Однако статья 15 в пункте 4 устанавливала норму, которую можно было трактовать как верховенство международного права и приоритет норм международного права по отношению к нормам российского права на территории Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Таким образом, неоднозначность данной нормы создавала ситуацию, неприемлемую с точки зрения суверенитета России. Результатом стало активное использование норм международного права для вмешательства во внутренние дела страны.

В течение 1990-х годов наша страна подписала значительное число международных договоров. Так, Россия вступила в Совет Европы, взяв на себя ряд обязательств, в том числе признания юрисдикции Европейского суда по правам человека. Однако многие решения, принятые этой международной инстанцией в отношении российской стороны, на деле были направлены не на защиту прав и интересов граждан России, а на нанесение серьёзного ущерба самому государству.

В частности, в 2014 году Европейский суд по правам человека принял решение о том, что Российская Федерация должна выплатить бывшим акционерам нефтяной компании «ЮКОС» 1,9 млрд евро. В том же году Европейский суд установил, что Россия проводила политику преследования граждан Грузии. В 2019 году по итогам рассмотрения дела «Грузия против Российской Федерации» ЕСПЧ принял решение о виновности России и обязал её выплатить Грузии 10 млн евро.

Антироссийские решения принимает не только ЕСПЧ, но и другие международные и даже национальные судебные инстанции. В 2014 году Арбитражный суд в Гааге обязал Российскую Федерацию выплатить акционерам ЮКОСа 50 миллиардов долларов. В 2020 году это решение подтвердил Апелляционный суд Гааги.

В 2017–2018 годах Стокгольмский арбитраж обязал российский «Газпром» выплатить украинскому «Нафтогазу» 2,56 млрд долларов. В 2019 году это решение было подтверждено апелляционным судом Швеции.

Все названные вердикты направлены не только против России, но прежде всего против российских граждан, ущемляют их достоинство, нарушают права и интересы. В случае исполнения этих постановлений бюджет Российской Федерации понесёт значительные потери. А это означает удар по доходам всех россиян и перераспределение доходов либо в пользу других государств, либо в карман нескольких зарубежных бизнесменов.

Необходимо отметить, что ни одного решения по защите прав граждан России, пострадавших от действий других государств, или интересов Российской Федерации в отношениях с другими государствами за всё

время наличия обязательств России перед ЕСПЧ принято не было.

Решения международных судебных инстанций в отношении России зачастую являются предвзятыми и политически мотивированными. Международное право используется оппонентами России для сведения счётов с нашей страной.

Статья 62 Конституции устанавливала ничем не ограниченные возможности для граждан России получать гражданство иного государства и содержала утверждение, что «наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод».

Данная норма, направленная прежде всего на защиту интересов наших соотечественников за рубежом и возможность для них получения российского гражданства, трактовалась очень широко и неопределённо. Как следствие – наличие у значительной части российских чиновников, представителей политических и бизнес-элит к концу 90-х второго гражданства, вида на жительство, собственности за рубежом. Это подрывало основы суверенитета. Например, 29 октября 1996 года заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации был назначен Борис Березовский. У олигарха на тот момент, скорее всего, было не только российское гражданство. Назначение на такую должность человека, имеющего паспорт другого государства, создало значительные угрозы безопасности России.

Присутствие в составе правящей элиты иностранных граждан является явным признаком зависимого статуса государства, ограниченности его суверенитета.

В последние десятилетия было множество подобных примеров. Обычно речь идёт о гражданах США и ряда других государств Запада, которые занимают руководящие позиции в зависимых государствах. Так, президентом Афганистана в настоящее время является Ашраф Гани Ахмадзай, с 1977 по 2001 год проживавший в США. В 2003 году президентом Грузии был избран бывший сотрудник американской юридической фирмы Patterson, Belknap, Webb & Tyler Михаил Саакашвили. В 1998 году президентом Литвы стал Валдас Адамкус, за пять дней до инаугурации отказавшийся от американского гражданства. В 1999 году президентом Латвии была избрана гражданка Канады Вайра Вике-Фрейберга. В 2006 году президентом Эстонии стал гражданин США Тоомас Хендрик Ильвес.

Наличие второго гражданства или вида на жительство у российских представителей политических и бизнес-элит создало возможности для широкомасштабного процесса вывоза капитала. За период с 1994 года по 2018 год отток капитала из страны составил 766,2 млрд долларов. Значительная часть этих средств была выведена из отечественной экономики через офшорные схемы. Выведенные денежные средства – это недополученные доходы бюджета, недофинансирование социальной сферы, науки, образования, здраво-

охранения, не созданные новые рабочие места и, как следствие, серьёзный удар по качеству жизни граждан России.

Таким образом, декларативность, недостаточность, двусмысленность и противоречивость конституционных норм нанесли значительный ущерб Российской Федерации и российским гражданам, их правам и интересам.

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: 2000–2010-Е ГОДЫ

Государственная политика 2000–2010-х годов в целом была направлена на восстановление суверенитета и принесла значимые результаты, позволив воссоздать суверенитет России, возродить целостность страны.

Был прекращён вооружённый конфликт на Северном Кавказе. Чеченская Республика была воссоздана в качестве субъекта Российской Федерации. На территории республики была возрождена система органов государственной власти и местного самоуправления, восстановлено в полной мере действие Конституции Российской Федерации, федеральных законов и подзаконных актов. Было уничтожено террористическое подполье. Теракты и массовые убийства российских граждан ушли в прошлое.

В первой половине 2000-х годов была восстановлена вертикаль исполнительной власти, ликвидированы сепаратистские тенденции в регионах. Нормы регионального законодательства, противоречащие российскому законодательству и нарушающие суверенитет России,

были упразднены, законодательство субъектов Федерации было приведено в соответствие с федеральным.

Важной частью данной политики стала «национализация элит». В начале 2000-х годов в течение нескольких лет в федеральное законодательство были внесены нормы, ограничивающие лицам со вторым гражданством право занимать должности в системе государственной власти и местного самоуправления, возможности владеть зарубежными активами. Эти меры касались представителей как законодательной, так и исполнительной власти федерального, регионального и муниципального уровней. Соответствующие изменения были внесены в законодательство о государственной и муниципальной службе, избирательное законодательство и пр.

В 2010-е годы были приняты нормы об «иностранных агентах» и «нежелательных организациях», создавшие условия для противодействия внешнему вмешательству во внутренние дела в России. В частности, российские некоммерческие организации, получающие финансирование из-за рубежа, приобретают по решению Министерства юстиции России статус «иностранный агент», свидетельствующий о возможном выполнении данной организацией действий в интересах иностранных государств и компаний. Статус «нежелательной организации» свидетельствует о том, что данная иностранная структура нарушает суверенитет Российской

Федерации. Деятельность её на территории нашей страны должна быть прекращена.

Российская Федерация в правоприменительной практике возвращается к принципу верховенства собственного права на своей территории. Решения международных инстанций, нарушающие суверенитет государства, права и интересы российских граждан, больше не действуют на территории страны. Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 17 января 2017 года решение ЕСПЧ по «делу ЮКОСа» признано противоречащим нормам Конституции Российской Федерации. Конституционный суд постановил «признать невозможным исполнение» решения ЕСПЧ по данному делу.

«Россия вправе отступить от наложенных на неё обязанностей, если это единственный способ не нарушать Конституцию России», – заявил председатель Конституционного суда Российской Федерации Валерий Зорькин. Таким образом, данным решением был создан важный прецедент по защите государственного суверенитета.

Эта политика дала свои результаты. Происходит восстановление суверенитета страны. Однако процесс нуждается в завершении. Таким завершением является внесение изменений в текст Конституции Российской Федерации.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ – БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

Старт конституционной реформе был дан Президентом России Владимиром Путиным 15 января 2020 года.

В послании Федеральному Собранию Президент обозначил следующий основополагающий принцип: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным». Именно этот принцип стал основой внесённого главой государства проекта конституционных поправок.

Принятые 1 июля 2020 года конституционные поправки устраняют правовые лакуны и слабые места Конституции 1993 года. Принципы защиты целостности и территориальной неприкосновенности страны конкретизированы и дополнены.

В статье 67 новой редакции Конституции установлено, что действия и призывы к действиям, направленные на отчуждение части территории, не допускаются. Данная норма создаёт эффективный механизм защиты государственного суверенитета. Это очень важно в условиях, когда целый ряд сопредельных государств имеет территориальные претензии к России.

Поправки закрепляют верховенство норм российского права на территории страны. В конфликте норм международного права и российских конституционно-правовых норм приоритет теперь всегда будет за Конституцией России (новая редакция статьи 79).

«Считаю, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом

пространстве. Что это означает? Это означает буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции», – заявил Президент России.

Данная новелла ликвидирует двусмысленность и противоречивость первоначального текста Конституции, создававшего существенную возможность ограничения государственного суверенитета.

Эта норма, по сути, восстанавливает статус России как суверенного, независимого государства, полноправного члена международного сообщества. Необходимо отметить, что все государства, обладающие реальным суверенитетом, не признают верховенство норм международного права над национальным правом. В числе таких государств – США, Китай, Франция, Великобритания.

Наконец, существенное значение имеют нормы, воспрещающие лицам, занимающим значимые позиции в федеральных органах власти, иметь второе гражданство, вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства, а также открывать и иметь счета и хранить наличные денежные средства за рубежом (статьи 81, 95, 97, 110, 119, 129).

Таким образом, процесс «национализации элит», начавшийся около 20 лет назад, получил конституционно-правовое завершение. «Национализация элит» создаёт слой национально ориентированных, патристически мыслящих политиков и государственных служащих, помыслы которых направлены на защиту интересов своей страны и обеспечение благосостояния её граждан.

Конституционные изменения делают необратимым процесс восстановления суверенитета, формируют устойчивую правовую базу для существования России в качестве независимого субъекта международного права, создают основу для защиты интересов сограждан как внутри страны, так и за рубежом. Только в таком – сильном и эффективном – государстве может быть в полной мере обеспечено достоинство граждан страны.

По словам Президента России Владимира Путина, «величие России неотделимо от достойной жизни каждого гражданина. В этой гармонии сильной державы и благополучия людей вижу основу нашего будущего».

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

БОРИС МЕЖУЕВ

Российская Федерация принимает меры по поддержке и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Статья 79¹ Конституции РФ

Одна из вновь введённых в Конституцию статей, а именно статья 79¹, целиком посвящена проблеме безопасности. Этой статьёй задаётся определённое направление внешней политики Российской Федерации – предписывается действовать в пользу укрепления мира, способствовать обеспечению мирного сосуществования государств и народов, препятствовать вмешательству во внутренние дела других стран. По существу, этими тремя положениями Россия объявляет о своём противостоянии международному терроризму, силовому интервенционизму и интернациональному революционизму.

Это были именно те три угрожающие практики, с которыми наша страна столкнулась в конце 1990-х – начале 2000-х годов и из системного противостояния которым родилась её независимая внешняя политика. Россия вступила в борьбу с международным терроризмом на своей территории и смогла устранить эту опасность, не прибегая к серьёзным ограничениям прав человека. В противодействии террористам российская сторона рассчитывала на поддержку ведущих стран мирового сообщества, в первую очередь США, подвергшихся сильному удару 11 сентября 2001 года.

Россия оказала помощь США в их борьбе с «Аль-Каидой», а впоследствии и с ИГИЛ (запрещена в РФ). Но при этом наша страна исходила из того, что военный интервенционизм – идеология, ответственная за вторжение США в Ирак в марте 2003 года, – не является адекватным ответом на угрозу терроризма и только ухудшает ситуацию с проблемой безопасности в мире.

США от фактического потворства исламскому терроризму в Югославии и в Афганистане перешли к апологии военных интервенций для смены неугодных им режимов, используя для этого фиктивные поводы и ложные оправдания типа наличия у их противников оружия массового поражения. Россия уже в 2003 году выразила сомнения в обоснованности вторжения в Ирак коалиции стран во главе с США, хотя в тот момент её отношения с Вашингтоном носили максимально благоприятный за все последние 20 лет характер.

В феврале 2007 года в знаменитой мюнхенской речи Президент Владимир Путин жёстко заявил о недопустимости одностороннего подхода и интервенционист-

ской стратегии в международной политике. Однако США не остановились на достигнутом и впоследствии совершили ещё несколько интервенций – открытое вмешательство в гражданскую войну в Ливии и скрытое содействие вооружённому сопротивлению режиму Асада в Сирии.

Надо признать, что стратегия прямого военного вмешательства стала находить всё меньше и меньше поддержки в самой Америке и тем более у её союзников в Европе.

Для свержения негодных режимов США стали использовать тактику провоцирования революций, часто сопряжённых с недовольством части населения итогами выборов либо теми или иными действиями властей. Так называемые цветные революции произошли в целом ряде стран, и во многих случаях закулисная роль американских спецслужб либо дипломатических представителей в этой истории не вызвала больших сомнений.

Общий итог этих акций был неутешителен: практически ни в одной из стран, переживших «цветную революцию» с американским участием, не возникло устойчивого демократического режима. В Ливии авторитарный режим сменился гражданской войной, в Египте утвердилась военная диктатура, Грузия и Украина лишились части своих территорий и вынуждены были примириться с положением сателлитов Запада.

ПОСТОЯННО НАРУШАЕМЫЙ ПРИНЦИП, БЕЗ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОБОЙТИСЬ

Итак, несмотря на многократное осуждение идеи невмешательства во внутренние дела других государств со стороны правозащитного сообщества, этот принцип, однако, сохранился в качестве приоритетного для сферы международных отношений. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что к нему стали апеллировать либеральные политики США, пытавшиеся переложить на Россию ответственность за проигрыш на президентских выборах Хиллари Клинтон.

В рамках данной статьи следует проследить исторические истоки принципа невмешательства во внутренние дела и проанализировать, в какой мере этот принцип сохраняет свою значимость и релевантность в современном восприятии международного права.

Принцип невмешательства во внутренние дела представляет собой странный и во многом парадоксальный юридически-политический феномен, в какой-то степени не имеющий аналогов внутри системы международного права. Принцип этот с самого своего утверждения наталкивался на многочисленные оговорки и исключения со стороны великих мировых держав, его много раз отправляли в архив истории как досадный пережиток, рудимент старых эпох. Но при этом всякий раз оказывалось, что, несмотря на все случаи нарушения этого принципа, полностью отказаться от него в международных делах невозможно, и само существование международного права во многом зависит от присут-

ствия данного принципа в качестве идеального основания современного миропорядка. Можно сказать, что сама апелляция к этой идее выдаёт тот факт, что эпоха модерна ещё не пришла к своему завершению, и постмодерн остаётся пока не более чем философской утопией.

Наиболее известным в политической философии текстом, проблематизирующим тезис о невмешательстве, рассматривающим его как с позитивной, так и с негативной точек зрения, является статья Джона Стюарта Милля «Несколько слов о невмешательстве», опубликованная им в декабре 1859 года. Милль в одном и том же тексте одновременно выступал за сохранение этого принципа для сообщества, как он выражался, свободных народов и обосновывал неприложимость его к диктаторским режимам, подавляющим свободу народов. Согласно выводам Милля, вмешательство оказывается оправдано в случае защиты интересов свободы от внешнего гнёта и порочно в случае взаимной поддержки тиранических режимов. Учитывая, что Великобритания в 1860–1870-е годы являлась главной сторонницей сохранения Османской империи как противовеса усилившейся России и, соответственно, противницей освобождения балканских славян от турецкого ига, выводы Милля должны были быть доведены до логического конца разделением народов на достойных и недостойных независимости. Отчасти Милль и приближался к этому выводу, указывая на недопустимость применения принципов международного права к народам, которые он называл «варварскими».

В XX веке разделение народов на достойных и недостойных независимости стало восприниматься как оправдание практики колониализма с характерным для него дискурсом «цивилизационной полноценности» Запада в отличие от требующих имперской опеки народов Востока.

Однако любопытно, что уже в наше время тезисы Милля вновь обретают популярность в связи с понятием «справедливой войны», введённым в оборот политической мысли американским политическим философом Майклом Уолцером. По существу, речь идёт – и у Милля, и у Уолцера – о возвращении к довестфальской политике идеологической нетолерантности, только при замене дихотомии протестантизм/католицизм противопоставлением свободы/тирании.

Несмотря на множество оправданий нарушению принципа невмешательства, ещё не кажется вполне реальным миропорядок, в котором любая сильная страна легко и беспрепятственно воспринимала бы тот факт, что, скажем, другое государство вмешивается в его внутренние дела, предопределяя тем или иным способом политический выбор её жителей или же принуждая власти к той или иной политике. Можно сказать, что на этом принципе если не рушится, то спотыкается кантовский категорический императив и в целом «золотое правило этики» с его требованием обязательной универсальности каждого морально значимого поступка. Все случаи оправданных «гуманитарных интервенций» как бы не вводят «вмеша-

тельство» в обязательный поведенческий стандарт. Тем не менее напряжение между строгой догмой и отклоняющейся от неё допустимой практикой никуда не исчезает, и можно сказать, что само это напряжение и задаёт всю политическую динамику зрелому модерну, определяя направление творческих поисков политических философов, пытающихся это напряжение тем или иным способом снизить. Смысл политического постмодерна и мог бы состоять в моральной и юридической легализации вмешательства сильных государств в дела слабых – со всеобщим признанием если не допустимости, то хотя бы моральной нейтральности интервенций. Подобно тому, как мы воспринимаем нацеленные на нас экономические санкции – мы расцениваем их как несправедливые, неоправданные и бессмысленные, но тем не менее мы не считаем их преступлением, видя в них лишь отражение политических интересов наших оппонентов.

К интервенциям и случаям вмешательства отношение пока совершенно иное – как к международному преступлению. И хотя уже можно представить себе мир, в котором ни одна сторона более не апеллировала бы к устаревшему принципу, не взывала бы в случае его нарушения к патриотизму и суверенитету, однако пока этот мир ещё далёк от окончательного воплощения.

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕКЛАРАЦИЙ

Несмотря на то что принцип невмешательства во внутренние дела прямым образом не зафиксирован

в Уставе Организации Объединённых Наций, он легко вычитывается из двух пунктов этого Устава. Это пункт 4 (глава 1, статья 2), требующий от любого члена ООН воздерживаться в международных отношениях «от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединённых Наций». И пункт 7 той же статьи, отказывающий этой организации «в праве на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». При этом здесь же содержится оговорка, что данный принцип «не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII». То есть речь идёт о допустимых действиях, касающихся нарушений мира и актов агрессии. Организации Объединённых Наций разрешается использовать принудительные меры лишь для их предотвращения, но, с другой стороны, членам ООН воспрещается угрожать применением силы.

Принцип невмешательства не обозначен в обоих пунктах прямо и недвусмысленно – принудительное воздействие одного государства на другое с целью изменения его политики может происходить и без прямой угрозы силой (например, подкупом политической элиты, массированным пропагандистским воздействием или же использованием киберсредств). Всё это впрямую Устав ООН не запрещает, хотя, конечно, все эти меры находятся в прямом противоречии с признанием суверенитета территориального государства и являются несомненным вмешательством в его внутренние дела.

Все точки над *i* в вопросе о невмешательстве во внутренние дела был призван поставить целый ряд совместных деклараций стран ООН. Документы, принятые в 1970–1980-х годах, запечатлели в себе дух «разрядки» – временного отказа двух сверхдержав от жёсткого идеологического соперничества.

Первым из этих документов стала принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года Декларация о принципах международного права № 2625 (XXV). В ней отдельным пунктом запрещалось не только военное вмешательство в дела другого государства и пособничество таким действиям, но также иные формы воздействия на государство с целью его подчинения, то есть экономическое воздействие на страну; политическое вмешательство в её внутренние процессы; деятельность, направленная на лишение народов их культурной самобытности и права на самоопределение.

Фактически утверждённый этой Декларацией принцип невмешательства был ещё более точно сформулирован и получил детальное описание в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в Хельсинки в августе 1975 года. А в 1981 году недопустимость интервенций и любых форм вмешательства во внутренние дела была окончательно утверждена специальной Декларацией, принятой резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 года.

Иными словами, по состоянию дел в мировом сообществе на январь 1982 года практика «интервенций» по какому-либо гуманитарному поводу, то есть с благой целью, оценивалась в качестве антиправовой меры, противоречащей самим основам международного порядка. Любопытно, что в эти годы «разрядки» записать себе в актив серию «гуманитарных интервенций» могли именно СССР и его союзники.

СОВЕТСКИЙ «ГУМАНИТАРНЫЙ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ» И ЗАПАДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

За понятием «гуманитарный интервенционизм» стоит не декларативная экспансия коммунизма ранних лет СССР и пропаганда мировой революции, что, разумеется, вступало бы в жёсткое противоречие со всеми перечисленными выше международными документами, а реальные действия социалистических стран в более поздний период. В декабре 1978 года вьетнамские войска ликвидировали самый кровавый режим второй половины XX века – режим «красных кхмеров» в Камбодже; годом спустя советское вторжение покончило с террористическим режимом Хафизуллы Амина в Афганистане. Помимо соображений геополитического противостояния Китаю и США, вступившим в фактический альянс в 1979 году, эти действия оправдывались в том числе аргументами гуманитарного порядка – стремлением освободить народы от бесчеловечных правителей. Кубинские войска в эти же годы были готовы нести

коммунистическую идею не только в страны Латинской Америки, но и в не вполне освободившуюся от колониальной зависимости Африку, в частности в Анголу, ещё находившуюся под властью Португалии. Все эти антиколониальные и антиимпериалистические «интервенции» встречали последовательное осуждение со стороны стран Запада.

США, осуществляя в годы холодной войны вторжения и интервенции, обосновывали их отнюдь не «гуманитарными» аргументами, а чаще всего соображениями национальной безопасности и необходимостью вооружённого отпора коммунистической или советской угрозе.

Мы не знаем примеров, когда американцы предпринимали бы «смену режима» в той или иной стране просто на основании недемократичности этого режима (лишь в декабре 1989 года США официально мотивировали вторжение в Панаму защитой жизни 35 000 американских граждан и восстановлением там демократии). Единственное исключение – определённая слабость, проявленная администрацией Джимми Картера в деле спасения шахского режима в Иране, которая обернулась поражением Картера на выборах 1980 года. Тогда победили жёсткие антикоммунистические силы во главе с Рональдом Рейганом, идеологи которых, типа будущего посла в ООН Джин Киркпатрик, тут же стали настаивать на необходимости сосредоточить усилия Запада

на борьбе именно с советским тоталитаризмом и его союзниками, отказавшись от ложной и наивной цели распространения демократии в третьем мире.

В каком-то смысле тем принципам, которыми руководствовались США и Запад в целом в годы холодной войны, гораздо в большей мере соответствуют идеологические основы внешней политики путинской России, чем те ценности, которые приняты сегодня пережившей в 1990-е свой кратковременный триумф Евро-Атлантикой. Безусловно, о невмешательстве во внутренние дела как благе для всей Европы говорил в своём интервью финской прессе и Леонид Брежнев в 1975 году. Однако именно в устах советского лидера признание этого принципа оказывалось свидетельством отступления от характерных для революционного марксизма принципов классовой войны, тогда как его визави в Хельсинки президент США Джеральд Форд, подписываясь под тем же документом, следовал давней американской традиции идеологической нейтральности во внешнеполитическом поведении. Сегодняшнему, движущемуся в сторону постмодерна Западу (по его идеологии) оказывается гораздо ближе СССР с его декларативным интервенционизмом разных лет, чем реалистическая политика стран НАТО периода холодной войны.

Политический реализм на Западе после триумфа 1991 года и либерального «конца истории» очень быстро вышел из моды, и на смену ему на короткое время пришёл интервенционизм в либеральной или

неоконсервативной его вариациях. А понятия «гуманитарная интервенция» и «обязанность защищать» стали необходимым элементом политического лексикона глобальной элиты.

«ОБЯЗАННОСТЬ ЗАЩИЩАТЬ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАКТИКИ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА

Практика «гуманитарных интервенций» получила полную легитимацию на уровне доктрины НАТО во время серии ударов этого военного блока – вначале по позициям боснийских сербов в 1994–1995 годах, а впоследствии по самому государству Югославия во время столкновений вооружённых сил страны с отрядами Армии освобождения Косово в марте 1999 года. Робкую попытку отстоять принцип невмешательства, явно устаревающий в связи с развёртывающимися событиями, предпринял тогда в серии газетных и журнальных публикаций патриарх политического реализма в США бывший госсекретарь Генри Киссинджер.

Непосредственно перед голосованием в палате представителей США по вопросу использования силы НАТО против Сербии 22 февраля 1999 года Киссинджер выступил со статьёй «No US Ground Troops in Kosovo» в газете The Washington Post. В частности, он указал на то, что вооружённая борьба государства с использующим силу

сепаратизмом на своей территории входит во «внутреннюю компетенцию» страны на основании принципов, заложенных ещё Вестфальским договором 1648 года и не противоречащих 1 главе Устава ООН. Пересмотр этих принципов, утверждал Киссинджер, может нанести серьёзный удар по всему международному порядку, тогда как добиться отказа от слишком жёсткого применения военной силы федеральными властями можно и без помощи интервенции.

Аргументы Киссинджера оказали своё воздействие на конгрессменов-республиканцев, отказавшихся поддерживать «новый военный гуманизм» Билла Клинтона, который хотел попробовать свои силы на Балканах. Однако именно с этого момента начался длительный период преследования Киссинджера как военного преступника международными правозащитными организациями, за которыми, как можно предположить, стояла часть либерального истеблишмента, не просто поддержавшая войну в Косово, но и попытавшаяся превратить её в показательный пример «гуманитарного» империализма нового типа. Бывший госсекретарь, судя по его риторике последующего времени, как будто усвоил преподанный ему урок политкорректности и более против «гуманитарных интервенций» свой голос не поднимал.

Напротив, с этого самого времени начинают входить в моду идеи европейских теоретиков, типа француза Бернара Кушнера, британца Роберта Купера, американки Саманты Пауэр, об «обязанности вмешаться», «новом либеральном империализме», глобальной демократической революции. Согласно их выводам, то, что произошло в марте 1999 года в связи с войной НАТО в Косово,

должно стать своего рода путеводной звездой для будущей политики в аналогичных ситуациях конфликта «неприятной» для Запада федеральной власти с вооружённой оппозицией, находящейся под западным покровительством.

История с Косово вывела на первый план международной дипломатии и политической мысли генерацию экспертов и практиков, остро желавших сменить устаревших ветеранов холодной войны с их антиинтервенционистскими догмами эпохи «разрядки».

В этот короткий период о принципе невмешательства во внутренние дела отваживались вспоминать только руководители тех стран, которые имели все основания опасаться подрывной деятельности спецслужб стран Запада и политически ориентированных негосударственных структур, типа отделений института «Открытое общество», спонсируемых миллиардером Джорджем Соросом.

Политический реализм на Западе ушёл в глухую оборону, а инициативу взяли на себя теоретики правозащитного интервенционизма, добившиеся утверждения в 2005 году на Ассамблее ООН декларации «Обязанность защищать» (Responsibility to protect), призывавшей международное сообщество к решительным действиям в случае фактов геноцида, этнических чисток и других актов неправомерного насилия. Безусловно,

декларация была сформулирована достаточно осторожно, чтобы не создать впечатления полного разрыва с декларированными ранее принципами невмешательства во внутренние дела и отрицанием интервенций. Вооружённая агрессия без санкции Совбеза ООН по-прежнему решительно отрицалась в этом документе, но тем не менее становилось ясно, что правозащитная логика постепенно берёт верх над вестфальскими принципами и «новый либеральный империализм» собирает всё больше и больше сторонников.

Надо со всей определённой признаться, что этот процесс постепенной «постмодернизации» Запада и всего мира оказался прерван именно в 2014 году благодаря действиям России в украинском кризисе. Поддержав тогда Украину, Запад уже не мог осуждать вооружённую борьбу с сепаратизмом как таковую, и весьма показательно, что ни США, ни Европа, ни даже сама Россия не вспомнили об «обязанности защищать» права русскоязычных жителей востока Украины в условиях потенциально возможного или вполне актуального их столкновения со сторонниками киевского режима. Доктрина постепенно утратила своё актуальное политическое значение. Становилось понятно, что слова про «обязанность защищать» относятся исключительно к странам Запада и в первую очередь – к США. У других стран таковой «обязанности» не оказывалось. Столь очевидная демонстрация двойных стандартов сделала «новый либеральный империализм» со всеми его идеологемами и категориями системой взглядов, не слишком удобной в целях пропаганды. А история с гипотетическим «вмешательством» Москвы в американские выборы 2016 года

вообще вернула вроде бы уже безнадежно устаревший принцип невмешательства в актуальный арсенал идеологических аргументов тех стран, чья политическая экспертная мысль ещё недавно хоронила этот принцип как рудимент отжившей эпохи.

НАВСТРЕЧУ ЭПОХЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОДНОСТОРОННОСТИ

Какие выводы общего характера можно сделать из всей этой истории? Что мы обнаруживаем в ней, помимо констатации свойственного всем политикам лицемерия, практики двойных стандартов, а также приверженности сильных мира сего «воспетой» ещё русским философом Владимиром Соловьёвым «готтентотской морали», согласно которой добро – это когда я увожу чужую жену, а зло – когда жену уводят у меня? Можно ещё отметить как в очередной раз подтверждённую горькую истину конъюнктурность экспертной мысли, готовой декларировать в качестве последнего вывода строгой науки какой-нибудь новейший сенсационный тезис, обслуживающий интересы текущей политики. Иными словами, не вызывает больших сомнений, что Запад признаёт «невмешательство во внутренние дела» как принцип в тех случаях, когда это ему выгодно, и, соответственно, отрицает, когда выгодно обратное.

Это всё вполне тривиально и аксиоматично, но в этой истории, нам кажется, есть определённый аспект, который позволяет рассмотреть её в более содержательной

рамке. Нынешняя частичная реабилитация принципа невмешательства отнюдь не возвращает Запад к временам холодной войны, хотя следует признать, что сегодня в США политический реализм снова вошёл в моду, а о концепциях либерального империализма говорят заметно реже.

Тем не менее идеологический процесс на Западе развивается таким образом, что в ближайшее время двойной стандарт вмешательства может получить своё внятное теоретическое разъяснение. Проще говоря, российское вмешательство в американские выборы, – очевидно, абсолютно вымышленное – будет осуждено не по причине самого факта «вмешательства», а именно в силу его «российскости». То же самое наверняка окажется актуальным и в отношении возможного вмешательства в дела западных государств со стороны Китая, Ирана или любой другой незападной страны.

Можно в этом смысле создать своего рода типологию возможных способов отношения той или иной страны к самому феномену «гуманитарного» вмешательства в её дела. Речь идёт именно об идеальных типах определённых принципов и установок, которые в действительности могут частично сочетаться друг с другом.

Первый из них отнесём к модерну и назовём его «современным»: речь идёт о признании принципа «невмешательства во внутренние дела». В этом смысле сохранение этого принципа в документах ООН и закрепление его в поправках к российской Конституции, принятых в июле 2020 года, отражают продолжающуюся несмотря на все постмодернистские трансгрессии «современность» России и всего мирового сообщества.

Напротив, последовательное отрицание роли данного принципа, выдвижение противоположного ему императива обязательности «гуманитарных интервенций», к которому в какой-то момент тяготело западное либеральное общественное мнение и который от его имени был навязан мировому сообществу, можно отнести к постмодерну и назвать его, соответственно, «постсовременным».

«Гуманитарное» вмешательство и даже военная интервенция, согласно постмодернистскому, или постсовременному, подходу, не просто признаются допустимыми, но даже ставятся в обязанность всем государствам, готовым осуществить подобное вмешательство, и мировому сообществу в целом.

Подобное размывание принципа невмешательства логически ведёт к появлению концепций в духе «нового либерального империализма», в которых, однако, остаётся неясным один вопрос – как отнестись к факту предполагаемого вмешательства во внутренние дела предположительно либеральных государств со стороны их «нелиберальных» конкурентов? Как соотносить декларированное право на вмешательство (и даже обязанность вмешиваться – в тех или иных якобы благородных целях) с необходимостью самому защищаться от вмешательства извне?

Как только перед обществом встаёт подобная проблема, оно с высокой вероятностью может перейти с национальной, то есть «модернистской», на цивилизационную,

«контрмодернистскую», или же «контрсовременную», систему политической аргументации.

Согласно логике «контрмодерна» (в отличие от постмодерна), вмешательство оправдано только в том случае, когда оно исходит от своего, то есть «правильного», с цивилизационной точки зрения, сообщества, и оказывается недопустимым, когда его производит, по своей логике, сообщество, принадлежащее к иному цивилизационному типу. В принципе, это не что иное, как возвращение к старым идеям Дж. С. Милля, только в новой ситуации, когда с повестки дня истории уже снята тема колониального господства и заведомо не политкорректного отнесения части народов к «варварам».

В данном случае получается, что существует «общество демократий», со взаимным признанием принципа невмешательства, и заведомо исключённые из него режимы, любое влияние которых на международные дела заведомо негативно. Самое сложное в этом «контрмодерном» принципе – способность открыто его декларировать: понятно, что утверждающая такой принцип декларация не будет принята ни на одной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, поскольку сам институт ООН основан на модернистском принципе национального равноправия.

Поэтому любое открытое обозначение «контрмодернистского» принципа национального неравноправия будет шагом в сторону разрушения базовых основ меж-

дународного права. Тем не менее нельзя исключать, что под формальным зонтиком ООН смогут формироваться различные конкурирующие между собой цивилизационные блоки, в которых принцип невмешательства будет трактоваться на основании ценностно оправданного двойного стандарта: вмешательство своей цивилизации в дела других стран будет признаваться явлением позитивным, вмешательство других цивилизаций в дела внешнего мира – негативным.

Нельзя исключать и своеобразного воскрешения духа модерна в условиях гипотетической цивилизационной «разрядки» с новыми договорённостями о разделении сфер влияния и с признанием недопустимости выхода за их пределы. Но это, разумеется, произойдёт только в том случае, если цивилизация Евро-Атлантики столкнётся с неодолимой для себя преградой в виде цивилизационно определившихся и оформившихся китайского и российского блоков.

В этом смысле конституционная реформа 2020 года является своего рода манифестом о необходимости возрождения «современности», но через продолжительный и сложный этап конкуренции цивилизаций.

И успех этого нового модерна будущего зависит во многом от способности России выполнить миссию «цивилизации-посредника» между Евро-Атлантикой и Китаем, каковая миссия, вероятно, предназначена ей Богом и историей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ

ВЛАДИМИР БЕКЛЯМИШЕВ

Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Статья 67¹.1 Конституции РФ

Распространённое мнение о том, что наличие идеологии является для современного государства в большей степени недостатком, нежели преимуществом, справедливо рассматривать в историческом контексте. С окончанием холодной войны право на продвижение собственной мировоззренческой системы сохранилось лишь за победившей стороной, которая предусмотрительно скрыла свою гегемонию в этой сфере. Неолибе-

рализм сделался своего рода «фигурой умолчания», а его распространение стало описываться в терминах «нормализации» и «деидеологизации». Прошедшие тридцать лет не принесли миру каких-либо иных идеологических платформ, подобных марксистско-ленинскому учению. Однако не состоялся и предсказываемый апологетами глобализма «конец истории». В эпоху многополярности, оформившуюся на наших глазах, региональные центры силы, претендующие на суверенный статус, не отрицая базовых либеральных ценностей, стали апеллировать к собственным мировоззренческим концепциям – пусть и не столь логически стройным, но, безусловно, жизнеспособным и востребованным. Вновь ожили идеи этнической и религиозной идентичности, культурного многообразия, зависимости от исторического пути. Стремление к универсализму уступило место цветущей сложности.

Существование любой политической системы – вне зависимости от её идеологического наполнения – зиждется на ценностном фундаменте. Отсылки к трансценденциям – свободе, справедливости или национальному достоинству, словно надёжные якоря, удерживают государство в бурном потоке исторического времени. Именно через них существование политики приобретает очертания естественного и незыблемого порядка, предстаёт общим достоянием, за которое, в случае крайней необходимости, можно отдать и жизнь.

Для постсоветской России, с трудом пережившей распад социалистической системы, обретение новых оснований своей идентичности стало вопросом геополитического выживания. Поиск «национальной идеи», начатый с прямодушного призыва Бориса Ельцина, вылился в череду многолетних дебатов разной степени продуктивности, параллельно с которыми в недрах общественного сознания вызревала потребность в исторической преемственности, преодолении глубоких исторических разломов. Тяжёлый опыт XX столетия соединился в этом запросе со стремлением к планомерному и поступательному развитию, а неприятие «чрезвычайщины» – с надеждой на благополучное будущее. Новые поправки в Основной закон, одобренные по итогам общенародного голосования 1 июля 2020 года, стали точкой кристаллизации этого гражданского мировоззрения. Справедливым будет рассматривать в этом контексте и «исторические» новеллы, утверждающие тезис о преемственности в развитии Российского государства, формирующие образ предков, передавших нам свои идеалы, и гарантирующие защиту исторической правды.

СИСТЕМА КООРДИНАТ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Высокая ответственность ложится на плечи тех, кому предстоит обеспечить реализацию этих конституционных положений.

Понятие правды, стержневое для русской культуры, возникает в одном из наших первых литературных памятни-

ков – «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Правда есть точка равновесия между этими полюсами. Больше, чем просто следование норме, но не столь всеобъемлющая, как Божья милость. Правда обретается согласием, достигнутым в свободном обсуждении. А историческая правда – в дискуссии, где каждый аргумент подтверждается источником, свидетельством, фактом.

Установить голые факты – мало. Необходимо дать им ценностную интерпретацию, которая сделает историческое знание полезным для широкого круга современников, позволит извлечь из него социальный опыт.

В своём публичном, политическом измерении история предстаёт как череда славных побед и жертв, принесённых во имя Отечества. Из этих образов слагается своего рода «координатная сетка», точкой отсчёта в которой является идея государственности.

Кроме того, история – прекрасный политический язык, если подразумевать под языком общеизвестную и упорядоченную систему символов. Военные победы, наука и культура из года в год занимают первые места в рейтингах причин гордиться своей страной, составляемых по итогам социологических опросов. Нет легче способа вовлечь всё общество в обсуждение коллективных приоритетов, лежащих далеко за горизонтом отдельно взятой человеческой жизни, чем в формате публичной дискуссии о прошлом. Исторические дебаты сегодня – едва ли не последний легитимный способ выйти за рам-

ки «вечного настоящего», оттенить на время потребительские ценности, преодолеть довлеющее господство экономического империализма. Свободный разговор о прошлом позволяет, как в своё время писал Михаил Бахтин, изобразить как уже бывшее то, «что, по существу, является целью, долженствованием». Отсюда вывод, что, декларируя в Конституции приверженность «тысячелетней истории», наши сограждане выражают надежду не столько на обновление школьных учебников, сколько на объединение усилий государства и общества для достижения осязаемых результатов в будущем.

Исторический опыт востребован не только в рамках целеполагания, но и при выборе из множества альтернативных путей развития общества. «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на её листы, как мореплаватели на чертежи морей», – заметил Николай Карамзин в предисловии к своей «Истории государства Российского».

Словно отвечая на упрёк Петра Чаадаева, Российское государство в XX веке явило миру множество невероятных достижений, однако значимая их часть оплачена очень высокой ценой. Отсюда – известная двойственность нашей национальной памяти: отдавая приоритет коллективному началу, мы уделяем внимание героическим страницам прошлого; подчёркивая приверженность ценностям прав человека – скорбим по жертвам, оборотной стороне этой медали. Хочется верить, что

со временем две эти точки зрения, противопоставляемые друг другу, мы сможем привести к устойчивому балансу.

Принятие поправок в Конституцию не означает появления нового Основного закона, а подтверждает ранее выбранный российским обществом вектор на построение демократического социального государства, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Законодателем, опирающимся на волю большинства, предпринята попытка соединить величие страны и достоинство её граждан, свободу и коллективное начало, благополучие и суверенитет.

Этот срединный путь, олицетворённый в нашей истории фигурами Петра Столыпина, Николая Бухарина и Алексея Косыгина, по-прежнему сохраняет свою привлекательность как нереализованная альтернатива, завещанный предками шанс.

Деликатная природа исторической памяти требует такта в работе с нею. Опасны крайности, и именно на их предупреждение направлены новеллы Основного закона. Так, дегероизация, в своих радикальных формах доходящая до очернения защитников Отечества, влечёт за собой утрату обществом моральных ориентиров, а вслед за тем – и исторической субъектности. Печальным примером этого дискурса служит скандальный опрос в эфире телеканала «Дождь», поставивший под со-

мнение целесообразность обороны блокадного Ленинграда. Впрочем, столь же опасна и бесчувственность к человеческим жертвам, замалчивание фактов очевидных политических преступлений, милитаризм, выраженный в безответственном лозунге «Можем повторить!». Современные подходы к сохранению исторической памяти, воплощённые в государственной образовательной и культурной политике, безусловно, должны отличаться взвешенностью, не допускающей подобных проявлений.

Информационная прозрачность глобального мира в конечном счёте ставит перед нами вопрос о культурном суверенитете, что в разрезе рассматриваемой темы означает готовность противостоять попыткам навязывания политизированных трактовок исторических событий извне.

Увы, вслед за эпохой универсализма уходит в прошлое идея исторического примирения – всё реже видим мы примеры достижения согласия путём взаимного отказа от исторических обвинений. Буксует «проработка прошлого», предложенная Теодором Адорно, тогда как спекулирование памятью героев и жертв приобретает колоссальные масштабы. Масштабный снос памятников генералам Юга, охвативший Соединённые Штаты и страны ЕС, и приравнявшая нацизм к коммунизму резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» – лишь отдельные примеры политических «игр на обострение»

с использованием исторических аргументов. Учитывая превосходство медийных и ресурсных потенциалов западных стран, Россия должна быть готова к максимально эффективной защите своих позиций на этом поле.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА

Весомым преимуществом, на наш взгляд, является то обстоятельство, что наша страна сумела избежать искушения пойти по пути многих восточноевропейских государств, установивших «рамки памяти» репрессивным путём. В России нет ни своего Института национальной памяти, обладающего прокурорскими функциями, ни государственных программ по сносу «неудобных» памятников, ни в целом того, что можно было бы назвать воинствующей борьбой с альтернативными историческими позициями и взглядами (в первой половине 1980-х годов, реагируя на попытки администрации канцлера Гельмута Коля навязать обществу определённый взгляд на историю, косвенно способствующий реабилитации нацизма, прогрессивные немецкие интеллектуалы обозначили это явление термином «историческая политика»).

Защита исторической правды ведётся нашей страной преимущественно в поле исторической науки, с опорой на подлинные источники и с привлечением к дискуссии ведущих зарубежных учёных. «...Принципиально важно опираться только на архивные материалы, свидетельства современников, исключить любые идеологические

и политизированные домысливания», – подчёркивается в статье Президента России Владимира Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». «Глубоко убеждён, что власть не должна учить историков их ремеслу. Напротив, именно профессиональным учёным следует адресовать вопросы о нашем прошлом, волнующие и государство, и наше общество», – продолжает мысль председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин.

Финансируя деятельность музеев, архивов, вузов и научных институтов, государство ожидает от их сотрудников лишь добросовестности и честности. Подобный подход, во-первых, позволяет давать оценку действиям зарубежных мнемонических акторов с определённой моральной высоты, а во-вторых, не влечёт за собою рисков для развития истории как обособленной области знания. Отметим в этой связи лишь последние из президентских инициатив – создание нового комплекса архивных документов по истории Второй мировой войны и подготовку цикла международных исторических школ для иностранных студентов и молодых учёных-русистов. В обоих случаях намечаются пути к диалогу с зарубежной общественностью – не взаимный град обвинений, а совместный, ограниченный лишь нормами научной этики поиск истины.

С точки зрения развития российского гражданского общества появление «исторических» новелл может рассматриваться нами и как дань воспита-

тельной функции Основного закона. Природа исторического знания, суммирующего многогранный человеческий опыт, придаёт ему важнейшее значение в контексте политической социализации. Периодически обращаясь к памяти предков, прослеживая, как и под влиянием чего менялись их идеалы, человек учится видеть мир во всей его многосложности, обретает устойчивость к разного рода манипуляциям и давлению.

История помогает ему найти место в цепи умерших, живущих и ещё не родившихся, пробуждает гражданское мышление в противовес обывательскому, воспитывает ответственность за своё настоящее и будущее.

Сказанное о человеке в какой-то степени может быть приложено и к политическим институтам. Красной нитью через обновлённый Основной закон проходит идея преемственности в развитии традиций отечественной государственности. Как уже было сказано, укоренённость в прошлом цементирует всю сложившуюся систему политических отношений, придаёт ей характер объективной данности. Ещё Эдмунд Бёрк, размышляя о своей родной Британии, заметил, что, «рассматривая наши свободы в свете идеи наследования, мы получаем немалые преимущества». Эволюционное развитие государства – это залог доверия к его институтам, способ избежать издержек революционных потрясений, а в философском смысле – следование самой логике исторического процесса.

Утрата такой преемственности – это культурная травма или по меньшей мере политическая проблема, требующая своего решения. Российская история свидетельствует об этом со всей наглядностью. Наша страна пережила в XX веке два глубочайших кризиса – Гражданскую войну, приведшую к установлению диктатуры пролетариата, и ликвидацию советской политической системы, также не обошедшуюся без крови. В обоих случаях разрыв с предшествующей традицией имел глубинный, сущностный характер. Происходила полная «перезагрузка» политических институтов, формировалась новая гражданская идентичность. «Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины», – в своё время подчёркивал Ленин.

Принятием Декрета о суде, отменившего действие большинства законов Российской империи, новая власть порывала с устоявшейся правовой традицией. Разгон Учредительного собрания и принятие Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа знаменовали собой отказ от политического наследования. Легитимность диктатуры пролетариата имела классовый характер, поэтому «первое в мире государство рабочих и крестьян» прослеживало себя не от какого-либо государства-предшественника, а напрямую от международного рабочего движения. «Исходя из солидарности трудящихся всех наций, – гласила первая в нашей истории Конституция, – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, про-

живающим на территории Российской республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признаёт за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства».

Правовой анархизм революционной поры не мог самоподдерживаться долго. Ещё в начале 1920-х годов наиболее прозорливые умы осознавали, что внутренняя эволюция советского государства неизбежна, а её направленность предзадана многовековой культурной традицией. «Ни одна сила, – рассуждал Николай Устрялов, – не способна изменить волевым образом своё историческое предназначение». Однако предсказать, сколь долгим будет этот восстановительный процесс, не брался тогда никто. Стремление преодолеть разрывы государственной преемственности сформировало целое направление интеллектуальных поисков. Сначала эмигранты – евразийцы, сменовеховцы, младороссы, а позже и советские идеологи по-разному и с разной степенью успешности подходили к решению этой задачи.

Особое значение, придаваемое сегодня памяти о Великой Отечественной войне, во многом связано с определяющей ролью этого события в восстановлении утраченной преемственности времён.

Патриотический подъём, всколыхнувший всё советское общество, сделал сюжеты национального прошло-

го актуальными образцами для настоящего. Молодёжь, воспитанная в духе пролетарского интернационализма, испытала глубокое потрясение, открыв для себя богатство отечественной истории. Американский корреспондент Морис Хиндус, находившийся в годы войны в Куйбышеве, в своей заметке от 13 июля 1942 года писал: «Не только Кутузова, но и других победоносных полководцев, прославившихся в решающие годы русской истории, сейчас вспоминают не меньше, чем Карла Маркса и Фридриха Энгельса... Новое отношение к прошлому значимо для ближайшего и отдалённого будущего Советской России, однако оценить это значение сложно. Новое поколение в большей степени, чем какое-либо до него в советской истории, чувствует, что у него есть корни не только среди пролетариата, но и в родной земле, её традициях и героях».

Способность извлекать уроки прошлого и применять успешно зарекомендовавшие себя подходы позволила нашей стране сохранять завидную политическую и культурную устойчивость на всех этапах своей тысячелетней истории. Сегодня идея преемственности в развитии государства от Российской империи к Советскому Союзу, а от него – к современной Российской Федерации приобретает всё большее количество сторонников. Поправки в Конституцию, принятые по итогам всенародного волеизъявления, придают ей характер очевидного общественного консенсуса.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ГРАЖДАНАМ

ВЛАДИМИР ТИМАКОВ

Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается её эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом.

В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат.

Статья 75.5–7 Конституции РФ

Новая Конституция содержит ряд изменений, которые не ограничиваются описанием основных принципов социальной политики, но уточняют правовые

механизмы, обеспечивающие непосредственное получение материальных благ. Речь идёт о соотношении минимального размера оплаты труда с прожиточным минимумом и о ежегодной индексации пенсий. Подобной конкретизации не было в предыдущей редакции Основного закона.

Насколько оправданно внесение в Конституцию правовых деталей, обычно регулируемых законодательством низшего порядка? Новейшая история России позволяет утверждать, что такое повышение юридического статуса набравших социальных вопросов имеет веские основания.

Их регулирование на уровне Конституции – не просто точечная реакция на злободневные проблемы, но отражение изменившейся социальной философии российского общества. Достоинство личности неотделимо от слова «достаток», оно имеет не только духовное, культурное и политическое, но и материальное измерение.

В то же время даже после конституционализации механизмов, обеспечивающих две базовые социальные гарантии – оплату труда и поддержку в старости, здесь остаются белые пятна, требующие неотложного совершенствования российского законодательства в соответствии с духом и буквой нового Основного закона.

МИНИМУМ НЕ НИЖЕ МИНИМУМА

Конституция 1993 года в своей 37-й статье гарантировала «вознаграждение за труд... не ниже установленного федеральным законом минимального размера

оплаты труда». Конституция 2020 года содержит важное уточнение: «Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации» (статья 75, пункт 5).

Необходимость такой формулировки, увязывающей МРОТ с прожиточным минимумом, послужила причиной дебатов как среди профессиональных юристов, так и в средствах массовой информации. С одной стороны, критики указывали на то, что подобные гарантии уже прописаны в Трудовом кодексе 2001 года, где статья 133 гласит: «Минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом и не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного человека». Повторение этой нормы в Конституции, по их мнению, не имело принципиального значения.

Однако необходимо учесть, что в новейшей истории России минимальный размер оплаты труда на протяжении длительного времени устанавливался ниже прожиточного минимума. Например, в экономически благополучный 2012 год страна вступила с МРОТ в 4611 рублей при размере прожиточного минимума для трудоспособного населения 6827 рублей, то есть минимальная оплата не покрывала даже 70% расходов, требуемых для удовлетворения физиологически необходимых потребностей.

В предыдущий период разрыв между МРОТ и прожиточным минимумом был ещё значительнее: так, в 2005 году утверждённый на законодательном уровне МРОТ составлял только 23% от прожиточного минимума, в 1998 году – 15%, а в 1993 году – и вовсе 9,7% (рас-

чёты автора на основе данных Росстата). Иными словами, в стране могли быть люди, получавшие за труд при полноценной нагрузке менее одной десятой физиологического норматива – на законных основаниях!

Преодоление этого разрыва было декларировано статьёй 133 Трудового кодекса РФ, требующей устанавливать минимальную оплату не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения.

Но, несмотря на то, что Трудовой кодекс был принят в 2001 году, лишь восемнадцать лет спустя, в 2019-м, МРОТ сравнялся с прожиточным минимумом, а в 2020 году незначительно (на 5%) превысил его.

Столь длительная задержка имела свои юридические причины: порядок и сроки введения в силу статьи 133 ТК РФ были увязаны с принятием отдельного федерального закона, что специально оговаривалось в статье 421 ТК РФ.

Существовала возможность отложить применение жизненно необходимой нормы на неопределённое время. Конечно, такое долгое «замораживание» нормы закона было бы недопустимо в случае прямого требования её введения в Конституции. На этом фоне конституционная гарантия вознаграждения за труд не ниже прожиточного минимума выглядит вполне оправданной и несущей важную социальную функцию.

Таким образом, мы переворачиваем страницу нашей истории, связанную с погружением значительной части общества в состояние «ниже физического выживания».

Стоит обратить внимание на то, что «погружение ниже уровня физического выживания» – не просто фигура речи.

Социальные бедствия минувшего периода имели для России поистине трагические последствия. Демографический урон от сверхсмертности 1990-х оценивается в 7 миллионов человек (об этом: статья «Россия убывающая», опубликованная автором в журнале «Коммерсантъ-Власть» от 11.03.2017). При этом смертность существенно возросла не только в пожилых, но и в средних, трудоспособных возрастах, а ожидаемая продолжительность жизни мужчин опустилась ниже возраста выхода на пенсию, достигнув в 2002 году антирекорда в 58 с половиной лет! (сборник «Россия и страны мира», издаваемый Федеральной службой государственной статистики, за 2004 год). Такие печальные показатели – непосредственная иллюстрация того, что на правовом языке называется «невозможностью компенсировать минимальное потребление».

Только в середине нулевых годов в социальной сфере произошёл перелом к лучшему и сложившаяся пропасть между МРОТ и потребительским минимумом начала стремительно сокращаться. Поэтому пункт 5 статьи 75 Конституции 2020 года, при всём его кажущемся «минимализме», является важной ступенью в строительстве развитого социального государства.

МЕДЛЕННЫЙ ВЫХОД ИЗ ТЕНИ

Однако было бы чрезмерным упрощением видеть в новой конституционной формулировке одну лишь задачу борьбы с нищетой и защиту интересов низко-

оплачиваемых наёмных работников. Постепенное повышение уровня МРОТ, зафиксированное в Конституции, преследует и другую, не менее значимую цель.

Очевидно, что даже в самые бедственные периоды пореформенной эпохи (1992–1995 и 1998–2000 годы) обстановка на российском рынке не вынуждала наёмных работников соглашаться на труд при вознаграждении в десять раз ниже прожиточного минимума.

Столь низкий, буквально ничтожный уровень законодательно установленного минимального вознаграждения был связан не только с падением продуктивности труда и не только с несправедливым распределением доходов от экономической деятельности, но и, в очень значительной степени, с расцветом теневого сектора.

В условиях крайнего ослабления и даже краха системы финансового контроля МРОТ выступал, прежде всего, как обязательная планка легализации налогооблагаемых доходов, при этом дополнительное трудовое вознаграждение могло доплачиваться «в конвертах».

На фоне перманентного экономического кризиса и неопределённости перспектив и перед бизнесом, и перед наёмными работниками стоял вопрос сиюминутного выживания, когда требовалось получить деньги «здесь и сейчас», не принимая в расчёт ни грядущее пенсионное обеспечение, ни социальные гарантии при наступлении страховых случаев.

Сложился своего рода нелегальный консенсус между работниками и работодателями, когда обе

стороны были заинтересованы в предельном сокращении легальной оплаты, чтобы снизить обязательную налоговую нагрузку и максимально увеличить скрытый, необлагаемый доход.

Фактически, оставляя в девяностые годы ничтожно низкий уровень МРОТ, правительство закрывало глаза на сложившуюся практику теневых зарплат и оставляло для целых секторов экономики лазейку для минимизации налоговых поступлений.

Отчасти это оправдывалось бедственным состоянием данных секторов, которым позволялось выживать по принципу «Спасайся кто может!». Но в ещё большей мере такая политика объяснялась слабостью самого государства, неспособного обеспечить должную финансовую дисциплину и готового идти на вынужденный компромисс с теневой экономикой: «Покажите хотя бы такой, символический минимум оплаты».

Начиная с 2000 года размер МРОТ по отношению к прожиточному минимуму неуклонно увеличивался, в среднем на 5% в год. Это не только отражало улучшение социально-экономической обстановки, но и было показателем возвращения экономики в правовое поле. Работодатели были обязаны легализовать всё большие суммы зарплаты.

Множество субъектов экономической деятельности поэтапно приучалось к более и более ответственному исполнению налоговых обязательств, переходя от символических платежей к реальным. Это не могло не отра-

зиться положительно на наполнении бюджета и особенно внебюджетных фондов: пенсионного, медицинского и социального страхования.

Таким образом, процесс постепенного увеличения МРОТ одновременно укреплял как социальные гарантии отдельных работников (выплаты в случае болезни или увольнения, накопление баллов для грядущей пенсии и т. д.), так и социальную стабильность общества в целом.

Конституционное закрепление одной только этой нормы – минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения – является знаковой вехой, знаменующей завершение перехода от экономического и правового хаоса к социальной системе, способной долгосрочно и легально выполнять взаимные обязательства.

МРОТ КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ

Конечно, фиксация нижнего предела МРОТ в Основном законе РФ не может и не должна ограничивать потенциального роста минимальной зарплаты. Рекомендации Европейского комитета по социальным правам о привязке МРОТ к среднему уровню оплаты, хотя и не адресованы непосредственно Российской Федерации, вполне актуальны и обоснованы.

С одной стороны, такое требование препятствует несправедливости и социальному расслоению, с другой – стимулирует работодателей повышать производительность труда и осуществлять модернизацию своих предприятий, не рассчитывая на дешевизну рабочей силы. Поэтому стратегической задачей остаётся увеличение минимальной оплаты труда до 40–50% от средней заработной платы и более.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что для наиболее проблемных регионов, где уровень трудовых доходов ниже, чем в других субъектах Российской Федерации, конституционно зафиксированный МРОТ приближается к половине средней зарплаты уже сейчас.

Например, для Ивановской, Саратовской, Тамбовской областей, Карачаево-Черкесии, Республики Дагестан и ряда близких к ним по экономическому развитию субъектов Федерации размер установленного на федеральном уровне МРОТ уже сейчас колеблется в диапазоне от 40 до 45% от средней заработной платы (расчёты автора на основе данных Росстата).

При таком соотношении зафиксированный общенациональный минимум зарплаты начинает ощутимо влиять на преодоление имущественного неравенства и подталкивает бизнес к модернизации, заставляя предпринимателей избегать соблазна решать все проблемы за счёт почти даровой рабочей силы.

Если для Москвы, Чукотки или Сахалинской области МРОТ, близкий к прожиточному минимуму, остаётся по-прежнему скорее символической величиной, то в отстающих регионах он начинает играть заметную стимулирующую роль.

Как видим, в этом смысле новая конституционная норма выполняет ещё одну функцию: помогает сглаживать межрегиональную дифференциацию.

ПОВЫШЕНИЕ ИЛИ ИНДЕКСАЦИЯ?

Ещё одна новелла, появившаяся в социальном блоке Конституции РФ, – пункт 6 статьи 75, которым предусмотрена «индексация пенсий не реже одного раза в год». В Основном законе 1993 года пенсионная система упоминалась лишь в том контексте, что «каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом» (статья 39, пункт 1) и «государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом» (статья 39, пункт 2).

С поверхностной точки зрения кажется, что новая норма ничего принципиально не меняет в сложившейся практике, ведь начиная с 1991 года пенсии в нашей стране пересматривались в сторону повышения ежегодно. Однако такие повышения далеко не всегда можно было назвать индексацией.

Смысл индексации – необходимость компенсировать потери в доходах, вызванные ростом цен на товары и услуги, именно так трактуется этот термин. Индексация подразумевает, как минимум, уве-

личение пенсии соответственно уровню потребительской инфляции, а не простое увеличение.

В новейшей истории Российской Федерации были периоды, когда принцип индексации не соблюдался. Например, в 1995–1999 годах потребительские цены выросли до 577% от исходного уровня, а средний размер начисленной пенсии за это же время – только до 228%. Таким образом, на пике кризиса пенсионеры всего за пять лет обеднели в два с половиной раза. Поэтому применительно к концу девяностых годов говорить об индексации доходов старшего поколения в принципе невозможно.

Только в 2001 году удалось довести размер средней (не минимальной!) пенсии до прожиточного минимума пенсионера, а уже в 2010 году средние пенсии превышали прожиточный минимум пенсионера на 68%, что стало своеобразным историческим рекордом.

К началу 2020 года размер средней пенсии составлял 14 900 рублей при прожиточном минимуме пенсионера 8944 рубля, то есть превышал базовую потребительскую норму на 66,5%. Эти данные позволяют сделать вывод, что в десятые годы текущего столетия повышение пенсий было близко к индексации, а в нулевые годы – даже осуществлялось с опережением.

Правда, и в десятые годы был короткий период, когда рост пенсий отставал от темпов инфляции. В 2014 году средние доходы пенсионеров увеличились на 9,5%, а в 2015 году – на 8,5%, при росте потребительских цен

на 11,4% и 12,9% соответственно. Однако уже в 2016–2019 годах это отставание, вызванное «санкционным», или «нефтяным», кризисом, было компенсировано опережающим ростом пенсий.

Отныне конституционная норма о ежегодной индексации, не допускающая разночтений, препятствует даже краткосрочному отставанию роста пенсий от инфляционной динамики. Важно, что эта норма принята, когда средний уровень пенсий заметно поднялся над прожиточным минимумом, – в этом случае принцип индексации становится своего рода рубежом, не позволяющим вернуться к критическому положению старшего поколения, характерному для конца девяностых – начала нулевых.

У ЭКОНОМИИ ЕСТЬ ОБРАТНАЯ СТОРОНА...

В то же время есть спорный аспект данной нормы, способный породить правовые конфликты и частично обесценить положительный социальный эффект 6-го пункта статьи 75 обновлённой Конституции. Речь идёт об индексации пенсионных выплат работающим пенсионерам.

В декабре 2015 года, в самый трудный момент «санкционно-нефтяного» кризиса, когда цены на углеводороды упали до минимума, руководство страны приняло экстраординарное решение – прекратить пересмотр пенсий работающих пенсионеров в сторону повышения. Согласно статье 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях», введённой в действие 29 декабря 2015 года,

для всех, кто продолжал трудиться в преклонном возрасте, размер выплат из Пенсионного фонда был заморожен.

Исключение составил лишь перерасчёт при начислении дополнительных пенсионных баллов за растущий стаж. В результате такого ограничения пенсионные выплаты трудящимся ветеранам к 2020 году отстали от потенциального индексируемого уровня почти на 4 тысячи рублей.

Однако экономия подобного рода вряд ли может считаться эффективным финансовым инструментом. Как показывает статистика, за четыре года после замораживания пенсий по старости для работающих число ветеранов, продолжающих трудиться по достижении пенсионного возраста, снизилось с 15 до 9,6 миллиона человек, то есть более чем на треть.

Не вызывает сомнений, что такое значительное сокращение не могло произойти исключительно за счёт увольнения. Гораздо более вероятным механизмом массового «исчезновения» работающих стариков следует признать уход в тень, а это влечёт чувствительный недобор налоговых поступлений и отчислений в тот же Пенсионный фонд. В данном случае экономия на расходах грозит обернуться не менее весомым сокращением доходов ПФ РФ.

Уже одно появление проекта конституционной поправки, предусматривающей обязательную индексацию пенсий, вызвало повышенный интерес к перспективам работающих пенсионеров.

На пресс-конференции профильной рабочей группы по доработке Конституции 22 января 2020 года этот во-

прос был поставлен предельно откровенно: если новелла вступит в действие, возобновится ли индексация для тех представителей старшего поколения, которые продолжают трудиться? «Само правило сформулировано без изъятий, и возможна только конкретизация порядка в федеральном законе. Так что ответ: индексируется», – дала ответ сопредседатель рабочей группы по подготовке поправок Талия Хабриева.

С чисто юридической точки зрения Хабриева, безусловно, права, и новая норма Конституции обязывает законодательные органы Российской Федерации отменить пресловутую дискриминационную статью 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Однако впоследствии к обсуждению поднятой темы никто не возвращался, и, несмотря на величайшую привлекательность такой трактовки конституционной новеллы для (по самому скромному счёту!) девяти миллионов наших соотечественников, в рекламной кампании за принятие новой Конституции этот аргумент не звучал. Такие обстоятельства заставляют задуматься о наличии значимых политических или финансовых препятствий для реализации обозначенной правовой нормы.

В этом случае индексация пенсий работающих пенсионеров может оказаться ахиллесовой пятой для всей части 6 статьи 75 новой Конституции. Если размер пенсионных выплат останется замороженным и этот порядок не удастся оспорить в Конституционном суде, откроются неограниченные возможности для избирательного толкования данной нормы: «пенсии индексируются всем, за исключением... и далее по списку».

Такой подход стал бы заметной брешью в целостном правовом поле российского законодательства, вдобавок к прочим многочисленным издержкам осуществлённой «заморозки», – ведь дискриминация работающих пенсионеров провоцирует правовой нигилизм (массовый уход работающих пенсионеров в теневую экономику), наносит ущерб бюджету и внебюджетным фондам, нарушает принцип справедливого вознаграждения (чем больше работаешь, тем меньше твоя реальная трудовая пенсия) и т. д.

Во избежание перечисленных негативных последствий стоит уже с 2021 года начать индексацию выплат работающим пенсионерам, как минимум от фактического уровня, а в идеале (даже если для этого потребуется переходный период) – с учётом упущенных, неиндексированных лет, что позволит ликвидировать возникшее отставание от неработающих ровесников. Только такой подход будет соответствовать духу и букве конституционной нормы об индексации пенсий и позволит миллионам людей получить ощутимые плюсы от принятия новой Конституции.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕКСТЕ = ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ

Особое место в Конституции 2020 года занимает статья 75¹, которая, в отличие от пунктов 5 и 6 статьи 75, не связана с обеспечением конкретных материальных благ или же конкретных прав человека (как целый

ряд других статей). В ней идёт речь об абстрактных понятиях: «взаимное доверие», «социальное партнёрство», «солидарность» и т. д.

Вместе с тем появление этой статьи говорит о формировании новой социально-политической философии Российского государства, развитие которой привело, в частности, и к росту МРОТ выше минимального потребительского стандарта, и к регулярной индексации пенсий.

Одним из примеров, подтверждающих произошедшие перемены, служит рассмотренная выше пореформенная динамика МРОТ. В девяностые годы XX века трудовое вознаграждение ниже прожиточного минимума стало обычной практикой, отражённой в законодательных нормах. Это было, безусловно, индикатором низкого качества партнёрских отношений между работодателями и наёмными работниками, демонстративным неуважением к человеку труда.

С другой стороны, распространившееся в тот период умышленное занижение легальной оплаты по договорённости между предпринимателями и персоналом можно рассматривать как дефицит чувства солидарности с остальным обществом, проявляющийся у членов данной производственной единицы.

Практикуемое таким образом сокрытие налогов и отчислений во внебюджетные фонды обернулось низкими пенсиями, недостаточным финансированием образования и здравоохранения, стагнацией инфраструктуры и в конечном счёте – неудовлетворительными темпами экономического развития и деградацией гуманитарного потенциала страны.

Неуклонное повышение МРОТ – не только в абсолютных цифрах, но и относительно прожиточного минимума – имеет, кроме очевидных финансовых и юридических плюсов, гуманитарный аспект: оно свидетельствует об улучшении духовной атмосферы в обществе.

Повышение МРОТ (которое, как мы надеемся, не остановится на уровне удовлетворения минимальных физиологических потребностей) – это в том числе показатель укрепляющегося доверия между работодателем и работником с одной стороны, между налогоплательщиком и государством – с другой. Постепенная легализация серых зарплат – это признак растущей социальной ответственности субъектов бизнеса и проявление их солидарности с бюджетополучателями.

Разработчики Конституции 1993 года, выросшие в советском обществе, ощущали острую нехватку индивидуальных свобод и прав человека, поэтому при написании Основного закона той эпохи сделали акцент на расширении пространства личной инициативы и конкуренции.

За минувшие три десятилетия пришло понимание, что одних только свобод и прав недостаточно даже для динамичного развития, не говоря уже о гармонии социальных отношений.

Для устойчивого экономического роста необходимо соблюдать баланс личных и общественных интересов,

в противном случае краткосрочный выигрыш приведёт к стратегическому фиаско.

Например, сокращая отчисления в Пенсионный фонд, можно материально выиграть сегодня, но лишит себя перспективы на склоне лет. Занижая заработную плату и налоговые выплаты, можно повысить рентабельность производства, но подорвать покупательную способность потенциальных потребителей на внутреннем рынке, что обернётся стагнацией.

Закономерно, что накопленный опыт привёл к изменению общественных приоритетов, где рядом с правами и свободами заняли своё место такие ценности, как солидарность, ответственность и партнёрство.

Именно это изменение фиксирует статья 75¹, в которой совершенно не случайно «сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, экономическая, политическая и социальная солидарность» упоминаются в контексте создания условий «для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан».

Поправки в Основной закон, приведшие к появлению пунктов 5 и 6 статьи 75, подробно разобранных выше, являются практическим воплощением произошедших перемен в социально-политической философии российского общества, где солидарность отныне ценится не меньше, чем свобода. А достоинство гражданина имеет конкретный материальный эквивалент.

ЗАЩИТА СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА

МИХАИЛ СМИРНОВ

В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: ...защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях...

Статья 72.1 ж¹ Конституции РФ

Общим местом стало утверждение, что мы живём в эпоху неопределённости, непредсказуемости и всё возрастающей скорости изменений. Причём – во всех отраслях и ключевых проявлениях жизнедеятельности людей.

В связи с этим тезис о том, что конституции – это долгодействующие инструменты стабильности общества и что их главное достоинство состоит именно в их долговременности и неприкосновенности, уже не выглядит столь убедительным. Возможно, мы вступаем в новую конституционную эру, когда периодическое некосметическое обновление конституций станет для государств

столь же привычным и нужным делом, как выборы органов власти. Только не таким частым. Во всяком случае, процесс с поправками в Конституции РФ 2020 года уже укладывается в европейский тренд, в котором есть и Польша, и Венгрия, и страны Прибалтики.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА СУПРУЖЕСТВА

Повышенное внимание к конституциям будет определяться в ближайшем будущем двумя соображениями. С одной стороны, конституции стран – это своего рода паспорта их цивилизации. В идеале текст основного закона должен имплицитно содержать целостный образ государства, в котором он был создан. И в частности, свидетельствовать о принадлежности его к той или иной мировой цивилизации или культуре, например политической.

С другой стороны – нынешние глобальные трансформации как никогда определяются взрывным характером современных, прежде всего цифровых, технологий. Технологии сегодня стали ведущим фактором общественных преобразований, но эта их роль никак не осмыслена на уровне национальных конституций. По формирующему влиянию на общество технологии можно сравнивать с такими концептуальными столпами современных конституций, как разделение властей, демократия, права человека, правовое и социальное государство. Их влияние вышло на тот уровень, когда оно должно быть урегулировано в конституциях.

Несмотря на прямой запрет «государственной» или «обязательной» идеологии в нынешней Конституции РФ, её саму нельзя в полной мере считать абсолютно деидеологизированной. Одним из её смысловых и ценностных стержней, наряду с демократизмом и федерализмом, является концепция индивида как основы общества и концепция прав человека как характеристических свойств этого субъекта. Известно, что данные подходы к человеку и обществу имеют своим источником просвещенческую идеологию, философию и практику модерна.

По большому счёту и сам формат конституций, вместе с концепцией наций, можно считать порождением этой идеологии, которая заслуженно критикуется даже в странах её наибольшего расцвета начиная со второй половины XX века. Кстати, естественным развитием линии просвещенческого гуманизма являются современные идеологии и практики пост- и трансгуманизма.

Но в чём состоит природа общества, которую отражает каждая конституция? Сводится ли она к индивиду? Или в основе общества лежат первичные социальные структуры – брак и семья? Это не отвлечённые философские вопросы, поскольку при том давлении, которое сейчас испытывают эти ключевые социальные институты, мы можем в недалёком будущем просто потерять их. Во всяком случае, в их исконной роли. Тем более что в российском законодательстве, и многих это удивит, нет определения брака и семьи.

За последние 20–30 лет проблема защиты брака и семьи столь обострилась, что требует выхода на конституционный уровень. И для Конституции РФ стал бы выдающимся достижением принципиальный ценностный сдвиг с идеологии индивидуализма к идеологии фамилизма – к законодательному признанию того факта, что брак и семья являются настоящими источниками социальности и для индивида, и для общества в целом.

Можно считать, что новейшие поправки в российскую Конституцию делают первый шаг в этом направлении. Среди изменений, внесённых в 2020 году, немаловажное место занимают те, которые затрагивают такие основополагающие институты нашего общества, как брак, семья, родительство и детство. Теперь всё главное, их касающееся, сосредоточено в статьях 7 (глава 1 – «Основы конституционного строя»); 38 (глава 2 – «Права и свободы человека и гражданина»); 67¹ и 72 (глава 3 – «Федеративное устройство»).

Статья 7

1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Статья 38

1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей.

3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Статья 67¹

4. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создаёт условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берёт на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Статья 72.1

В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:

...ж¹. защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях...

Косвенную поддержку семье, родительству и детству оказывают статья 68 с её положениями о государственном и родном языках, а также об охране культуры и статья 69 с положениями о гарантиях прав коренных мало-

численных народов и защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей в РФ, потому что государственный и родной языки, а также общенациональная и этнические культуры являются необходимыми основами построения семейной жизни граждан и воспитания детей в семье.

Стоит также обратить внимание на важное дополнение в статью 71 о том, что в ведении РФ находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (пункт «м»).

Эта стратегическая новация отражает внимание, уделяемое сегодня обществом вопросам правового регулирования оборота цифровых персональных данных, которые всё в большей мере становятся «новой нефтью» современной экономики и вместе с тем – привлекательным предметом для злоупотреблений.

В значительной мере обеспокоенность общества в этих вопросах составляет именно озабоченность родителей безопасностью детей с точки зрения производства и обращения их личных цифровых данных и вообще связанных с детьми цифровых материалов.

Серьёзной новацией является пункт 1. в статье 114 (глава 6 – «Правительство Российской Федерации») о том, что Правительство РФ «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентирован-

ной государственной политики в области... поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей».

Это означает, что теперь ответственность за реализацию конституционных установок соответствующих положений статей 7, 38, 67¹, 72.1 лежит не на некоем абстрактном «государстве», а на каждом конкретном правительстве страны, которое обязано иметь такую политику и обеспечивать её ресурсами независимо от его партийного состава, от электоральных колебаний.

Переходя к анализу сделанных поправок и дополнений в Конституцию, нужно, прежде всего, подчеркнуть, что нынешняя её редакция будет памятна в истории национального права уже хотя бы тем, что в Основной закон снова возвращается термин «брак» (он был в Конституции РСФСР 1978 года, но до сих пор отсутствовал в Конституции РФ 1993 года) и дано элементарное, обобщённое, хотя и несовершенно, но уже вполне содержательное и определённое представление о нём.

Только один этот шаг – уже огромное событие, значение которого ещё предстоит по-настоящему оценить. Он обнадеживает: хочется верить, что он станет первым на пути возвращения нашего общества к правильному пониманию исключительной роли брака.

Действительно, вся традиция брачно-семейной культуры народов нашей страны, настолько, насколько она вообще может быть документально прослежена, свидетельствует, что брак стоит в самой сердцевине любого социума. Вся социальная жизнь имеет первичным своим источником брачные узы людей и далее строится на браке как на основе – начиная с се-

мьи, стержнем которой является именно супружество, а не его суррогаты.

Семья есть не что иное, как дальнейшее развитие потенциала брака. Появление у супругов детей свидетельствует о его плодотворности и для личности, и для общества, народа страны. С рождением первенцев рождается и семья, с появлением каждого нового ребёнка она развивается, достигая своей полноты и зрелости как следующего за супружеством уровня социума в многодетности.

СЕМЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

Новейшие поправки в Конституцию РФ усиливают её семейсберегающий потенциал, связывая защиту семьи с защитой традиционных семейных ценностей.

К сожалению, сегодня даже в среде высших государственных, политических, общественных, культурных деятелей бытует легкомысленное мнение, будто семья возникает просто уже в результате рождения ребёнка одинокой матерью, что в корне противоречит и духу, и букве всех известных брачно-семейных культур, находящихся на высоком уровне развития, в том числе и культур народов РФ.

Поэтому есть риск расплывчатого, неопределённого и, по сути, лукавого толкования нормы о приоритете семейного воспитания детей, включая и внесемейные на деле его формы, связанного с указанной выше пол-

зучей коррупцией представлений о семье. В этом случае с терминологической точки зрения было бы намного правильнее и безобиднее для общественного сознания говорить о «приоритете родительского воспитания» детей перед всеми другими его формами, а не о «приоритете семейного воспитания».

Но хочется надеяться, что даже одно только внесение этих норм в Конституцию и следование её нынешней новой букве, связывающей укрепление и защиту семьи с сохранением традиционных семейных ценностей в двуединую задачу Правительства РФ, позволит нивелировать эти риски.

Смысл совершенно новой статьи 67¹ в сегодняшнем виде довольно широк: под «семейным воспитанием» имеется в виду пребывание детей и в приёмных, и в замещающих семьях наряду и наравне с кровными и усыновительными. Приоритет двух последних статья не подчёркивает, хотя общественность долгое время добивается государственных гарантий именно для кровных семей. Поправки сохраняют ситуацию, когда изъятый из кровной семьи ребёнок передаётся в приёмную или замещающую.

Да, тем самым реализуется потенциал другого положения той же статьи – о родительских обязанностях государства в отношении детей, оставшихся без попечения. Но выигрывают ли от этой конституционно-правовой закольцовки кровные семьи? Получается, что по закону государство может изъять детей из кровной семьи, а затем, уже руководствуясь конституционным императивом о своей родительской ответственности, поместить новоиспечённых социальных сирот в приёмную или замещающую семью.

Как и предполагалось, вслед за вступлением в силу поправок активизировалась законотворческая деятельность по реализации их философского смысла и правового потенциала в действующем законодательстве.

Летом 2020 года в Государственную Думу были представлены соответствующие профильные законопроекты. Один из ключевых, законопроект с поправками в Семейный кодекс РФ, был подготовлен группой Совета Федерации, куда вошли сенаторы Елена Мизулина, Людмила Нарусова и другие.

Кроме всего прочего, этот законопроект с практической стороны развивает положение статьи 67¹ об обеспечении государством приоритета семейного воспитания, а также пункта ж¹ статьи 72.1 о защите института брака как союза мужчины и женщины.

Статью 63 СК предлагается изложить в редакции, определяющей право и обязанность родителей «воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии в пределах своих способностей и финансовых возможностей», их «преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами, органами и организациями», их право «воспитывать ребёнка самостоятельно, а также привлекать для этих целей родственников, фактических воспитателей и (или) специалистов» и «свободно выбирать методы воспитания ребёнка, исходя из его законных интере-

сов, возраста, состояния здоровья и уровня развития, в соответствии со своим мировоззрением, религиозными, национальными и культурными традициями своей семьи».

При этом «методы воспитания ребёнка должны исключать причинение вреда здоровью ребёнка либо совершение иных действий, запрещённых законодательством Российской Федерации».

Также предлагается дополнить СК новым положением 63.1 о правах и обязанностях родителей по обучению детей, которое определяет преимущественное право родителей на обучение своих детей «перед всеми другими лицами, органами и организациями» и их обязанность «обеспечить получение детьми общего образования».

Статью 54 СК о праве детей жить и воспитываться в семье предлагается изложить в редакции, определяющей право каждого ребёнка «жить и воспитываться в родной семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание», «права на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его законных интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства» и другие.

Предлагается также изменить редакцию статьи 64 «Права и обязанности родителей по защите прав и законных интересов детей», статьи 65 «Осуществление родительских прав» и ряда других в сторону усиления родительских позиций. В статье 65, кроме прочего, закрепляется презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав.

Статью 14 СК о случаях запрещения брака предлагается изложить в редакции, определяющей, в частности, запрет на брак между «лицами одного пола».

С другой стороны, нельзя не заметить, что предложение этого законопроекта о дополнительной статье («Статья 2.1. Основные термины, используемые в настоящем Кодексе») не выдерживает критики по двум причинам: в ней нет определения целого ряда ключевых терминов, например таких, как «семья», «ребёнок», «дитя», «детский возраст», «несовершеннолетие», «совершеннолетие», «гражданский брак», или изложенные в ней определения нельзя признать удовлетворительными. Последнее касается, например, понятий «брак», «родственники», «родители» и других. Но это тема для отдельного разговора.

Большинство поправок носит в плане своей ответственности стратегический характер, как и положено их конституционному уровню. И сейчас, когда прошло ещё не так много времени, чтобы эффект от поправок начал проявляться, больше обсуждаются положительные прогнозы реализации их социального, правового и политического потенциала.

Но стоит обратить внимание и на возможные риски. Конституционные нормы имеют высокую степень обобщённости, и многое зависит от их интерпретации и практики применения. С чем, собственно, и связано наличие в национальной системе правовых институтов Конституционного суда. Соответственно, принятые

поправки дают возможность различных толкований. И есть риски, что они будут истолкованы и реализованы или уже реализуются в законах РФ ненадлежащим образом, так, что могут принести больше вреда, чем пользы.

Например, входит ли в конституционную норму «защиты института брака» (статья 72.1, пункт ж¹) устанавливаемое законом право на безоговорочную доступность его расторжения? И аналогично – соответствует ли заявленной в том же пункте конституционной норме «защиты материнства, отцовства и детства» определяемое государством право матери практически безоговорочно распоряжаться вынашиваемой ею человеческой жизнью, зачатой совместно с другим человеком или без него? И что означает «защита материнства» в случаях пресловутого суррогатного материнства, популярность которого набирает обороты в наиболее обеспеченных кругах общества по мере его социального расслоения?

Есть ощущение, что, готовя эти поправки, их авторы слишком увлеклись решением одной, очень узкой, задачи, причём не позитивного, а скорее негативного – оборонительного – характера. Споры нет, что Конституция и в целом законодательство РФ до изменений 2020 года не защищали общество от экспансии субкультуры нетрадиционных сексуальных практик в самую сердцевину социальных связей – в сферу институтов брака и семьи, родительства и детства.

Однако здоровое, естественное желание обереечь общество от окончательного краха основоположных социальных учреждений со стороны только этой угрозы

привело в итоге к слишком узким формулам, которые никак не затрагивают другие, не менее значимые угрозы: большое число однополых, так называемых неполных семей, беспрецедентная доступность разводов, рост популярности сожительства вместо брака и т. п.

И если рассматривать эти поправки в широком контексте традиционных ценностей, то обновления создают чувство защищённости на самом уязвимом участке фронта, но оставляют неприкрытыми фланги. Та же крайняя доступность разводов привела к цифре (и продолжает поддерживать этот уровень) в несколько миллионов неполных семей, среди которых – сотни тысяч как раз однополых. А конституционное определение брака как «союза мужчины и женщины» ведёт в перспективе к укреплению лояльности общественного мнения к сожительству мужчин и женщин, к его популярности, особенно среди молодых, к либерализации законодательства в этом направлении.

Важно отметить, что и в подновлённой Конституции РФ пока не нашлось места положению о защите брака как средоточия личной, семейной, да и в целом общественной жизни, а не только в качестве всего лишь одной из доступных форм личной жизни граждан-индивидов – мужчин и женщин.

Пока что мы до сих пор наблюдаем перевес на стороне частного, постконституционного законодательства. Легкодоступность и распространённость процедуры расторжения брака, которая существует в нашем обществе около ста лет, привели к тому, что молодое поколение часто относит развод к разряду национальных традиций в семейной сфере.

Беседы с нынешними молодыми показывают, что они склонны видеть в разводе одно из средств в своём намерении обрести когда-нибудь личное счастье в браке и семье, и они готовы применять это средство для достижения жизненных целей.

И это не может не настораживать тех, кто поддерживает внесённые в Конституцию РФ поправки о сохранении традиционных семейных ценностей.

С точки зрения интересов общественной морали нужно отметить, что она страдает во многом оттого, что в российском законодательстве до сих пор нет определения семьи, нет определения гражданского и религиозного брака, нет определения сожителства (а в древнеримском праве были разработанные понятия брака между гражданами и конкубината).

Если посмотреть содержание того же Семейного кодекса РФ, то можно с удивлением обнаружить, что подавляющая часть его положений относится к вопросам, регулирующим распад брака и семьи. Заметим кстати: с наибольшей вероятностью непредвзятое социологическое исследование покажет, что в нынешних условиях нищета порождает в большей мере как раз разводы, а не огульно поносимая за это многодетность.

Можно по-разному относиться к религиозным символам общества, но нельзя недооценивать тот факт,

что одной из самых популярных народных легенд уже почти восемь столетий является древнее сказание о Петре и Февронии. Это само по себе требует уважения и понимания укоренённости в национальном самосознании представления о нерушимости брака, о неразделимости супружества.

Именно это представление являет нам пример настоящей, действительной и по-прежнему действенной традиционной ценности – одной из ключевых для общественной морали. А продолжающееся практически безусловное, безоговорочное существование в таком национальном контексте института расторжения брака (регламентированного, кстати, намного более подробно, чем сам институт брака) выглядит весьма безрассудно и неубедительно.

Развод супругов сегодня – это скорее дело инерции и привычки, чем императив национальной брачно-семейной культуры. И у конституционной нормы защиты брака, безусловно, есть потенциал развития своих позиций в этом направлении – в направлении охраны супружества от беспримерной в истории народов нашей страны легкодоступности развода, история которого насчитывает у нас, как уже было сказано, всего-навсего сто лет.

Нынешний хаос в брачно-семейном законодательстве – это наследие главенствующего мировоззрения эпохи построения коммунизма в нашей стране. Неплохо было бы это осознать. И определить для себя – а нужно ли оно нашему обществу сегодня? Нужна ли нам такая «традиция»? И задать себе нелюбезный вопрос: достаточ-

но ли консервативны принятые поправки в Конституцию РФ, чтобы не только надёжно защитить институты брака, семьи, родительства и детства от деградации, но и обеспечить их благополучие в обозримой перспективе?

С другой стороны, даже для нынешних поправок есть риск их либеральной трактовки в ущерб номинально консервативному звучанию. Вообще похоже, что интрига с условно говоря «правым» и «левым» толкованием станет важной, если не главной линией в реализации смыслового и правового потенциала получившейся Конституции.

Кроме того, стоит отметить, что наряду с законодательством эксперты отмечают и роль других факторов, способных влиять на практическую эффективность изменений в Основном законе. Так, Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребёнка Анна Кузнецова высказала мнение, что основными условиями для реализации просемейных поправок в Конституции являются, на её взгляд, «повышение благополучия семьи, повышение престижа семьи и воспитание детей в духе традиционных семейных ценностей».

Конституционные нормы – это реперные точки в пространстве реальной жизни граждан и общества, страны и нации в целом. Но, с другой стороны, то, как они заработают, насколько будет реализован их конструктивный потенциал, зависит от самочувствия самой страны, её экономики, культуры, образования и тому подобных факторов, от конкретной политики в этих областях.

Этот взгляд поддерживает известный московский правовед, специалист по конституционному праву профессор Владимир Лафитский в своей недавно вышедшей монографии «Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание» (2020): «Следует... предостеречь от соблазна абсолютизации конституционных норм, регулирующих вопросы брака и семьи. Они не самодостаточны... Конституционные нормы, регулирующие вопросы брака и семьи, должны проектироваться как органическая часть конституционно-правового механизма реализации демографической политики Российской Федерации в её неразрывном единстве с сопредельными сферами государственного регулирования экономических и социальных отношений».

Такой подход вводит вопрос о потенциале Конституции РФ как символического выражения политических и моральных устремлений общества в контекст дискуссий о характере величия страны и достоинстве её граждан в современных условиях.

С одной стороны, величие страны сегодня в меньшей мере, чем ранее, измеряется её пространственной протяжённостью. В гораздо большей мере оно определяется масштабом тех задач, которые нация ставит перед собою как приоритетные.

С другой стороны, достоинство граждан определяется не одним только формальным кодексом конституционных прав, свобод и обязанностей, но и участием их в современных проектах, делающих нашу любимую страну по-настоящему великой и в очередной раз предельно значимой для мировой истории, для развития цивилизации. Это то, о чём гражданин может сказать: «We have a Dream!»

Очевидно, что есть соблазн по привычке редуцировать такую личную гражданскую причастность к участию в национальных технологических, экономических, культурных мегапроектах, потеряв при этом антропологическую составляющую, связанную с пониманием и сбережением хрупкой природы человеческого существа, сам смысл и суть которой находятся сегодня под беспрецедентным давлением со стороны нынешней неизбежной технологической революции.

Весь комплекс конституционных поправок, касающихся институтов брака, семьи, родительства и детства, вводит в целом требование антропологического измерения в вопросе о достоинстве граждан нашей великой страны, ориентирует нас на понимание неустрашимости из корпуса представлений об этом достоинстве антропологического ядра: представлений о поле, браке, семье, родительстве, детстве, родстве как об основоположных, существенных определениях природы человеческого существа, инвариантных к разного рода внешним преобразованиям – технологическим, культурным, политическим, экономическим.

И в этом тоже состоит немаловажное значение обновлённой Конституции РФ не только для нас, но и для всего мира, если только мы сможем правильно понять обрётённый ею ныне смысловой, цивилизационный, правовой и прочий потенциал.

Эффектом долгосрочной общественно-государственной деятельности в этом двуедином, техно-

логическом и антропологическом, направлении должно стать, по большому счёту, глобальное мнение о России как об обетованной земле для семей на планете Земля (Россия – страна семей, Russia is a Family Land). Как о стране, в которой конституция и защищает брак и семью, родительство и детство в их исконном, хранимом преданием понимании, и при этом оставляет разумную возможность современной перезагрузки этих институтов на новой технологической основе. Миссия России в мире – стать страной не просто семей, а «умных семей». Может это стать нашей великой национальной мечтой?

В целом, наблюдая промежуточные итоги разворачивающихся дискуссий по поводу идейно-символического и практического потенциала обновлённой Конституции РФ, хотелось бы надеяться, что принятые поправки – это скорее приглашение к разговору, а не его сакраментальный итог.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ДМИТРИЙ ЮРЬЕВ

Культура в Российской Федерации является уникальным наследием её многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством.

Статья 68.4 Конституции РФ

Конституционная реформа 2020 года вышла далеко за рамки «внесения поправок» в Основной закон России. В конечном счёте она стала первым этапом масштабной конституционной реформы – той самой, которая вслед за сменой базовых принципов государственного строя влечёт за собой переустройство страны.

Заданный Президентом страны и мотивированный острой политической необходимостью темп реформы вынудил её организаторов найти такой формат законотворческой реализации проекта, который бы позволил избежать многомесячной (если не больше) процедуры принятия новой Конституции через созыв Конституционного собрания, не обеспеченный до сих пор необходимым конституционным законом.

Но логика реформы сделала необходимым значительное расширение объёма поправок, выносимых на обсуждение и народное голосование.

Сама постановка вопроса о существенных изменениях в порядке управления страной и в требованиях к действующим лицам системы публичной власти породила вал инициатив, относящихся именно к культурно-идеологическим и гуманитарным основам конституционного строя. То есть к цивилизационному и личностному контекстам Основного закона страны.

Так в обновлённом тексте Конституции – наряду с неизменной преамбулой 1993 года – появились статья 67¹ и поправки к статьям 68 и 69, которые можно с полным основанием назвать второй преамбулой. Ну или хотя бы декларацией о намерениях возобновить русскую историческую преемственность.

Почему «о намерениях»? Потому, что текст статей 67¹, 68, 69 – эта главная «поправка-2020» – является, конечно, результатом компромиссов. Среди них и застенчивая формулировка о «государствообразующем народе», и другие умеренные и аккуратные формулы. Однако даже самые радикальные, но добросовестные сторонники «русских поправок» осознают: сделан колоссальный шаг вперёд, совершён прорыв идеологической блокады.

И как бы ни пытались объяснить лояльные и оппозиционные комментаторы эти «человеческие» поправки

политтехнологическими причинами, мощный запрос на них, вне всякого сомнения, существовал в реальности – причём достаточно давно.

И та же логика реформы заставляет нас оценивать «поправки-2020», что бы ни говорили аналитики и эксперты, как необходимый, но первый этап переучреждения страны, обозначающий, возможно, направление стратегического вектора русской истории. Как это было всегда в истории конституционных трансформаций в мире и в России. Потому что подобные кардинальные, фундаментальные изменения всегда знаменовали собой исторический фазовый переход – иногда прорывной, иногда катастрофический – к принципиально новому этапу человеческой, государственной и личностной истории страны (культуры, цивилизации).

КОНСТИТУЦИЯ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

История собственно конституций – не очень давняя, менее чем трёхсотлетняя. Но сам принцип кодификации общественно-государственной жизни – это древний (многотысячелетний) принцип, выходящий далеко за юридические и политические рамки.

Главным смыслом такой кодификации на протяжении всей истории человечества было смысловое, идеологическое, религиозное обоснование общепринятых норм жизни общества, своего рода аксиоматическое утверждение высшей, надчеловеческой и эмоциональной, человеческой целесообразности этих норм.

Тысячелетняя правовая история Руси-России также неотъемлемо связана с религиозной, нравственной и идеологической составляющими народного правосознания. В основе «русской правды» (в широком смысле) всегда лежали «две главные заповеди»: система представлений о божественной природе самодержавной власти и традиционное понимание справедливости во взаимоотношениях между людьми.

«Писанный закон» пришёл в Россию в качестве основы государственного строя поздно, в XX веке. И его «приход» сопровождался грандиозной исторической катастрофой.

«Основные законы Российской империи» – внешне – сохранили на идеологическом уровне православную преемственность русской государственности. Но фактически они подытожили в 1906 году первую русскую смуту XX века. Под нарастающим давлением всё более агрессивного общественного мнения эта «конституция самодержавия с разделением властей» стала основой необратимой трансформации всей государственной системы с последующим полным её разрушением и установлением «советского конституционного строя», основанного на идеологии и антиценностях нигилизма – на отказе от исторической преемственности, от традиционных форм государственности и (возможно, в первую очередь) от христианских истоков тысячелетней русской культуры. И в первую очередь – от самого понятия «русского» как средоточия этой культуры и государственности.

Драматическая конституционная реформа 1988–1993 годов, как и почти вековой давности переход от «ос-

новых законов империи» к «основному закону РСФСР», тоже началась с внесения «поправок». Сначала их «инициатором и гарантом» выступала, по её собственному утверждению, КПСС, потом «процесс пошёл» своим ходом, вырвавшись из ослабевших рук партноменклатуры. И, наконец, после трагических событий октября 1993 года наступила «конституционная революция» (или, как кому нравится, контрреволюция) 12 декабря 1993 года, определившая новый конституционный строй России на 28 лет вперёд.

Удивительным образом принципиальный подход демократических «отцов-основателей» некоммунистической России по существу повторил подход «комиссаров в пыльных шлемах». Потому что точкой народного согласия в ходе перестройки и последующей «катастрофики» стало – снова – согласие в отрицании, в отказе от прошлого.

Идеология конституционного процесса в 1990–1993 годах – это идеология отказа от коммунизма и советской власти.

Самые главные и поддержанные обществом революционные изменения – отказ от 6-й статьи Конституции СССР (о роли КПСС), от обязательной коммунистической идеологии. А самое радикальное изменение, внесённое в Конституцию России в 1990 году, ещё при советской власти, – замена развёрнутого «введения» 1978 года (о революции, советской власти, коммунизме и т. д.) на очень

короткую, почти техническую, безыдейную – и тем самым демонстративно некоммунистическую – преамбулу.

Но утверждённая 12 декабря 1993 года новая российская Конституция, очищенная от советского политического и идеологического наследия, уже не сводилась только к этой очистке. И хотя «обязательная государственная идеология» прямо запрещалась пунктом 2 статьи 13, в целом документ носил, конечно, отчётливую идеологическую окраску.

Можно – причём объективно, безоценочно и без осуждения – назвать эту идеологию «импортной». Как и советская Конституция, Конституция 1993 года основывалась на нигилистическом согласии в отказе от прошлого – только теперь вместо «Весь мир насилья мы разрушим!» возобладал лозунг «Хватит с нас коммунизма!». А вот в качестве позитивной программы ничего, кроме «Пусть у нас теперь будет как в цивилизованных странах», не придумали – и не захотели придумать.

«Импортная идеология» нового конституционного строя – это не (ну или не только) результат заговора враждебного Запада. Это, конечно, прямое следствие разрушительного воздействия идеологического монополизма на российскую государственность и общественное сознание. Семьдесят лет идеологической монополии привели к «безальтернативному плюрализму» – вместо поисков собственного пути, продолжающего историю русской цивилизации, Россия просто сменила одну монополию на другую, одну общеобязательную идеологию на другую, парадоксальным образом сформулированную в пункте 2 статьи 13. Этой идеологией стал запрет на национальную идею, на национальную идентичность,

на слово «русский» (за исключением единственного упоминания в Конституции в словосочетании «русский язык»). Этой идеологией стала либеральная монополия на социально-экономический курс страны.

Что касается последующей 28-летней истории постсоветской России – и самой Конституции как основного закона страны, – то стоит отдать должное авторам проекта и в целом этому качественному документу. Конституция 1993 года на протяжении всех этих лет стала реальной базой конституционного строя, основой государственных механизмов. В отличие от советской Конституции и описываемой ею системы власти и управления, где реальная практика опиралась не на Конституцию, а на закрытые партийные инструкции, Конституция 1993 года не только определила официальный порядок функционирования публичной власти, но и отформатировала непубличные механизмы аппаратно-административного управления внутренней политикой страны.

Более того, «правовая», управленческая составляющая конституционного строя страны после 1993 года не стала препятствием для того, чтобы через 28 лет после принятия Конституции возникла объективная потребность в коренном изменении культурно-идеологической матрицы российской государственности.

РАЗРЫВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Ключевым для «поправки-2020» понятием стала историческая преемственность, наследственный харак-

тер процесса передачи системы ценностей на протяжении всей истории русского государства. «Уникальным наследием» провозглашается культура, главным объединяющим фактором – тысячелетняя история, вера в Бога и память предков.

Очень важно подчеркнуть, что такому подходу не противоречит пункт 1 статьи 67¹ – о Российской Федерации как правопреемнике (правопродолжателе) СССР. Принцип непрерывности исторического процесса, закреплённый теперь в Конституции, прямо подразумевает признание неотъемлемыми частями этого единого процесса и советского, и постсоветского периодов русской истории. Более того, сама возможность конституирования этого принципа обеспечена тем, что разрыва в русской истории не удалось добиться никому из тех, для кого единая русская история была и остаётся главной угрозой и главным объектом ненависти. А возможности такие были. И использованы они были по максимуму – во времена и коммунистические, и якобы антикоммунистические.

Начнём с советской эпохи – и с её агрессивной идеологии атеистического и антирусского многонационализма.

Призрак коммунизма пришёл в Россию из Европы – а после его ухода из России она сама едва не стала призрак. Коммунизм в середине XIX века подытожил европейское Просвещение, стал иррациональным обожествлением западного рационализма, довёл до абсурда западный антропоцентризм, избавив идеологию Великого Инквизитора от остатков религиозной маскировки.

Однако коммунизм как западная идеология оказался для России и русских социально-психологической

ловушкой потому, что в его лицемерных, инквизиторских формулировках было погребено принципиальное различие между русской и западной системами ценностей.

Ловушка, заложенная в западном коммунизме для русской души, порождена сутью европейской морали. Вместо «несть человек, иже жив будет и не согрешит» и «единого Безгрешного» – догмат о непогрешимости бюрократического института по имени «римский епископ». Вместо сознания собственного несовершенства – узурпация безусловного «знания как надо» и окончательность собственной правоты.

До определённого момента – пока задача избавления от химеры совести не была поставлена вторым (после Наполеона) евроинтегратором (Гитлером) и почти решена им честно (в смысле без вранья) – «быть правым» значило «быть хорошим», а понятие «хорошего» навязывалось с давних времён остатками христианства. Поэтому западный коммунизм, продолжая западный утопический социализм и западный же утопический католицизм, был вынужден кодифицировать христианские ценности, отбросив – первоначально – собственно Христа (сначала как единственного Главу Церкви – Его подменили «наместником», а потом и как Бога). В утопическом символе коммунистической веры были закреплены формулы, отвергающие в западной душе то, что осознавалось как противоречащее христианству: индивидуализм, конкуренцию и государственное насилие. Закреплены, как это было свойственно культуре Запада до её дехристианизации, лицемерно, неискренне.

Именно о таком – западном – социализме, «ангсоце», рассказывалось в гениальном романе Джорджа Оруэлла «1984». Только сегодня можно понять, что оруэлловская пародия гораздо ближе к реальности политкорректного Евросоюза XXI века, чем к брутальной сталинской диктатуре 1948 года. «Свобода есть рабство». «Незнание – сила». «Война – это мир». Но на Западе коммунизм не победил, – во всяком случае, напрямую, грубо и лживо.

Оказалось, что провозглашать в качестве политических целей «идеи добра» слишком опасно – они взрывают изнутри самое важное в организме европейской цивилизации, подрывают основы этики и идеологии успеха, давно уже вытеснившие за пределы западной идентичности евангельские заповеди. Русский мир срезонировал и «повёлся» в 1917 году на лозунги коммунизма совершенно по-другому, чем западное общество. Диалектическое двоемыслие Запада было воспринято русским массовым сознанием «в лоб»: как провозглашение высших ценностей свободы, знания и миролюбия, ценностей «добра», противостоящего «злу». Воспринято с колоссальным, сокрушительным доверием. Доверием, тут же жестоко обманутым, но так и не сломленным.

Общим местом антикоммунистической пропаганды стало развенчание революционных лозунгов. Землю у крестьян отобрали и передали государству. Провозгласив народам мир, объявили войну «всем буржуям». Хлеб

стали распределять по карточкам. А власть рабочих узурпировала номенклатурная бюрократия. Незамеченным осталось другое: сила (а значит, и правда) этих лозунгов пережила и грубый обман, и десятилетия жестокой диктатуры. В конце концов, именно сила коммунистических лозунгов, искренне впитанных и усвоенных миллионами бывших пионеров и комсомольцев, сокрушила казавшуюся нерушимой силу советской власти – лицемерной, бюрократической и жестокой. Потому что деятельное отторжение народом ещё вчера могучего строя было бы невозможно имитировать или навязать снаружи – советская власть рухнула под ударом возвратной волны обманутого народного доверия.

Русская душа осталась наедине с идеалами, разрушенными «своею собственной рукой». Великий Октябрьский фальстарт 1917 года закончился в 1991 году Великим Августовским сходом с дистанции и едва окончательно не выгудел в гудок колоссальную мощь русской цивилизации.

Мощь, в течение семидесяти лет совершившую невозможное – сохранение и приумножение огромной народной силы, соединённой с энтузиазмом и интеллектом, творческой энергией, высокой обороноспособностью, социальной гибкостью. Силы, которая вынудила чуждую, по сути своей враждебную коммунистическую надстройку мимикрировать под русский базис, перемешивая и сплавляя воедино – до полной неразличимости

в памяти потомков – великие русские успехи и огромного масштаба коммунистические провалы.

«Смыслом русского коммунизма» в XX веке стала на самом деле не прекращающаяся, а только нарастающая – и особенно страшная из-за завязанных глаз и заткнутых ушей – война Запада против становящейся русской цивилизации. Война, успешно перенесённая не просто на территорию России, а на территорию русской мысли и русского коллективного бессознательного. И, казалось бы, крушение коммунистического проекта предвещало возвращение страны на потерянный исторический русский путь.

КУЛЬТУРНОЕ РАСКОДИРОВАНИЕ

Но на рубеже 80–90-х годов XX века свободный и искренний революционный прорыв народа исторической России из коммунистического загона на свободу «цивилизованного мира» был остановлен и повёрнут вспять. Те, кто не пришёл бы к власти без поддержки грамотного, сознательного и морального (да, на основе «морального кодекса строителя коммунизма») народного большинства, захотели избавиться от него, желательно навсегда. И в первую очередь избавились не от унижительной и обречённой на поражение номенклатурной стилистики, а от «витрины» коммунизма – того самого набора ценностей и принципов, за которые были готовы сражаться поколения советских людей (и которые использовались номенклатурой в качестве удачной пропагандистской

маскировки). На долгие годы вперёд главным идеологическим врагом системы стал вовсе не тоталитарный «советизм», а сам по себе принцип социальной справедливости и человеческой солидарности.

Главной (и глубоко законспирированной) революцией 90-х стала не «шоковая экономическая реформа», а «ликбез наоборот».

Я бы назвал этот процесс попыткой культурного раскодирования России. Попыткой окончательного уничтожения русского цивилизационного иммунитета, с помощью которого была отторгнута опухоль коммунизма (как уже было сказано, через реализацию некоторых базовых официальных коммунистических установок).

И прежде всего речь шла о всеобщей грамотности. По подсчётам социологов, на рубеже 80–90-х годов прошлого века около 60 процентов населения России (на тот момент – РСФСР) составляло так называемое «образованное большинство». И это была вовсе не только «творческая интеллигенция». Десятки миллионов ИТР (инженерно-технических работников), те, кого сегодня называют бюджетниками (врачи, учителя, служащие), работники партгосаппарата нижнего и среднего звеньев, военные, милиция, высококвалифицированные рабочие – все эти люди читали одни и те же книги и статьи, выписывали толстые журналы, учились не для ЕГЭ и были способны слышать аргументы и формулировать

свои мысли. На этом главном социальном достижении советской системы образования и сломалась одряхлевшая и самоуверенная советская власть – все эти люди вышли из-под идеологического контроля, превзошли умом и сообразительностью отупевшую бюрократию и не расстреляли, а «рассмеяли» надоевших «аппаратчиков».

Но после этого «грамотное большинство» столкнулось со вторым эшелом проигравшей (казалось бы) номенклатуры – теперь уже рыночной, конкурентной, замаскированной и запредельно циничной: с «красными директорами» и ультрамонетаристскими реформаторами, с фарцовщиками и комсомольцами-кооператорами, с «авторитетными бизнесменами» в законе и пр. И вся эта камарилья – вряд ли по конспиративному сговору, скорее интуитивно – начала свою великую культурную контрреволюцию, свою ликвидацию грамотности.

Сначала – примерно в 1992–1996 годах – на культурном фронте воцарилась абсолютная рыночная свобода. Действовал принцип «Пусть расцветают все цветы». Рекламные деньги носились чемоданами, попытки на высшем уровне разобраться с рекламным беспределом заканчивались пулей (как это случилось с Владиславом Листьевым). Но возможность действовать кто во что горазд оставалась: будущие медиамагнаты и олигархи финансировали абсолютно некоммерческие проекты, креативные деятели заполняли медиапространство самыми разными креативными мультками. В общем, на просторах Родины чудесной на смену социалистическому реализму пришёл капиталистический постмодернизм.

Затем свободные СМИ и искусства превратились в механизм реализации конкурирующих бизнес-интересов. И примерно в то же время (но пока ещё на хорошем креативном уровне) на смену капиталистическому постмодернизму двинулся эстрадный треш, эдакий постпостмодернизм – разнузданный, пошлый, но очень хорошо управляемый и эффективный инструмент манипуляции общественным сознанием, более того – инструмент растления общественного сознания, разрушения культурного кода России.

Культурный код русской цивилизации намного важнее, чем самые важные политические, управленческие и даже кадровые решения. Только он позволил нам пережить XX век, только сила русского духа защитила нас на пороге нового тысячелетия, только наша историческая идентичность способна стать опорой и защитой для России на рубеже апокалиптических (в буквальном смысле) перспектив продолжения давно уже идущей гибридной третьей мировой войны. Тот факт, что защита культуры как общенационального наследия стала конституционной нормой, даёт шанс хотя бы попытаться повернуть вспять разрушительную волну.

Конечно же, всё то, что было внесено в обновлённую Конституцию – это во многом ещё только «декларация о намерениях». Но сам факт наличия таких намерений – не только в рамках креативных задач, поставленных

перед профессиональными разработчиками проектов, но и в патриотическом общественном сознании – исключительно значим и знаменателен, с каких позиций его ни оценивай.

Новый конституционный процесс, начатый 15 января – 1 июля 2020 года, обречён на продолжение. Практические, технологические, политико-стратегические задачи, стоящие перед ним, колоссальны, и с каждым месяцем (а то и с каждой неделей) развития событий в России и вокруг неё масштаб этих задач драматически возрастает. И было бы в высшей степени легкомысленным закидывать возникающие перед страной, перед всеми нами внешние угрозы и внутренние проблемы рваными пропагандистскими шапками.

Но ни внешние угрозы, ни внутренние проблемы никак не отменяют очевидного факта: без содержательного, обоснованного, системного преобразования конституционного строя обойтись невозможно. Потому что востребовано это преобразование на чрезвычайно высоком уровне. Не на политическом. Не на государственном. А на цивилизационном, планетарном уровне.

РУССКИЕ В СОЮЗЕ РАВНОПРАВНЫХ НАРОДОВ

СЕРГЕЙ БАРАНОВ

Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Статья 68.1 Конституции РФ

Достоинство личности наиболее глубоко связано с её национальной и этнокультурной идентичностью и с осознанием принадлежности к великой стране. Эти качества образуют единый позитивный психологический фокус для развития человека и общества.

В России 2020 год, год обновлённой Конституции, прошёл под знаком укрепления величия страны и достоинства её граждан. Один из важнейших блоков изменений в Основном законе, принятых на всенародном голосовании 1 июля, составили новые положения в национально-культурной сфере. Они сосредоточены по смыслу на двух крупных аспектах: языковом и культурном.

Многие из изменений Конституции назрели в предшествующие десятилетия, поскольку неоднократно ста-

новились предметом как оживлённых экспертных дискуссий, так и политических баталий. Они существенно упрочили суверенитет и безопасность России в сфере межнациональных отношений, внесли ясность в формулировки в весьма чувствительной для общества сфере национально-культурной политики.

Дополнения и изменения, укрепляющие правовую основу национального благополучия граждан и целостность страны, образуют в тексте Конституции одно целое из четырёх следующих подряд статей: пункты 1 и 4 статьи 68; пункты 2 и 3 статьи 69; кроме того, для национально-государственного устройства имеют значение дополнения в статью 67 в пункте 1 и новая статья 67¹, пункт 2.

СТАТУС РУССКОГО НАРОДА

Поправки к Конституции целесообразно сгруппировать и проанализировать по трём основным смысловым направлениям, в которых за последние годы произошли исторически значимые изменения в сфере национального достоинства россиян: достоинство государствообразующего народа как залог величия страны, многонациональный союз равноправных народов как основа для достоинства всех народов, реализация права на родной язык как этнокультурное достоинство гражданина.

Русский народ получил статус государствообразующего народа в тексте Конституции России.

Соответствующее изменение внесено в статью 68. В пункте 1 данной статьи положение «Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык», которое сохранилось ещё в редакции Конституции 1993 года, дополнено фразой «...как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Это одно из наиболее резонансных изменений устанавливает субъект Российского государства, а также его национальную и этнокультурную основу и устраняет зыбкую почву для кривотолков на тему статуса русских в Российской Федерации. Правда, это касается более русского языка, чем народа как такового. Данная поправка ясно и чётко вводит то, что ранее подразумевалось, но умалчивалось в Конституции 1993 года: раз русский язык называется государственным на всей территории, значит, есть и государствообразующий народ, являющийся его создателем и главным носителем.

Трактовка государствообразующего народа как народа русского подтверждена в заключении Конституционного суда Российской Федерации от 20 марта 2020 года. КС также заключил, что государствообразующая роль русских объективна, то есть включение положения о ней в Конституцию вытекает из реальной ситуации. Статус государствообразующего народа не является привиле-

гией русских – он просто показывает, что Россия в нынешних границах существует благодаря государствообразующему народу, каковым является только русский народ, составляющий большинство в большинстве субъектов Федерации, и благодаря которому и сложилось наше государство в его масштабах.

1 июля 2020 года произошло возвращение русского народа – главного творца и носителя русского языка – в Конституцию России как народа государствообразующего. Это и возвращение его достоинства. Закономерность этого процесса очевидна с точки зрения предыстории вопроса.

Как народ русские упоминались в преамбуле Конституции РСФСР 1978 года: «Образование РСФСР обеспечило русскому народу, всем нациям и народностям Российской Федерации благоприятные условия для всестороннего экономического, социального и культурного развития, с учётом их национальных особенностей в братской семье советских народов».

Русские упоминались как народ наряду с другими нациями и народностями, но при этом в качестве пассивного выгодополучателя благоприятных условий от создания РСФСР. Нельзя не отметить некоторую странность данной формулировки: как будто условий для русского народа не было ранее, в Российской империи. Не удивительно, что эта фраза потом исчезла

из Основного закона; но, увы, – вместе с «русским народом».

Упоминание в изменённой Конституции этнонима «русские» в связи с языком – также дань преемственности, ведь понятие о русском языке появилось в Конституции РСФСР 1937 года (так называемой сталинской) и сохранилось в Конституции 1978 года. Но оно было удалено в редакции Конституции РСФСР от 24 мая 1991 года, в которой слово «русский» вообще отсутствовало и в отношении народа, и в отношении языка и вернулось в Основной закон в 1993 году после принятия на референдуме.

О необходимости введения в Основной закон положения о русском народе как государствообразующем неоднократно высказывались политические и общественные деятели, организации и эксперты на протяжении 1990–2020 годов. О русских как государствообразующем народе говорилось и в выступлениях Президента Владимира Путина.

В ходе подготовки и обсуждения поправок 2020 года данный пункт вызвал оживлённый интерес общественности, выступления «за» и «против» в СМИ и многочисленные предложения, что свидетельствует о его важности. В итоге была принята компромиссная формулировка.

Как известно, в советский период, несмотря на то что в Конституциях РСФСР и СССР русский на-

род не упоминался (до 1978 года), тем не менее в официальной марксистско-ленинской идеологии и обществоведении, например историографии, существовало понятие русской нации, наряду с другими титульными нациями союзных республик – украинской, белорусской и др. Нация – это типологическая форма русского народа. На основе данного понятия и сложилось представление о государствообразующих народах союзных республик СССР. Это констатация некоего этнологического факта – так, как он понимался советским обществоведением.

В постсоветский период понятие русской нации из официальных идеологических, научных и учебных документов исчезло, однако фактически его место осталось в смысловой и понятийной системе и России, и мира. Ясно, что русская нация никуда не делась, как и другие народы Российской Федерации.

Попытку поставить на её место «российскую нацию», понимаемую как сообщество всех граждан РФ, нельзя в полной мере назвать удачной, поскольку она не даёт понятия о конкретном этносе, предлагая вместо отдельных народов со своим неповторимым лицом объект без чёткой смысловой структуры.

Поэтому от использования термина «российская нация» именно в этническом смысле в документах государственного планирования, да и в научно-экспертных, следовало бы отказаться, сохранив при этом его гражданско-политическую сторону, обозначающую «совокупность всех граждан России», гражданскую политическую нацию – коллективный субъект суверенитета и величия страны.

ЕДИНСТВО И МНОЖЕСТВО: СМЫСЛОВАЯ ГРАНИЦА СОЮЗА РАВНОПРАВНЫХ НАРОДОВ

Характер общности многонационального народа России утверждается в обновлённой редакции Конституции как союз равноправных народов в той же нововведённой заключающей фразе пункта 1 статьи 68 о русском языке как государственном языке: «...как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Ранее понятие «многонациональный союз равноправных народов» в Конституции России отсутствовало. Данное положение вносит ясность и позволяет избежать путаницы и оксюморона при определении «многонационального народа» как «носителя суверенитета и единственного источника власти» (преамбула, а также пункт 1 статьи 3) через одну «многонациональную нацию». Оно также вносит логическую непротиворечивость в то, что понимается под российской гражданской нацией как многонациональным народом: многонациональным народом России является именно союз отдельных народов-этносов.

Слово «союз» даёт ясно понять, что речь идёт о добровольном единстве равноправных народов, представляющих собой коллективные субъекты государства. Тем самым Конституция одинаково устанавливает высокое достоинство всех народов

России в качестве субъектов союза в соответствии с принципом равноправия и справедливости, а также их сохранность в качестве этнических единиц, этносов или групп.

Под этим вовсе не подразумевается растворение в общей массе: голос каждого народа должен быть услышан.

Формулировка «союз равноправных народов» отсылает нас к терминологии советских конституций, базирующейся на теории договора народов, например, к понятиям «союз свободных наций» (Конституция РСФСР 1918 года) или «Союз СССР». В данном случае можно говорить о сохранении преемственности с этими документами. Но при этом смысл понятия несколько другой – имеется в виду не временный союз с возможностью выхода, как это декларировалось в идеологии коммунистической партии и СССР, а «исторически сложившееся государственное единство» (статья 67¹, пункт 2) «многонационального народа» (статья 3, пункт 1). То есть имеется в виду, что народы как источник власти рассматриваются именно в их единстве, а не по отдельности. Величие России строится на историческом единстве народов.

Законодателям удалось здесь обозначить очень тонкую, но чёткую грань между единством и множественностью народов, уравновесив то и другое. Тем самым

они соблюли и развили сложившуюся веками особенность русской цивилизационной традиции национально-государственного устройства: единство при разнообразии.

Российская цивилизация – гарант сохранности народов как единичного и неповторимого явления, но, конечно же, в той мере, в какой они сами его сохраняют: создавать искусственные разделения с другими этносами в рамках русской цивилизационной традиции никто не будет.

«ЯЗЫК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО НАРОДА»

«Языковые» части статьи 68 (пункты 1, 2, 3) Конституции не претерпели больших изменений, кроме проанализированного выше завершения 1-го пункта о русском языке как языке государствообразующего народа, которое усилило позиции русского языка. Русский язык тем самым признан для русских в качестве родного. А это очень важно, учитывая, что в России русский язык ранее не имел статуса родного, хотя таковым его считают 92 % граждан, и в некоторых республиках он даже противопоставлялся родному языку, в результате чего на него в школах отводилось меньше часов обучения и уровень владения им снижался.

Как и было ранее, в Конституции подтверждается право граждан на родной язык. Независимо от его государственного статуса, «Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

От этого права зависит достоинство гражданина – сможет ли он обеспечить своим детям образование на родном языке? Величие и устойчивость страны также зависит от решения вопроса на региональном и местном уровне. Ясно, что оно не может приноситься в жертву этнократическим амбициям отдельных представителей местных элит и националистических кругов, стремящихся к созданию закрытого пространства государственного языка субъекта Федерации.

В условиях многонационального единства народов России и наличия абсолютного этнокультурного большинства закрытое языковое пространство одного регионального языка невозможно, и попытки его создать административным путём ведут к конфликтам.

Обучение на родном языке, не всегда совпадающем с титульным государственным языком субъекта Федерации, является важнейшим правом и требует

особого механизма реализации, который работал бы параллельно с механизмом поддержки регионального языка.

На практике гражданам приходилось бороться за это право, как, например, это было в ряде национальных республик. Очень часто представители разных национальностей считают родным или желательным для обучения не язык своей национальности или титульный государственный язык субъекта Федерации, а русский язык, поскольку на нём они разговаривают в быту и в деловой сфере.

И это их суверенное право. Принуждение к изучению неродного языка недопустимо. Ещё в 2017 году Президент России Владимир Путин заявил о неприемлемости сокращения часов изучения русского языка: «Заставлять человека изучать язык, который родным для него не является, так же недопустимо, как и снижать уровень преподавания русского». С 2018 года ситуация стала нормализоваться, но пока ещё есть над чем работать. Нужны стандарты (ФГОС), которые обеспечили бы родителям свободный выбор родного языка образования.

Помимо рассмотренных выше, в Конституцию России в 2020 году внесён ряд других изменений, касающихся национально-культурной сферы и национально-государственного устройства.

Кратко перечислим их: положение о сохранении этнокультурного и языкового многообразия вводится пунктом 2 статьи 69 (ранее отсутствовал в Конституции); ещё одно дополнение, пункт 3, гарантирует, что государство «оказывает поддержку соотечественникам, про-

живающим за рубежом... в сохранении общероссийской культурной идентичности». В новом пункте 2¹ статьи 67, которого также прежде не было в тексте, не допускаются действия, направленные на выведение каких-либо территорий из состава Российской Федерации и призывы к этому; вводятся федеральные территории как новый тип административно-территориальных образований наряду с субъектами Федерации; государственное единство народов России включено в историческое наследие (пункт 2 статьи 67¹), подчёркнута его тысячелетняя древность.

Ряд названных положений исключает легальное появление в политической повестке дня обсуждения выхода из состава страны субъектов РФ или их частей, что ранее особо не оговаривалось. Можно даже сказать, что поставлена точка в вопросе о возможности негативного самоопределения народов в ущерб территориальной целостности государства, доставшейся нам в наследство от национальной политики партии большевиков на её раннем этапе.

Поправки к Конституции, затрагивающие национально-государственное устройство, внесли весомый вклад в развитие регулирования сферы межнациональных отношений и национальной политики, способствуя её оздоровлению и упрочению межнационального единства и суверенитета государства.

Общим духом изменений можно назвать государственный реализм, который исходит из существующего, исторически сложившегося положения в стране, сохранения жизни, достоинства и культурно-языкового благополучия традиционно проживающих в России народов, а не из искусственных конструкций.

Изменения носят осторожный, как бы «пробный» характер. Они способствуют укреплению позиций как отдельных народов и их представителей, включая русское большинство, другие титульные народы и меньшинства, так и единой государственной общности в целом.

Все прежние положения Конституции о национально-государственном устройстве прошли испытание временем и были сохранены, что говорит о преемственности Основного закона в блоке национально-государственного устройства. Итоги конституционной реформы 2020 года в аспекте укрепления национально-языковой и национально-государственной системы обнадеживают: страна идёт в правильном направлении.

Они укрепляют сложившийся к концу 2000-х – началу 2010-х годов баланс и относительную стабильность межнациональных отношений, которые обеспечивают большинству граждан спокойную жизнь и уверенность в будущем и фактическое единство страны. Российское государство имеет свой непреходящий историче-

ский смысл для народов, поскольку оно неуклонно поддерживает национальное и этноязыковое достоинство личности и заботится о величии всей страны и всех её народов.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ РОМАН БАГДАСАРОВ

Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Статья 69.2 Конституции РФ

Ключевым понятием для применения статьи 69.2 новой редакции Конституции Российской Федерации является «самобытность». Это слово отсутствовало в Основном законе раньше, оно вводится впервые, причём в совершенно определённом контексте. Качество самобытности придаётся исключительно этническим сообществам (а не культурным или религиозным, допустим). Между тем вопрос о самобытности – это вопрос о национальном достоинстве народа, которое неотделимо от личного достоинства каждого его конкретного представителя.

Потребность в конституционном закреплении понятия о самобытности росла постепенно вслед за принятием Федерального закона «О национально-культурной

автономии» (1996). Система национально-культурных автономий (НКА) сегодня обеспечивает фактическое равноправие лиц, принадлежащих к различным этническим сообществам; государство же берёт на себя ответственность за сохранение их самобытности. Благодаря закону об НКА над этническим самоопределением гражданина перестало довлеть место его проживания, как это нередко происходило в советскую эпоху.

В послевоенном СССР не поддерживались и даже считались идеологически вредными этнокультурные объединения, не привязанные к «титულიной» территории. Это ущемляло достоинство значительной части граждан, которые сознавали свою «нетитულიную» этническую принадлежность как нечто третируемое со стороны общества.

Новая российская государственность сумела решить эту проблему. Закон об НКА за истекшую четверть века обеспечил культурное разнообразие страны и вернул многим людям чувство собственного достоинства.

Признав этнонациональные внетерриториальные объединения, закон интегрировал и включил в поле социальной активности дисперсные этнические группы. Субъекты РФ, в свою очередь, реализовали соответствующие правовые акты. Так, в законе «О поддержке национально-культурных автономий в Московской области» (2012) в приоритетах государства на первое место выступает «создание условий для сохранения самобытности, развития языка, образования и... культуры» этноса.

Самобытность является качеством, позволяющим отличать один народ от другого. Она создаёт яркий образ, с которым человек волен ассоциировать себя, когда ста-

вит важный вопрос: «К какому народу я принадлежу?» Необходимо разграничивать этнокультурную самобытность с другими формами самоопределения (религиозностью, региональной, профессиональной, поколенческой, субкультурной принадлежностью и т. п.), образующими достоинство гражданина в целом. Столь же необходимо сознавать, насколько величие России как евразийской державы зависит от опоры на культурную самобытность её народов.

Самобытность как понятие культурной политики впервые возникает в дискуссиях и резолюциях ООН и ЮНЕСКО начиная с 1970-х годов, поэтому для более ясного понимания того, что за ним стоит, следует обратиться к соответствующим документам этих всемирных организаций, а затем соотнести их с российскими реалиями. В международной практике «самобытность» (identity) постепенно заместила «традицию», аккумулировав в себе такие слои данного понятия, как «специфичность» и «культурное наследие».

ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

В 1983 году на Всемирной конференции по культурной политике в Мехико ЮНЕСКО признаёт культурную самобытность одной из «важнейших проблем нашего времени» и в то же время – «одним из движущих принципов истории». Участники конференции в Мехико рассматривали самобытность как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опи-

раясь на своё прошлое, черпая силы в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет постоянный процесс самостоятельного развития».

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) самобытность (identity) рассматривается как часть достоинства личности: «...каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций при условии соблюдения прав человека и основных свобод» (статья 5). В статье 2 отмечается необходимость «обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной самобытностью».

То есть идеалом современного общества выступает бесконфликтное сосуществование людей с разными формами культурной самобытности. В 8-й статье внимание сосредоточивается на «специфике предметов и услуг культурного назначения, которые, будучи носителями самобытности, ценностей и смысла, не должны рассматриваться как обычные предметы или потребительские товары». Иными словами, для реализации товаров и услуг, выражающих культурную самобытность, должен быть создан режим благоприятствования со стороны государства. Как видим, новый параграф 69-й статьи Конституции РФ полностью отвечает духу этой декларации ЮНЕСКО.

Термин «самобытность» в русском языке изначально акцентирует позитивный смысл, заложенный в добровольном принятии человеком культурной традиции сообщества, к которому он себя относит. Причём это не только этнос, но и нация (государственная идентичность человека).

Самобытность может связываться как с региональной и страновой идентичностью, так и с племенной (субэтнической), а также с культурной принадлежностью относительно к этносу. С другой стороны, самобытность для внешнего наблюдателя предстаёт как характеристика какого-либо сообщества в целом, имеющая место быть по причинам, не зависящим от личного выбора его представителей.

Такой диапазон смыслов позволяет говорить о лексической динамике, заложенной в русскоязычном понятии самобытности: гармонизация исторически сложившейся ситуации и актуального личного выбора, проявленная через культурную деятельность. Самобытность – совокупность культурных признаков, образующих целое, – может представлять как данность и как проект.

Формирование самобытности у российских этносов прошло сложный, драматический путь, начиная от догосударственной (или иногосударственной) культурной стадии до неоднозначного взаимодей-

ствия с государственной этнополитикой в имперский и советский периоды.

Право народов на самоопределение, провозглашённое большевиками, автоматически включало в себя поощрение их самобытности. Однако найти баланс между социокультурной самобытностью этносов и общегосударственной идентичностью, что обеспечило бы социокультурную консолидацию общества, оказалось непросто. Безотлагательная нужда в модернизации страны вела к нивелировке традиционной культуры.

С другой стороны, хозяйственные связи между разными частями Федерации, строительство индустриальных объектов в неразвитых регионах, сопровождавшееся интенсивным перемещением людских ресурсов, консолидировали этнические общности на основе выполнения трудовых задач. Правда, «социалистическое строительство» осуществлялось за счёт централизованной системы управления, цинично эксплуатировавшей традиционные для культур разных народов ценности трудолюбия и коллективизма.

Этнокультурная самобытность имела право проявлять себя только в формате, предписанном «социалистическим интернационализмом». Объявлялись отсталыми и даже враждебными те черты самобытного уклада, которые коренились в религии, патриархальном быту, консервативных установках. Так, основные события жизненного цикла человека (рождение, совершенно-

летие, свадьба, похороны), календарно-сезонный цикл праздников редактировались согласно идеологическим инструкциям.

Наскоро придуманные «новые традиции» подчас представляли смешение действительно народных обычаев с пропагандистскими клише. Урезанная, выморочная «самобытность» создавала нужную «картинку», а не укрепляла этнические сообщества. Вместо этого она вносила внутрь них разделение.

Часть представителей этносов с энтузиазмом следовала коммунистической идеологии, другая – уходила во внутреннюю эмиграцию, симулируя лояльность властям, удовлетворённость происходящим.

Нивелирование этнокультурной самобытности деформировало систему социально-психологических ориентиров личности, создавало ложное представление о величии страны. Между тем в ходе репрессий по этническому признаку, когда преследовались целые народы (поляки, немцы, казаки, крымские татары, корейцы, чеченцы, ингуши и др.), приверженность обычаям предков стала важнейшим условием семейного и родового выживания.

Вслед за сталинским периодом наступила хрущёвская эпоха. Сделался популярным тезис о «стирании различий» между народами. В адрес комиссии по подготовке новой Конституции СССР поступало множество предло-

жений не отстаивать впредь права народов, не культивировать их самобытность.

«Пламенные ленинцы» желали упразднить само понятие «национальность» (то есть принадлежность к этносу в советской терминологии), ликвидировав соответствующую графу в паспорте и анкетной документации. «В обществе, приступившем к построению коммунизма, национальные различия уже давно перестали определять что-либо во взаимоотношениях людей, – утверждал инструктор Минского обкома комсомола Б.С. Чечетко. – С потерей большим контингентом лиц каждой нации национальных признаков образуется новая общность людей, наднациональная общность, основанная на общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры».

В подобного рода суждениях (несомненно, искренних) проявилась внутренняя противоречивость советского общества. С одной стороны, при получении паспорта требовалось указать принадлежность к той или иной национальности (этносу). С другой стороны, гражданам СССР ставились перед перспективой отмены этнического деления. На фоне выхолащенной самобытности естественное (и, кстати, законное) желание этнических групп развивать собственную культуру, язык воспринималось из центра как покушение на руководящую роль в советской системе.

Позднесоветское общество 1970–1980-х годов впало в иную крайность. Теперь искушению под-

верглось чувство общей принадлежности к единому государству. Новая политика в области образования стимулировала рост этнического самосознания; наличие самобытных «народных коллективов», «искусств и ремёсел» превратилось в графу отчётности нижестоящих культурных инстанций перед вышестоящими.

В национальных республиках культурная самобытность стала знаменем, которым воспользовалась местная управленческая элита, стремившаяся сама распоряжаться ресурсами.

Возникновение этнической оппозиции власти выявило кризис официальной идеологии, который, наряду с экономическим кризисом, страна уже не пережила. Неспособность партийного руководства сформулировать новое понятие нации как многоэтничной государствообразующей общности, сделать понимание такой общности актуальным для всех привело к демонтажу Советского Союза.

Этнополитика современной Российской Федерации с самого её образования выгодно отличается от государств-предшественников – Российской империи и СССР. Однако травмы, связанные с ассимиляторскими покушениями на культурное разнообразие народов России либо с его подменой «предписанной этничностью», помнить всё же необходимо, чтобы защита культурной самобытности не растворилась в официальной риторике.

СПАСЁННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Взаимодействуя с комплексом социальных явлений, описываемых как «этническая самобытность», государственным институтам необходимо отдавать отчёт, в каком состоянии находятся эти явления в каждом конкретном случае.

Самобытность этнической группы может быть выявлена сравнительно недавно. Это, к примеру, такие этноконфессиональные группы и субэтноты, как кряшены среди татар, кержаки, семейские и другие старообрядческие общности среди русских. Их изучение в полной мере стало возможно лишь после отказа советского государства от политического подавления религиозной жизни. Существуют этнические сообщества смешанного происхождения (например, бурятско-русского – гураны; якутско-русского – якутяне и т. д.), относительно самобытности которых продолжается дискуссия. В таких случаях основная поддержка со стороны государства должна оказываться их дальнейшему изучению со стороны академической науки. То же касается возникновения неэтносов, причём иногда на основе исторических этнонимов (булгары, водь и т. п.).

Самобытность может быть актуализована, тогда она нуждается в сохранении. Это касается относительно хорошо изученных этносов, которые в течение многих поколений проживают на территории страны. Зарекомендовавшим себя эффектив-

ным механизмом в этом плане стал постоянно пополняемый перечень нематериального культурного наследия России на портале «Культура.РФ», который включает в себя мифологические представления и верования, этнографические комплексы, конфессиональные практики, народное исполнительство и традиционные технологии.

В то же время за последние десятилетия в Россию мигрировали неодинаковые по численности этнические группы из стран Азии и республик ближнего зарубежья. По отношению к таким группам, имеющим устойчивые формы самобытности, допустим термин «диаспоральные сообщества». В этом случае должна ставиться задача их интеграции в культурную жизнь в местах проживания. Взаимодействие с ними государства наиболее эффективно осуществляется через систему НКА.

Наконец, самобытность может угасать, что в пределе может потребовать её реконструкции. В таком положении четверть века назад находились многие сословные группы казаков. Поставив задачу возрождения традиционной культуры казачества Юга России, потомки казаков основным инструментом для этого избрали региональный этносспорт. При поддержке правительства Ростовской области был учреждён международный фестиваль казачьей обрядовой культуры «Шермиции», ставший настоящей визитной карточкой Донского края и ежегодно привлекающий тысячи туристов.

Культурная самобытность может находиться под угрозой исчезновения по причинам малочисленности народа. В таком положении пребывает традиционная культура ижорцев, энцев, чулымцев и др. Образ жизни и традиции этих народов законодательно защищены, что, к сожалению, не может полностью гарантировать их сохранения.

Утраченная самобытность, в случае если она успела воплотиться в памятниках материальной культуры, требует меморизации, сохранения участков исторического ландшафта и музеефикации. Для государства это долг исторической памяти и – не в последнюю очередь – атрибут международного престижа.

Освоение самобытности этноса, к которому принадлежит человек, призвано в идеале стать важной вехой личностного развития, а также элементом воспитательного процесса для подрастающего поколения.

Необходимо продолжать изучение тех психологических механизмов, которые приводят человека к осознанию себя членом того или иного этноса. На фоне ускоряющейся глобализации и раннего приобщения к массовой культуре этническая самобытность является привлекательной причиной, по которой индивид связывает себя с тем или иным народом.

Осознав себя членом этнической группы, индивид приобщается к его культурному потенциалу, культурно-символическим амбициям. Теперь он разделяет так называемый запрос на признание своего народа в публичном пространстве. Его личное достоинство в определённой части делегировано группе и зависит от отношения к ней в обществе.

В такой ситуации запрос на признание со стороны этнических групп не может быть игнорирован государством, поскольку это маркирует состоятельность его культурной политики. Для России многообразие этнических культур давно уже служит основой её собственной национальной самобытности.

РУССКОЕ ИЛИ РОССИЙСКОЕ

И здесь необходимо более чёткое определение того, что является российской, а что – русской культурой. Совершенно очевидно, что эти понятия были взаимозаменяемыми в период Российской империи, однако перестали быть тождественными в советские годы, когда русские стали рассматриваться как этнос и когда произошёл официальный отказ от политики ассимиляции.

Допустим, в сфере литературы культурное содержание ещё можно определять через язык (однако писавших на русском Габдуллу Тукая, Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова или Геннадия Айги всё же трудно назвать русскими писателями). В то же время нет никаких оснований исключать из истории российской живописи Микалояса Константиноса Чюрлёниса или Казимира Станбровского, поскольку и Виленская губерния, и Варшава, где они жили, входили на тот момент в состав Российской империи, культурной преемницей которой является современная Российская Федерация. Совершенно очевидно также, что традиционная этническая культура русских и музыка российских классических композито-

ров Модеста Мусоргского или Александра Алябьева принадлежат к разным сферам, хотя, безусловно, оказывали мощное взаимное влияние.

Русскую (столь же оправданно можно назвать её российской) эмигрантскую культуру, сохранившую многие черты традиционного уклада дворянства, купеческо-мещанского сословия и духовенства, целесообразно рассматривать как сословную культуру русских субэтносов, в которые они превратились за рубежом.

Включение в число конституционных норм этнической самобытности требует более взвешенного подхода к маркированию разных сфер культуры. Это тем более важно, что существует разрыв между осмыслением политической сферы (где зачастую используется политтехнологический подход) и описанием процессов, происходящих в сфере этно- и миграционной политики.

Приоритетом здесь является баланс между упрочением общероссийской национальной культуры (как в актуальном её состоянии, так и в плане культурной истории) и сохранением этнокультурного многообразия народов, населяющих Россию, прежде всего русского народа со всеми входящими в него субэтническими и региональными общностями.

Защита культурной самобытности составляет триаду вместе с культивированием гражданской и этнической идентичностей, а также с гарантией свободы совести. Эта триада формирует личное достоинство гражданина.

Актуализация, сохранение, поддержка, реконструкция самобытности должны быть основаны на компетентном и бережном отношении государственных структур и самих носителей самобытности к ценностям традиционной культуры. Появление связанной с этим процессом конституционной формулы предполагает создание новых, адекватных институтов охраны самобытности, усиления иммунитета от размывающего воздействия глобализации и техносферы. Впрочем, данный процесс начался задолго до конституционной реформы, поскольку был вызван потребностью в брендировании городов, республик, прочих административных единиц.

Материальные памятники, включённые ЮНЕСКО в Список Всемирного наследия, широко известны. Менее известно, что, помимо них, эта организация ведёт учёт нематериального культурного наследия. За Россией в этом репрезентативном списке закреплено лишь два объекта: творчество семейских (староверов Забайкалья) и якутский эпос «Олонхо» (по состоянию на 2019 год).

Введение в действующую Конституцию обязательств по защите этнической самобытности должно способствовать дальнейшей работе по выявлению и сохранению элементов нематериального культурного наследия нашей страны.

Думается, что российский сегмент представительного списка ЮНЕСКО может быть значительно расширен. Ведь участие в подобном списке – это не менее значимый атрибут величия державы, чем показатели ВВП или достижения в сфере геополитики.

ПАМЯТЬ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА РУСТЕМ ВАХИТОВ

Российская Федерация чтит память защитников Отечества... Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.

Статья 67¹.3 Конституции РФ

Поправки в Конституцию нашей страны, которые были внесены недавно по инициативе Президента Владимира Путина и по итогам общероссийского голосования 1 июля 2020 года, вызвали жаркие споры в обществе. Но, пожалуй, меньше всего претензий было высказано по отношению к пункту 3 новой статьи 67¹, касающейся памяти защитников Отечества и подвига народа.

Даже противники некоторых других поправок были согласны с тем, что недопустимо переписывать историю Великой Отечественной войны, фальсифицировать данные и факты, принижать подвиг народов СССР, великого русского народа и его народов-братьев, защитивших свою независимость, само своё национальное бытие и освободивших Европу и мир от нацизма, победа которого означала бы наступление новых «тёмных веков» человеческой истории.

Особенно актуально это в свете того, что многие новоявленные идеологи национализмов постсоветского пространства пытаются пересмотреть «национальный вопрос» как в отношении истории Великой Отечественной войны, так и в отношении нашей современности. Предлагаемая статья – о роли дружбы народов в Великой Победе советского народа и СССР и об уроках, которые из этого можно извлечь сейчас.

«ПЯТАЯ КОЛОННА» НАЦИОНАЛИЗМА

Идеологи гитлеровской «объединённой Европы», напавшей на Россию-СССР в 1941 году, рассчитывали на лёгкую победу ещё и потому, что надеялись сыграть на национальных противоречиях внутри Советского государства. Задолго до начала войны СД начала собирать материалы о деятельности азербайджанских, грузинских, северокавказских и туркестанских националистических организаций.

Нацистские идеологи пытались эксплуатировать тезис о «России как тюрьме народов», но уже применительно к СССР. Альфред Розенберг лицемерно заявлял: «Не является божеской справедливостью, когда... русские бессовестно угнетали все народности... Наша борьба... имеет целью право на самоопределение народов». Разумеется, нацистов не заботили интересы этих народов, они желали лишь внести раздор в советский стан.

Особые надежды Розенберг возлагал на Прибалтику (свою малую родину, так как сам он родился в Ревеле –

ныне Таллин) и Украину, которые он считал в наивысшей мере настроенными против русских. Именно поэтому Розенберг провозглашал, что якобы «цель для Германии» – это «свобода украинского народа», и призывал относиться к украинцам «более дружественно, чем это может быть необходимо в отношении Прибалтики».

Он утверждал, что остановка политики коренизации на Украине и поворот Сталина к «русскому национализму» в достаточной мере восстановили украинскую интеллигенцию против Москвы. Предполагались и тактические связи с белорусскими националистами, и пестование «казацкого сепаратизма» на основании объявления казаков «арийцами» и «потомками остготов». Розенберг планировал также создание зависимой от Рейха «Кавказской федерации», чьё руководство должно было само попросить немцев о помощи, и, возможно, создание среднеазиатских протекторатов.

Во время войны ведомство Розенберга пыталось осуществить эти планы. Так, на территории Украины учредили отдельный «украинский» рейхскомиссариат (тогда как прибалтов лишили такой «чести») с марионеточными политическими структурами из среды коллаборационистов. В составе иностранных войск СС были сформированы подразделения, укомплектованные военнопленными из числа представителей народов Поволжья («Идель-Урал»), среднеазиатов («Туркестан»), а также Грузинский, Азербайджанский, Кавказский легионы, казачий корпус и казачья дивизия, украинская дивизия СС «Галичина», белорусская дивизия (30-я пехотная дивизия СС), латышская и эстонская дивизии.

Нацисты вели пропаганду, направленную на нерусские народы СССР, особенно на бойцов Красной армии и на военнопленных. Национальные легионы имели свои «политические комитеты», там готовились агитаторы для нерусских солдат, оказавшихся в лагерях, писались листовки на национальных языках. При Восточном министерстве создавались соответствующие отделы (например, отдел «Татарское посредничество»).

Немцы привлекали к подрывной работе националистов времён Гражданской войны, оказавшихся в эмиграции. Так, активное участие в формировании Туркестанского легиона принимали казахский националист Мустафа Шокай, который бежал от большевиков сначала в Турцию, а затем в Париж, и узбек Вели Каюм-хан. Они основали пронацистский Комитет освобождения Туркестана, выпускавший литературу на национальных языках (в 1944 году в Берлине было даже разрешено издать киргизский эпос «Манас»).

Нельзя сказать, что у гитлеровцев не было оснований надеяться на успех всей этой деятельности. Действительно, Советский Союз был сложным в этническом отношении образованием и отношения между разными народами в нём не были лишены конфликтности. В разные периоды центральная власть видела опасность как в нерусских национализмах в среде элит автономных и союзных республик, так и в латентном русском национализме внутри РСФСР. Репрессивные способы

борьбы делали решение национального вопроса в 1920–1930-е годы далеко не идеальным. В 1937–1938 годах сталинский террор прокатился и по национальным республикам, под нож репрессий попало множество представителей национальных интеллигенций и нацкадров в партии и в Советах.

Так, на Башкирскую АССР обрушились пропагандистские атаки центральной прессы: 17 сентября 1937 года в газете «Правда» вышла статья «Кучка буржуазных националистов в Башкирии» и одновременно в «Известиях» статья «Башкирские буржуазные националисты и их защитники». После этого в Уфу приехал Андрей Жданов, на специальном пленуме обкома он призвал к разгрому «врагов народа».

Был снят с поста и расстрелян 1-й секретарь Быкин, а вслед за ним – значительная часть верхушки Башкирии: члены бюро обкома, многие представители руководства наркоматов, руководства Союза писателей. Историки говорят, что русских и евреев обвиняли в троцкизме, а башкир – в валидовщине (Валидов – националист-эмигрант, бежавший в Турцию в начале 1920-х).

Нечто подобное в 1937 году происходило и на Украине, и в Белоруссии, на Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии.

Надежды Гитлера и Розенберга не сбылись, разрушить единство народов СССР не удалось. Нацистская пропаганда среди красноармейцев провалилась. Из более чем 28 миллионов украинцев под фашистские

знамёна встало 250 тысяч человек, и то в основном это были жители незадолго до того присоединённой к СССР Западной Украины.

Даже в Прибалтике соотношение коллаборационистов с латышами, литовцами и эстонцами, которые вступили в Красную армию, было не в пользу коллаборационизма: на сторону Гитлера встали 100 тысяч человек, на сторону СССР – около 200 тысяч. Руководство национальных республик сохранило верность советскому патриотизму.

В той же Башкирии по инициативе руководства партии, комсомола и советов была организована Башкирская кавдивизия – национальное формирование в составе Красной армии. В неё записывались добровольцами даже наркомы-башкиры и чиновники из обкома партии. Дивизия с боями прошла всю войну.

Напрасно рассчитывали немцы и на национал-коллаборационистов. В 1943 году волжско-татарский 825-й батальон (легион «Идель-Урал») был переброшен в Витебскую область для борьбы с белорусскими партизанами. «Во время первой же операции татары уничтожили немецких офицеров, и весь батальон (свыше 800 человек с 6 противотанковыми орудиями, 100 пулемётами и автоматами и другим вооружением) перешёл к партизанам». В сентябре 1943 года туркестанский батальон, действовавший близ Оболони в составе вермахта, сделал то же самое: «...туркестанский батальон перебил немецких офицеров и в составе трёх рот с оружием перешёл на сторону советских войск» (данные приводятся

по изданию: С. Дробязко, А. Карашук. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте (2000)). После этого немцы вывели остатки национальных формирований с Восточного фронта.

ДРУЖБА НАРОДОВ ПО ТУ СТОРОНУ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЫ

Почему же провокационная работа нацистов, направленная на разрушение единства народов Советского Союза, потерпела крах? Думается, перед нами тот случай, когда политики сами верят той пропаганде, которую они инициировали. Идеологи ведомства Розенберга не только доказывали нерусскому населению СССР, что Советский Союз – это «империя русских, угнетающих другие народы», они в определённой мере и сами считали, что это так.

Между тем в основе национальной политики советского руководства лежала совсем другая концепция, которая получила название «дружба народов». Её научное описание можно найти в работе известного специалиста по нациям и империализму Светланы Лурье «“Дружба народов” в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации?» (2011).

Суть этой концепции Лурье излагает так: советское общество после «сталинского поворота 30-х» стало мыслиться как совокупность народов, или «социалистических наций», которые являются «братскими» и «равноправными», но которые соединены «первым среди равных» – «великим русским народом» (это даже получило отражение в сталинском гимне: «Союз нерушимый

республик свободных сплотила навеки Великая Русь»). Национальное развитие этих народов поощрялось (что выбивало из рук антисоветчиков их пропагандистские козыри о «подавлении народов»). Более того, некоторые народы были при помощи государства переведены на модернистскую национальную ступень.

Как остроумно выражается Лурье, «этничность подерживалась внутри народов, чтобы сохранить подобия наций, чтобы было из чего строить пролетарский интернационализм». Таким образом, идеологема дружбы народов была нацелена на будущее (а не на прошлое, как классический национализм с его романтикой «крови и почвы»); народы СССР были объединены общим участием в строительстве коммунистического общества.

Но национальное поощрялось только до тех пор, пока национализм советских народов не переходил из культурной фазы (начала стадии В по классификации Мирослава Хроха) в политическую фазу (стадия С по Хроху). То есть советское руководство поощряло развитие культуры, ограниченную политическую автономию (под контролем партии, которая была организована не по национальному принципу, что отстаивал Ленин в борьбе с Бундом ещё при создании партии). Но оно отвечало репрессиями на любые попытки даже намекнуть на борьбу за независимость политических наций.

Конечно, идеологема дружбы народов подразумевала не только полицейские методы. Речь шла об определённых институтах, предвосхищающих мультикультурализм и политкорректность. Например, в её рамках популяризировалось творчество писателей и поэтов разных народов (украинца Тараса Шевченко, татарина Габдуллы

Тукая, белоруса Янки Купалы, казаха Джамбула Джабаева и др.) среди всего населения СССР. Пресекались оскорбления по национальному признаку и, наоборот, поощрялись стихийно возникающие механизмы межэтнической коммуникации и сосуществования этносов.

Очень важным институтом, формировавшим такие механизмы межэтнической коммуникации, в СССР была армия. При наличии системы прописки, прикреплявшей людей к определённому месту жительства, шанс по-человечески сблизиться с представителями других национальностей был у советского гражданина далеко не всегда (особенно если он жил в моноэтническом населённом пункте).

Представители разных народов встречались и научались взаимодействовать в армии. Примечательно, что именно Сталин в 1939 году произвёл реформу, в результате которой страна перешла от армии милиционно-территориального типа (где граждане служили вблизи от своего места проживания) к классической европейской призывной системе (что при многонародности СССР превратило вооружённые силы в «плавильный котёл советской нации»).

Именно в Красной армии в годы войны стихийно формировались практики дружбы народов, которые поддерживались государственной пропагандой, справедливо указывавшей, что нацистская «Крепость Европа», напавшая на СССР, – это враг всех народов, живущих в едином Отечестве.

Ещё до войны коммунистическое руководство подчёркивало важность дружбы между народами Советского Союза. Приведу слова Сталина, которые, безусловно, вдохновляли и бойцов Красной армии, и тружеников тыла в годы войны: «Дружба между народами СССР – большое и серьёзное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живёт и здравствует».

Об общей для всех народов СССР угрозе Сталин говорил и в знаменитой речи 3 июля 1941 года, той самой, где он обратился к соотечественникам: «Братья и сёстры!»: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью... разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечивание, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение».

Советский агитпроп в годы войны в обязательном порядке учитывал национальный фактор. Каждый день в радиопередачах, в газетах подчёркивались

подвиги бойцов и командиров Красной армии разных национальностей.

К боевым наградам также представлялись воины из числа всех народов СССР, без ограничений. В составе РККА появились национальные формирования (как упоминавшаяся уже Башкирская кавалерийская дивизия), причём официальные СМИ активно освещали их фронтовой путь (так, для этого в кавдивизию командировался корреспондент «Красной звезды» писатель Константин Симонов).

В действующей армии активно развивали печать, газеты на языках народов Советского Союза. По данным, опубликованным И. Кондаковой и В. Маиным в книге «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в современном патриотическом воспитании граждан» (2008), «в 1943 году на 14 фронтах и в двух военных округах на нерусских языках издавались 50 газет, в том числе на узбекском языке – 11, казахском – 10, татарском – 8, азербайджанском – 6, грузинском – 5, армянском – 4, таджикском – 2, туркменском, киргизском, башкирском – по одной газете». С другой стороны, было развёрнуто обучение солдат, призванных из нерусских окраин и слабо овладевших русским языком, «языку Пушкина и Ленина», как выражались тогда.

В центральной прессе публиковались указы матерей, отцов, просто представителей нерусских народов к своим единоплеменникам – бойцам Красной армии. Так, 31 октября 1942 года в «Правде» был напечатан на-

каз к узбекам: «Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах, киргиз совместно с тобою... днём и ночью строили наш большой дом, страну, нашу культуру... Теперь же в дом твоих братьев – русского, белоруса и украинца – ворвался германский басмач... Но если разбойник отнял дом у твоего брата, верни ему дом – это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы!»

Это оказывало соответствующее влияние на красноармейцев. В январе 1943 года в Новгородской области был захвачен в плен раненый туркмен – старший сержант РККА Айдогды Тахиров. Немцы привели его на радиоузел и, угрожая оружием, дали бумагу и потребовали по-русски обратиться к бойцам-туркменам с призывом сдаваться. Тахиров вместо этого крикнул в микрофон: «Воины-туркмены, не верьте немцам, бейте гадов...» Фашисты забили его до смерти, но вскоре бойцы 87-й Туркменской отдельной стрелковой бригады дерзким броском захватили позицию, уничтожили противника и предали тело героя земле. Тахирову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тылу советская власть тоже развернула деятельность по поддержке национальных культур. По решению Правительства СССР были созданы либо же усилены республиканские академии наук: в Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Казахстане. Поддерживались национальная литература, театры. Сейчас часто вспоминают, что непосредственно перед войной или в годы войны на экраны СССР вышли

фильмы, прославляющие Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова – русских национальных героев, которых ещё недавно, в период революционной горячки 20-х, именовали «мракобесами» и «эксплуататорами». Но в это же время советский зритель увидел кинополотна о героях украинского, грузинского, башкирского, узбекского и других народов СССР: «Салават Юлаев» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941), «Георгий Саакадзе» (1942), «Насреддин в Бухаре» (1943).

Были и тёмные стороны национальной политики сталинского руководства в годы войны. Имеются в виду печально известные депортации народов (например, высылка немцев Поволжья в Казахстан). Эти акции сопровождались жестокостями, гибелью мирного населения.

Не оправдывая подобные действия, следует всё же отметить, что их нужно рассматривать на основе принципа историзма. Этнические депортации выглядят вопиющим насилием с позиций современной морали, но в ту эпоху они были обычными операциями даже во многих «демократических» странах. Укажем на размещение в специальные лагеря американцев японского происхождения после Пёрл-Харбора. В лагеря до 1945–1946 годов были депортированы 110 тысяч граждан США японского происхождения из западных штатов США и 22 тысячи канадцев – с западного побережья Канады (с запретом проживать в Британской Колумбии

до 1949 года). Естественно, современники и сталинские депортации рассматривали в соответствии со стандартами своего времени, а не нашего.

Обратим внимание на то, что Сталин в речи 3 июля 1941 года говорил как о достижении советской власти о «национальных государственностях» русских, украинцев, белорусов, татар, узбеков и т. д. в составе СССР (и РСФСР). Сегодня некоторые осуждают ленинскую национальную политику, говорят о том, что создание на территории бывшей империи национальных союзных и автономных республик было ошибкой. Конечно, в политике не бывает идеальных решений, и СССР большевики «собирали», «набивая шишки» и постоянно учась. Напомню, что изначально Ленин вовсе не был сторонником федерализма, он вынужден был учесть «пробуждение народов Российской империи», которое началось с марта 1917 года. Но этот выбор в пользу федерализма себя оправдал.

Исторический опыт показал: нерусские народы СССР ещё и потому не поверили гитлеровско-розенберговской пропаганде о том, будто их «угнетают русские», что твёрдо знали – русские большевики, наоборот, дали им автономии, открыли возможности для развития национальных культур.

Идеалом некоторых современных политиков является унитарное государство. Но возьмём для примера такое унитарное национальное государство, как Франция.

Вплоть до 1950-х годов французы столь рьяно воплощали в жизнь проект культурной однородности, что запрещали представителям других коренных народов, например бретонцам, даже открывать школы с преподаванием на родном языке (что уж там говорить о нацавтономии!). Этим объясняется коллаборационизм среди бретонцев и других нетитульных народов во время и Первой, и Второй мировых войн. «Бретонская национальная партия», запрещённая в довоенной Франции, была восстановлена при немецкой оккупации и стала активной пособницей немцев. То же самое касается и корсиканских националистов. Множество военных корсиканской национальности перешли на сторону Оси после оккупации острова фашистской Италией. Так, корсиканские националисты во главе с Симоном Петру Кристофини, движимые идеями итальянского ирредентизма, помогали войскам Муссолини бороться с отрядами Сопротивления.

Какой контраст с Советским Союзом 1941-го, где даже среди латышей, эстонцев и литовцев тех, кто вступил в Красную армию, оказалось в два раза больше, чем подержавших Гитлера!

ИМПЕРАТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Опыт советской политики дружбы народов, позволившей нам одержать Победу 75 лет назад, разумеется модифицированный и адаптированный к современности, может быть актуальным и должен использоваться и в сегодняшних непростых политических условиях. Конституционная поправка о памяти защитников Оте-

чества ведь относится ко всем защитникам, какой бы они ни были национальности, ко всему полиэтническому пантеону героев Великой Отечественной войны, а значит, думаю, несёт в себе смысл и защиты дружбы народов России.

Само время требует взвешенной национальной политики, учитывающей интересы всех народов нашей многонациональной Родины. Ведь противостояние с Западом никуда не делось, и наши геополитические конкуренты пытаются влиять на ситуацию в России, используя разные способы воздействия, в том числе и пытаясь разыграть «национальную карту». Думается, пора вспомнить о евразийских основаниях нашей державы и вдохнуть новые силы в концепцию «дружбы народов Великой России».

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

ТАТЬЯНА БЕСПАЛОВА

Российская Федерация... обеспечивает защиту исторической правды.

Статья 67¹.3 Конституции РФ

Память о прошлом в последние годы превратилась в эффективное инструментальное средство политической борьбы государств и цивилизаций, что требует системной реализации политики памяти и забвения с точки зрения патриотизма и национальной безопасности Российского государства.

Массовый снос памятников, «войны памяти», запуск глобальных сценариев политического и экономического переустройства мира заставили учёных пересмотреть привычные подходы к проблеме памяти. Философско-политологический и цивилизационный подходы к проблеме исторической памяти позволяют обозначить традиции российской мемориальной культуры, специфику оформления воспоминаний/умолчаний, парадоксы русской памяти, их использование в публичной политике и дипломатии, самобытные формы проявления наци-

ональной памяти и её роль в обеспечении безопасности страны, без чего невозможно проведение системной политики памяти и забвения и в целом сохранение российской цивилизации и её наследников. Этим проблемам посвящена отдельная новая книга «Национальная память в эпоху перемен» (Т.В. Беспалова, С.П. Поцелуев, В.Н. Расторгуев).

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2020 год уже вошёл в историю как рубежный не только для России, но и для всего человечества – такого управляемого хаоса и круговорота в сфере мемориальной политики мир, наверное, ещё не знал за всё время своего существования. Этот круговорот сам себя ускоряет, потому что в нём сходятся сразу несколько направлений драматичных катаклизмов: природные, экологические, финансово-экономические, миграционные, демографические, политические и другие катастрофы взаимно усиливают друг друга. Поэтому эпоха перемен рискует затянуться надолго, и новый момент глобального равновесия может означать совсем другие социальные и природные ландшафты.

Роковые события (войны, революции, экологические катастрофы и др.) разворачивают ход истории, кардинально меняя векторы человеческой деятельности. Переписывается история, меняются акценты в восприятии героики/предательства, полностью переворачивается картина национального бытия.

Процессы переписывания истории в 2020 году охватили весь мир. Причём глобальный сценарий связан не только с фальсификацией истории – он затрагивает самые болевые точки истории народов и государств. Возникает ощущение, что человечество подошло к очередному рубежу, а глобальные силы взялись за обнуление всемирной истории. После разрушения памятников советским солдатам в Европе, Прибалтике, на Украине, в Чехии настал черёд более давних мемориалов, в том числе героям западных цивилизаций – Черчиллю, Рузвельту, Вашингтону, Колумбу...

Может быть, этот набор событий, включая совершенно абсурдное (а на самом деле целенаправленное) низвержение ключевых исторических фигур, знаковых не только для отдельных цивилизаций, но и для всего человечества, в конце концов приведёт к пересмотру отношений между государствами, возродит межкультурный диалог на основе уважения исторических, культурных и религиозных традиций. На повестку дня вновь встанут важнейшие вопросы.

Все ли народы и цивилизации смогут отстоять значимые для собственного национального бытия памятные даты?

Какие социальные группы (институты) сохраняют память о прошлом?

Почему в интересах национальной безопасности России (российской цивилизации) необходима актуа-

лизация единой версии исторической памяти в образовательном, культурном, научном и политико-правовом пространстве и кто несёт за это политическую, юридическую и моральную ответственность?

Почему долг памяти и право забвения являются приоритетными способами формирования национальной идентичности?

Что такое «вечная память», национальная память, историческая память, историческая правда, историческая истина и т. д.?

Почему в эпоху роковых событий разворачивается жёсткая политическая борьба за различные версии культурно-исторической памяти и чем обычно обусловлен выбор одной из них?

Что происходит с национальной памятью на переломах истории и действительно ли переписывание истории после войн/революций, вторая жизнь исторических событий, обретение «нового прошлого» являются нормой политического времени и не имеют практически никаких пределов?

Какова социокультурная специфика оформления воспоминаний и умолчаний в отношении героики и предательства в нашей стране?

В чём заключаются традиции мемориальной культуры и политики России и чем грозит их нарушение?

Почему философско-политологический и цивилизационный подходы к проблеме исторической памяти и защиты исторической правды представляются наиболее выигрышными?

Конечно, в этом очерке мы не дадим ответы на все поставленные вопросы. Скажем лишь, что националь-

ная память понимается как организованная в политических целях историческая память, однако она не сводится только к организованной памяти или политике памяти, она может быть «живой», и она, безусловно, связана с культурной памятью.

Необходимая избирательность в отношении прошлого обусловлена национальными интересами государства. С этой целью вводится патриотическое измерение национальной памяти, без учёта которого она может быть разрушительна для народа. Патриотическая память – это обращение к такому прошлому, которое создаёт ощущение гордости за свою страну и своих предков.

Это предполагает, конечно, избирательное отношение к истории, оправданное целями сохранения государства, нации, цивилизации и связанное не только со знанием отечественной истории, языка, культуры, но также с чувством исторического процесса и осознанием роли Отечества в самых грандиозных мировых событиях.

Не стоит думать, что патриотически выстроенная история представляет собой её упрощённый вариант. Напротив, способность выстраивания привычного исторического ряда событий после роковых потрясений представляется сложной задачей, связанной с преодолением достаточно острой конфликтности по вопросу интерпретации прошлого, с обозначением новых приоритетов в культурной, образовательной, национальной,

информационной политике с точки зрения национальной безопасности страны, а также с сохранением иерархии значимых ценностей народа.

Представление интересов сильной и независимой России в новых политических условиях требует использования ресурса «научной дипломатии» в отношении сложных вопросов истории в русле философско-политологического подхода, а также формулировки нового научного и политического языка.

Часто оформление нового понятийного аппарата происходит «на грани», когда новые понятия ещё не полностью устоялись, а старые уже не воспринимаются. Запуск новых смыслов, их введение в научный оборот и в политический дискурс, в массовое сознание требует колоссальной научной, экспертной, аналитической работы. Эта работа связана не только с методологическим обоснованием идей, их актуализацией, но и с созданием новых исторических символов, их последовательным гармоничным встраиванием в различные виды культурной деятельности: кинематограф, театр, песенную культуру и т. д.

Эпоха перемен всегда обостряет запрос на память, потому что память является основой идентичности, а хочется иметь что-то стабильное, за что можно ухватиться, чтобы не потерять свою идентичность, к которой относится не только наше личное «я», но и наше коллективное (национальное) «мы».

Среди структурных проблем современной России проблема её идентичности – одна из наиболее злободневных. Уже простой вопрос: о какой, собственно, идентичности идёт речь – о национальной, культурной, цивилизационной или какой-то иной – оказывается нетривиальным, поскольку далеко не все сегодня согласны с тем, что Россия отвечает или даже должна отвечать стандартам обычного европейского национального государства.

НАЙТИ СИНТЕЗ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

В этом контексте важно было найти ответ на вопрос о совмещении этнокультурной идентичности народов России, национальной (гражданско-политической) и цивилизационной идентичности. Историческая необходимость заставляет вернуться к собственным истокам, основам российской цивилизационной идентичности как к одному из ресурсов и источников выработки решений стратегических задач, стоящих перед страной, – это право на самостоятельное национальное и цивилизационное бытие.

На наш взгляд, применение цивилизационной теории, даже с учётом её вероятных политических рисков, снимает если не все, то многие противоречия. Совмещение этнокультурной (русской, татарской, чеченской и др.), национальной в гражданском смысле (российский народ, граждане России) и цивилизационной идентич-

ностей (принадлежность к самобытной цивилизации) вполне возможно.

Важно отметить, что иерархия задач по гармонизации идентичностей – от приоритетной цивилизационной к гражданской (политической) и этнокультурной – обусловлена идеей и стратегической целью сохранения и укрепления Российской державы, общего Отечества всех народов России, и, конечно, реальной политической ситуацией, требующей разрешения межцивилизационного противостояния, в особенности на территориях государств, сопредельных с нашей страной.

Хотя необходимо признать, что использованное в Стратегии государственной национальной политики понятие «единый культурный (цивилизационный) код», так же как и понятие «российская цивилизация» в Основах государственной культурной политики РФ, пока фактически остаются лишь декларацией.

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»

«Войны памяти», казалось бы, отошли на второй план на фоне новых военно-политических, экологических и других угроз 2020 года, но на самом деле они приобрели ещё более серьёзное значение в процессах экономического, политического и духовного переустройства мира.

Героические «образы прошлого» в истории народов всегда выступали и будут выступать в качестве

важнейшего символического ресурса, способствовать укреплению солидарности общества, поднятию народного духа.

СССР после победы в Великой Отечественной войне стал главным гарантом в сохранении мира и нового миропорядка. Именно эта роль позволила советской державе изменить соотношение сил в пользу социалистического устройства, одержать множество побед во многих сферах, от международной до внутренней политики. Одна из главнейших задач, стоящих перед российским народом, народами постсоветского пространства в XXI веке, – защита того мира, за который отдали свои жизни герои Великой Отечественной войны.

Сейчас особенно чётко оформилась необходимость реальной интеграции постсоветского пространства не только на основе экономического взаимодействия, но и, прежде всего, на основе общей исторической памяти, максимального сближения и дружбы народов, сохранения самобытности российской (в иных политических версиях евразийской) цивилизации.

Эпоха, в которой нам волей судьбы довелось оказаться, характеризуется масштабными изменениями в процессах традиционного восприятия знаковых событий мировой и отечественной истории, «символических фигур памяти». Россию всячески пытаются втянуть в политическую дискуссию на исторические темы по вопросам, которые совершенно не являются для нас дискуссионными.

По прошествии 75 лет в зарубежной исторической памяти возникло огромное количество организованных «чёрных» мифов по поводу этой войны. Обозначим лишь некоторые:

- уравнивание СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны вплоть до обвинения советской власти в агрессорских действиях;
- обвинение России как правопреемницы Советского Союза в преступлениях сталинского тоталитарного режима;
- оспаривание монопольного права на победу во Второй мировой войне США, Британией, будто бы победившими в историческом противостоянии с тоталитаризмом, освобождая Европу от советской деспотии;
- обвинение русского народа в «имперских амбициях» при попытках отстаивания Россией подлинной исторической памяти;
- восприятие самобытности российской цивилизации как угрозы всему миру;
- навязывание русскому народу комплекса вины, попытка столкновения народов России на почве возвращения «исторических долгов» (репрессии и пр.);
- обвинение России в отсутствии демократических традиций, в отсталости в экономическом, культурном, политическом отношениях;
- требование общенародного покаяния за тоталитарное прошлое и т. д.

Список этих надуманных политических обвинений бесконечен. Цель ясна – окончательное разру-

шение постсоветского пространства, памяти о героическом прошлом нашего Отечества, максимальное ослабление роли России – правопреемницы Советского Союза как главного победителя нацизма.

Дробление Победы началось с отрицания всего «советского» в 90-е годы двадцатого века и последующего обозначения какого-то отдельного этнокультурного вклада в общую Победу украинцев, белорусов и т. д., вплоть до абсурда. Постепенно всё это привело к разделу общего культурно-исторического наследия по «национальным квартирам», к возбуждению враждебности по поводу «трудных» вопросов истории, а в дальнейшем – к возможности кардинального пересмотра роли советского наследия во всём мире, что недопустимо с точки зрения исторической справедливости. Советский народ был многонациональной общностью, но меньше всего солдаты в борьбе с фашизмом, совершая великий подвиг во имя жизни на земле, обращали внимание на национальности. В год 75-летия Победы у народов постсоветского пространства появился шанс переосмысления своего прошлого, настоящего и общего будущего.

Изменить память о прошлом, стереть полностью память об отдельных событиях, людях не всегда удаётся, и тому есть весомые причины. Исторические даты – День независимости в США, День взятия Ба-

стилии во Франции, День коронации в Великобритании, День памяти Катастрофы и героизма в Израиле, День Победы в Великой Отечественной войне в России – устойчивы в народной памяти. Изменение памяти о подобных событиях невозможно, их забвение приведёт к уничтожению носителя памяти и государства.

Как и создание новых памятных дат, установление мемориалов без серьёзного концептуального обоснования не способствует появлению устойчивых воспоминаний, патриотического единства и солидарности нации.

Национальную память предлагается рассматривать как память, которая организуется в русле формирования национальной идентичности, соотносится с возникающим в обществе социокультурным запросом. Государственные институты в периоды острой политической борьбы транслируют различные версии культурно-исторической памяти, что приводит к конкуренции групп памяти в самом обществе.

Именно так возникают конфликтные версии памяти, каждая из которых в период трансформации общества может претендовать на статус национальной памяти. Таким образом, во всех сферах культурной деятельности в периоды серьёзных социальных перемен (театр, кинематограф, выставки и пр.) можно заметить острое противоборство этих идейно-политических предпочтений – «войны памяти».

«Войны памяти» превратили кинематограф в эффективное манипулятивное средство, которое стали использовать в инструментальных политических целях, иногда в ущерб национальной безопасности государства. Например, деструктивные технологические смыслы фильмов «Матильда», «Смерть Сталина» использовались в качестве «спланированной провокации», мишенью которой были интересы различных групп людей – православных, коммунистов и др. Запуск подобных дискурсивных технологий в сферах культурной, образовательной и молодёжной политики легко принять за свободу творчества или креативные способы обучения, но довольно сложно остановить их разрушающее действие уже в процессе вспыхивающих конфликтов.

Феномен кинематографии изучался в различных аспектах – социальном, историческом, искусствоведческом, но ещё не было системных исследований кинематографа как способа формирования и сохранения исторической правды, национального самосознания, долга памяти и патриотизма. Трансляция культурных ценностей, например, в советском кино тесно связана с формированием высоких этических и эстетических идеалов. Тиражируемые художественные образы с устойчивым этическим содержанием постепенно превращались в культурные стереотипы.

Киноязык становился одним из критериев идентификации человека, его принадлежности к определённой стране и культуре.

Стремление зрителей «пересмотреть картину ещё раз» было критерием её высокого качества («Семнадцать мгновений весны», «А зори здесь тихие», «В бой идут одни “старики”» и др.). Узнаваемые фразы начинали использоваться в повседневной жизни, что не только отражало восхищение советским киноискусством, но и создавало этическую основу социальной солидарности и национального единения народа. Художественный вымысел воспринимался как историческая достоверность отчасти благодаря привлечению учёных-историков, военных экспертов в качестве научных консультантов кинофильмов и, конечно, благодаря советской песенной культуре, в которой таилась необычайная духовная сила («Священная война», «Катюша», «День Победы»).

Обращение к историческому прошлому и патриотизму в советских фильмах происходило совершенно естественно («люди не говорили о патриотизме, они просто так жили»), что объяснимо доминированием единой версии интерпретации значимых исторических событий на уровне государственной политики памяти и гордостью за страну.

Современное состояние российского кинематографа требует возрождения его традиций с целью сохранения отечественной культуры и национальной памяти.

Наряду с припоминанием, важно и забывание – когда определённые элементы памяти вытесняются из активного употребления в область забвения. Забвение часто путают с отрицанием прошлого, его неприятием, тогда как без забвения не может возникнуть подлинной памяти. Историческая правда, историческая ложь, забвение

в процессах формирования национальной памяти играют неоднозначную роль, иногда утрачивая своё прямое предназначение.

Память о прошлом при условии патриотичного выстраивания исторической событийности на основе социокультурного запроса общества и национальной традиции является прочной духовной основой единства и солидарности российского народа.

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПОМНИМ ПРОШЛОЕ?

Конечно, для сохранения культурно-цивилизационной идентичности, преемственности эпох и поколений, для выстраивания великого будущего России, которое тоже «припоминается».

«Будущее оказывает влияние на настоящее ничуть не в меньшей степени, чем прошлое» (Ф. Ницше). Роль исторической и национальной памяти в процессах обеспечения национальной и общественной безопасности трудно переоценить. Обозначенные подходы позволят эффективно выстроить проведение системной политики памяти и забвения и в целом сохранить российскую цивилизацию и её наследников.

ЗАЩИТА ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ СЕРГЕЙ ПАНТЕЛЕЕВ

Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Статья 69.3 Конституции РФ

В результате исторических катаклизмов, войн и революций за рубежами России образовалась многомиллионная русская община, насчитывающая, по оценочным данным, около 30 миллионов человек, из которых около двух третей проживают на пространстве бывшего СССР, остальные – в так называемом традиционном зарубежье. Положение о поддержке соотечественников за рубежом и сохранении их общекультурной идентичности (статья 69.3) – конституционное новшество для России. В советское время сам факт наличия родственных связей за границей являлся поводом для подозрения, а эмигранты воспринимались чуть ли не как «предатели Родины». Этот подход был обусловлен классовым принципом Советского государства и конфронтацион-

ным характером международных отношений в условиях холодной войны.

РАССТАВАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗМА

После распада СССР Российское государство исходило из принципа интеграции в международные структуры, зачастую с отказом от собственных национальных интересов, а проживающие за рубежом (прежде всего – в странах «западных демократий») соотечественники рассматривались как союзники в процессе «демократизации» России. При этом огромная, 25-миллионная зарубежная русская община, образовавшаяся в результате развала единого государства, долгие годы не получала от ослабленной исторической родины должной поддержки и внимания.

Постепенное развеивание иллюзий о вхождении России в «сообщество цивилизованных государств», неприятие «клубом избранных» самой идеи возрождения её державного величия, геополитические попытки «сдерживания» нашей страны, выражающиеся как в военно-политической, так и в идейно-мировоззренческой сферах, ставят на повестку дня необходимость институционального закрепления новых принципов взаимоотношений России и зарубежного Русского мира.

Если после распада СССР фактически шла речь о вхождении России в глобальный мир на условиях победителей в холодной войне, то возрождение величия Российского государства неизбежно требует собственно-

го взгляда на модель глобализации, своего места в ней, а также оценки механизмов взаимодействия с другими субъектами международного права на принципах взаимоуважения и сотрудничества.

При этом подходе зарубежная русская община рассматривается как продолжение российского общества, как естественный «гражданский мост» между Россией и странами проживания соотечественников.

Великая страна помнит о своих соотечественниках, оказавшихся вдали от Родины, и, формируя собственный глобальный проект, исходит из принципа достоинства гражданина, которое выражается и в том, чтобы сохранить свою идентичность, передать её своим детям.

Державное величие России, основанное на тысячелетней культурно-исторической традиции, выступает гарантом поддержки соотечественников и сохранения их общекультурной идентичности как начала, обеспечивающего существование и самовоспроизводство зарубежного Русского мира.

«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ» – ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ

Ещё в 2001 году, выступая на I Всемирном конгрессе соотечественников, который стал «точкой отсчёта» в фор-

мировании новой государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, Президент России Владимир Путин отметил, что «соотечественник – категория далеко не только юридическая», а в первую очередь это «вопрос личного выбора» и «духовного самоопределения». По словам Президента, «этот путь не всегда прост», так как «понятие “Русский мир” испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса».

Выступая перед представителями русского зарубежья, Владимир Путин подчеркнул, что в формировании внешнего образа России принимают участие не только жители страны, но и соотечественники, живущие за границей и добившиеся выдающихся успехов в бизнесе, политике, обогатившие мировую культуру, люди, чьё мнение авторитетно и признано в мире.

Понимание того, что именно общероссийская культурная идентичность лежит в основе зарубежного Русского мира, а акт «духовного самоопределения» является основным для идентификации себя в качестве «российского соотечественника», отражено и в российском законодательстве.

Базовым законом, регулирующим действия государства в этой сфере, является ФЗ № 99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

Согласно Федеральному закону в редакции 2010 года, соотечественниками за рубежом являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации, а также ими признаются «лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации». В том числе соотечественниками признаются: «лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства».

С точки зрения российского законодательства признание своей принадлежности к соотечественникам лицами, не являющимися гражданами России, «является актом их самоидентификации», которая может быть подкреплена «общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных

объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией».

Сохранение общероссийской культурной идентичности признаётся первостепенным необходимым условием для самого существования зарубежного Русского мира.

«РУССКОСТЬ» – КУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ

Инициированный Президентом России 15 января 2020 года процесс внесения изменений в Конституцию привлёк заинтересованное внимание зарубежных соотечественников.

Председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников (ВКСРС) Михаил Дроздов, выступая за внесение в Конституцию понятия «соотечественник», пояснял, что, по его мнению, «назрели поправки, касающиеся важных смысловых вопросов бытия нашего народа: кто мы, зачем живём, к чему стремимся, на какие ценности опираемся, кем видим сами себя в современном мире». Как отмечал Дроздов, «две части нашего народа: живущего в метрополии и за её пределами, ощущая своё единство, должны задекларировать его важность, подчеркнуть необходимость» и, по его убеждению, «сделать это лучше всего именно в Конституции».

Председатель движения зарубежных российских соотечественников указывал и на позитивные перспективы, связанные с принятием такой поправки. По его словам, несмотря на то, что давно действует Федеральный закон о соотечественниках, с введением понятия «соотечественник» в Конституцию «работа государственных структур с соотечественниками может подняться на новый качественный уровень, закрепление этого термина в Основном законе страны подчеркнёт конституционную обязанность государства по обеспечению взаимодействия с соотечественниками за рубежом». По его мнению, это будет благотворно и для русского зарубежья: «...Мы – русские, живущие за пределами России, откликаясь на данную норму, должны будем, в свою очередь, стать платформой, на которую наше государство сможет рассчитывать как на народных дипломатов, экспертов в странах проживания, тех людей, которые могут быть полезными стране».

26 февраля 2020 года состоялась очередная встреча Президента России Владимира Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Основной закон Российской Федерации. На этой встрече депутат Государственной Думы, председатель думского Комитета по образованию и науке и президент фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов также выступил с предложением о внесении в Конституцию положения о соотечественниках.

Ответ Президента был очень красноречивым. Приведём его полностью: «Поддержку соотечественников тоже считаю важным элементом. У нас много, действительно, людей наших, которые за границей проживают, и действительно, Вы правы, я сам многократно мог убедить-

ся, там неважно уже, какой этнической группы человек, какой национальности: за границей – все русские. И носители русской культуры и русского языка, безусловно, имеют право так себя и называть. Поэтому наша задача и защищать их, и поддерживать с ними связи. Правильно. И спасибо Вам за это предложение».

Президент не просто признал эту тему важной и поддержал предложенную поправку, но и сделал существенное уточнение с точки зрения понимания общероссийской культурной идентичности. По его мнению, «русскость» не сводима к узко понимаемой этничности, а носит цивилизационный, общекультурный, и в этом плане – интеграционный и для российской государственности, и для зарубежного Русского мира, характер.

«РОССИЯ, ОБРАЩЁННАЯ ВОВНЕ»

Статья 69.3 гласит: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности».

Российская Федерация как правопреемник Союза ССР (статья 67¹.1), следуя принципу преемственности в развитии Российского государства и признавая исторически сложившееся государственное единство (статья

67^{1.2}), берёт на себя конституционные обязательства перед этой категорией соотечественников.

Принципы взаимоотношений Российского государства с соотечественниками, ранее регулировавшиеся федеральным законом, отныне закрепляются в Основном законе страны. Принадлежность к соотечественникам, проживающим за рубежом, согласно Конституции, можно определить как результат свободного акта самоопределения на основе общероссийской культурной идентичности, которое базируется на понимании культуры как уникального наследия многонационального народа России (статья 68.4), принципа исторически сложившегося государственного единства (статья 67^{1.2}) и владения государственным языком Российской Федерации как языком государствообразующего русского народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (статья 68.1).

Заявляя о поддержке проживающих за рубежом соотечественников, Российская Федерация демонстрирует гуманитарное единство России и зарубежного Русского мира, основанное на принципе культурной идентичности.

Возникшее в результате исторических катаклизмов XX века, современное русское зарубежье является цивилизационным продолжением России, «Россией, обращённой вовне». Среди исторических факторов, повлиявших на формирование многомиллионной русской зарубежной общины, выделяются:

1. революция 1917 года и Гражданская война в России («первая волна» эмиграции – около двух миллионов человек, преимущественно представители интеллектуальной элиты русского общества);

2. Вторая мировая война («вторая волна» эмиграции – около 450 тысяч человек, – состоявшая преимущественно из «невозвращенцев» и так называемых перемещённых лиц (ди-пи) – квалифицированных рабочих, угнанных на работу в Германию, а также военнопленных);

3. диссидентское движение в СССР («третья волна» эмиграции – около 360 тысяч человек, – вобравшая в себя как национальную еврейскую эмиграцию в Израиль, так и собственно политическую эмиграцию советских «инакомыслящих»);

4. распад СССР («четвёртая волна» – более 1,5 миллиона человек, покинувших страну по экономическим мотивам в последние годы существования Союза и после его дезинтеграции, а также образовавшаяся 25-миллионная диаспора в странах так называемого ближнего зарубежья, состоящая из русских жителей бывших советских республик, ставших независимыми государствами).

В настоящее время на современное русское зарубежье всё большее влияние оказывает глобализация, интеграционные процессы, информационные технологии, трансграничность, технический прогресс, которые размывают само понятие эмиграции, но делают ещё более значимыми проблемы национальных ценностей, цивилизационно-культурной идентичности и человеческого достоинства.

Процессы глобализации вовсе не сглаживают, а, напротив, обостряют межгосударственную и даже

межцивилизационную конкуренцию, а использование информационных технологий превращает «борьбу за умы» в один из главных трендов современности. Манипуляции массовым сознанием, подмена исторических знаний фальсификацией, навязывание под видом «универсальных ценностей» идеологии потребительства, экономического детерминизма, размывание «человеческого в человеке», включая чувство Родины и традиционные семейные ценности, – явления нашего времени.

Российские зарубежные соотечественники как трансграничное глобальное сообщество, связанное с исторической Родиной общероссийской культурной идентичностью, могут помогать отлаживать «гражданские мосты» для диалога с обществами стран их проживания, находить эффективные инструменты «общественной дипломатии» по формированию положительного образа России за рубежом, выступать в качестве партнёров по осуществлению совместных проектов в области культуры, образования, спорта, бизнеса и пр.

Одновременно, являясь российскими гражданами, гражданами стран проживания, а в некоторых случаях – лицами без гражданства, наши соотечественники испытывают различные формы давления – от информационного, направленного на размывание национальной идентичности, до политического, вплоть до политических преследований.

Приняв конституционную поправку об оказании поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в обеспечении защиты их прав, интересов и самой культурной идентичности, Российская Федерация открывает новый этап в реализации государственной политики в отношении зарубежных соотечественников, в основе которой – общая система ценностей, повышение эффективности механизмов взаимодействия, упрочение партнёрских принципов сотрудничества.

Признание принципа «общероссийской культурной идентичности» в качестве основного для отождествления того или иного человека, проживающего за границами России, с понятием «соотечественник» вновь ставит вопрос о том, кого мы понимаем под этим термином, а главное – кто готов себя с ним идентифицировать и каковы реальные механизмы самоидентификации.

Выше мы попытались дать определение принадлежности к соотечественникам на основе корпуса конституционных поправок, связанных с рассматриваемой статьёй 69.3. Оно исходит одновременно из признания российской многонациональности и интеграционной роли русского государствообразующего начала.

Именно эти изменения, на наш взгляд, наконец-то позволяют уйти от практиковавшейся долгие годы постмодернистской ценностной размытости в сторону выстраивания практических механизмов консолидации Русского мира на основе определения мировоззренче-

ских границ ядра сообщества и примыкающих к нему кругов разного уровня комплементарности.

Цивилизационное понимание русского начала, на которое указывает Президент («за границей – все русские»), на практике позволяет безошибочно определить наличие культурного маркера и снимает искусственное противопоставление между «русским» и «российским». Первое выступает как народное, культурно-цивилизационное, в значительной мере – трансграничное начало, выходящее и за пределы русского (великорусского) этноса, и за рубежи России. Второе – государственное, конкретно-историческое, политическое, очерченное государственными границами и являющееся «метрополией» для «диаспоры».

Заявляя о своей принадлежности к «российским соотечественникам», человек подтверждает свою общероссийскую культурную идентичность как цивилизационную «русскость» и признание Российской Федерации – продолжательницы предшествующих форм российской государственности – в качестве исторической родины. Тем самым гармонизируется соотношение русского этнического ядра с российской полиэтничностью.

Фактор гражданской российской идентичности, базирующийся на принципе наличия русского гражданства и актуальный для внутрироссийской повестки, при этом может выступать как фактор более глубокой интеграции в сообщество через

дальнейшее совершенствование российского законодательства об упрощённом получении гражданства зарубежными соотечественниками. Тем самым зримо воплощается в жизнь формула «Величие России – достоинство граждан».

ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ РУССКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Объективная оценка нынешнего уровня консолидации движения российских соотечественников за рубежом будет связана с признанием того факта, что движение находится всё ещё на начальном этапе своего становления. Ставка на выстраивание описанного выше института координационных советов соотечественников во главе со Всемирным конгрессом и его исполнительным органом в лице ВКСРС, сыгравшая свою позитивную роль с точки зрения создания «институционального каркаса», на данный момент исчерпала свой консолидирующий потенциал.

За редким исключением, как обычно подтверждающим правило, координационные советы представляют собой немногочисленные и невлиятельные сообщества активистов, группирующиеся вокруг российских посольств, не имеющие ни экономических, ни информационных, ни политических ресурсов и, соответственно, зависимые от посольств и не интегрированные в гражданское сообщество стран проживания. Однако само

наличие института координационных советов является достаточным основанием для того, чтобы дополнить выстроенную за последние 15 лет в значительной степени усилиями самого Российского государства «соотечественную» институциональную вертикаль широкой гражданской горизонталью с запуском процессов диаспоральной русской самоорганизации.

Для этого необходимо на основе зафиксированного конституционного положения перейти, с одной стороны, к выстраиванию отношений со странами, имеющими значительные русские общины, с учётом соблюдения прав и законных интересов последних (вплоть до применения соответствующих санкционных действий в отношении государств, нарушающих права российских соотечественников). С другой стороны – всячески содействовать притоку в движение самостоятельных, активных, молодых и имеющих потенциал влияния в странах проживания представителей русской диаспоры.

Последнее невозможно без формирования финансово-экономической базы диаспоры, обретения ею экономической самостоятельности.

Переход от верхушечно-бюрократических проектов так называемой балалаечной дипломатии в сторону установления бизнес-контактов между экономически активными соотечественниками в разных странах, между ними и российскими субъектами хозяйствования, в том числе в российских ре-

гионах, использование потенциала приграничного сотрудничества, механизмов налогового поощрения для отечественного бизнеса – эти меры способны существенно повысить экономический потенциал русских зарубежных общин.

В свою очередь, это приведёт к расширению политических возможностей русской диаспоры, способной выдвигать своих собственных политических лидеров в целях отстаивания интересов общины. Речь идёт о выстраивании партийно-политических проектов, в которых «русская», или «пророссийская», составляющая не будет использоваться в конъюнктурных целях уже существующими самодостаточными политиками, системно вписанными в, по сути, антироссийские режимы, а изначально будет ориентироваться на реализацию политического потенциала движения российских соотечественников, выступающих естественным связующим звеном между государственными, политическими и гражданскими структурами страны проживания и Россией. Именно такой подход, наряду с формированием экономической диаспоральной базы, способен наполнить русские общины в странах проживания субъектностью и позволяет начать выстраивать партнёрские отношения как Россией, так и гражданскими и государственными структурами стран проживания.

Необходимым элементом этой системы становятся российские некоммерческие организации международной направленности, взаимодействующие с организа-

циями соотечественников и выступающие, в свою очередь, партнёрами Российского государства. Требуется упрощение и повышение эффективности грантовой политики, усиление её международной ориентации.

Важнейшее значение приобретает информационное направление, создание инструментов глобальной русской коммуникации и взаимодействия с внешним миром на основе современных информационных технологий.

При этом с повестки дня не снимается, а, напротив, актуализируется использование потенциала русского зарубежья с точки зрения возвращения в Россию соотечественников в целях реализации права на репатриацию и демографического развития российских регионов. Одновременно стимулирование репатриации русских квалифицированных специалистов из государств, нарушающих права наших соотечественников, может служить формой «мягкого» воздействия на политические круги таких стран.

Вышеизложенные изменения в государственной политике по отношению к зарубежным соотечественникам возможны при условии модернизации самого Российского государства, соединения двух очень сложно совместимых начал: приверженности традиционной системе ценностей, внутренней цельности системы, здорового консерватизма государства и общества, с одной стороны, а с другой – устремлённости к развитию, гибкости и адаптивности системы, открытости миру, готовности к диалогу и к уверенной силе в защите «своих».

Наличие за рубежом России многомиллионной русской общины, имеющей опыт жизни в различных наци-

ональных, религиозных, культурных, цивилизационных условиях, но сохраняющей общероссийскую культурную идентичность, свою цивилизационную русскость, связи с исторической Родиной, содержит в себе огромный потенциал, расширяющий как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические возможности нашей страны.

Во внешней политике Россия обретает союзника в реализации открытого миру глобального русского проекта, во внутренней – уникальный опыт жизни значительной части нашего народа в иных государственных системах, на поверку в большинстве случаев доказывающий преимущество для русского человека отечественного социально-политического устройства.

Последнее познаётся только в сравнении – в этом одновременно и ценность наличия такого опыта, и гарантия того, что этот опыт будет укреплять достоинство русского соотечественника и державное величие России.

ПОДДЕРЖКА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ДМИТРИЙ БУНЕВИЧ

Правительство Российской Федерации... осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики.

Статья 114.1 e¹ Конституции РФ

Дословный перевод иногда наилучшим образом раскрывает суть политических понятий или явлений. Слово «республика», как всем хорошо известно, происходит от латинского *res publica* – «общественное дело». Оно замечательно отражает римское республиканское отношение к государственному управлению как к долгу каждого гражданина в любой момент времени. Да, мы живём в государстве, чья форма правления прямо заявляет: в России управление государством – это дело общественное. Но как этот принцип реализуется на практике?

На первый взгляд, ответ очевиден. Демократические процедуры, регулярные местные, региональные и федеральные выборы, избрание глав регионов, депутатов

Государственной Думы и главы государства – всё это понятные и отработанные формы участия граждан в общем деле управления страной. Но эти процедуры, при всей их важности и значимости, являются одномоментными и лишь повторяются раз от раза, воспроизводя определённый «гражданский ритуал», необходимый для функционирования республики. Как же «общественное дело» должно осуществляться большую часть времени, когда выборы не проводятся?

РАЗВИТОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – КРИТЕРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

С помощью институтов гражданского общества жители страны самоорганизуются и вступают в непосредственное и постоянное взаимодействие с органами государственной власти, которые были ранее сформированы в рамках демократических процедур. Круг вопросов, которые решаются подобным образом, может быть самым широким – от вопросов локального, «дворового» значения до общенациональной повестки, связанной с интересами многомиллионных социальных групп или крупных финансово-промышленных объединений. Таких институтов тысячи и тысячи, и все они в ежедневном формате взаимодействуют с государством, донося до него свои предложения, участвуя в выработке, принятии, а в конечном итоге и в исполнении решений. Но это, признаемся, несколько идеализированная картина, встречающаяся в развитых и устойчивых демократиях. Являлась ли таковой Россия

в 1993 году, когда была принята Конституция? Ответ, увы, очевиден.

Травмированное столкновением Президента Бориса Ельцина с Верховным Советом, постсоветское российское общество проходило через драматический и болезненный процесс социальной, экономической, культурной и политической трансформации.

В этом обществе практически отсутствовала традиция гражданской самоорганизации. Ведь все общественные объединения, существовавшие (и иногда весьма успешно!) в Советском Союзе, в действительности были созданы самой властью и функционировали под её постоянным контролем. Даже в сфере культуры последние ростки общественной самоорганизации были ликвидированы в середине 1930-х годов, когда решением сталинского руководства были созданы союзы писателей, художников, композиторов и т. д. Лишь в конце перестройки и на фоне всеобщего обвала существовавшей системы управления стали появляться первые вполне легальные и при этом независимые от властей гражданские объединения. Малочисленные, лишённые практического опыта и не укоренённые в обществе, они тогда не могли стать достойными участниками процесса государственного управления.

Закономерно поэтому, что 30-я статья Конституции 1993 года лишь фиксировала:

«1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

2. Никто не может быть принуждён к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нём».

Вторая часть статьи особенно примечательна и отражает страхи, связанные с предшествующими десятилетиями «добровольно-принудительной» общественной деятельности.

Конституцией 1993 года общественная инициатива признавалась, а гражданам гарантировалось право не участвовать в ней. Ни о каком взаимодействии государственной власти с гражданскими институтами в тексте не упоминалось. Это было вполне сообразно моменту и реальному состоянию развития общества в тот период.

Но за прошедшие с 1993 года почти три десятилетия российский социум существенно эволюционировал, что, очевидно, было учтено при подготовке новой редакции статьи 114 Основного закона. В соответствии с ней Правительство Российской Федерации наделяется полномочиями по осуществлению мер поддержки институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики.

Внесение этого положения означает закрепление в Конституции новой политической реальности – в России за годы, прошедшие с декабря 1993-го, сложилось гражданское общество, которое достаточно созрело для полноценного участия в жизни российской государственности. Возможно, в этом и заключается самое глав-

ное отличие от ситуации 28-летней давности: граждане теперь могут и хотят не только участвовать в политическом процессе через регулярно проводимые выборы всех уровней, но и осуществлять «общественное дело» на постоянной основе через сформированные ими самими гражданские институты.

Именно активное вовлечение институтов гражданского общества в управление страной в диапазоне от инициативного бюджетирования до контроля над госзакупками позволяет надеяться на построение в России «демократии сопричастности».

Под этим термином автор подразумевает такую подлинно республиканскую модель демократии, при которой подавляющее большинство граждан не просто пассивно участвуют в государственном управлении, реагируя на те или иные предложения, которые выдвигает власть, но сами осознанно и постоянно содействуют управлению, реализации государственной политики через организованные ими объединения.

Внесение в Конституцию положений об участии гражданского общества в выработке и проведении государственной политики – впервые в истории российского конституционализма! – сигнализирует, что государство наконец-то чувствует себя не единственным политическим актором на внутривнутриполитической сцене.

Вероятно, это уникальная и новая ситуация в русской истории. Государство больше не одинокий и часто непо-

нятый (или, что ещё хуже, понятый неверно) населением агент модернизации и прогресса на территории России, как было во все предшествующие периоды. Теперь у него есть партнёр для диалога и совместной работы по освоению и развитию страны.

Начало, да хотя бы и сама возможность такого диалога стали бы реализацией вековой мечты российской власти. Ведь вопреки расхожим стереотипам и поддерживаемым недоброжелателями мифам, российская государственная власть в абсолютном большинстве случаев вовсе не опасается гражданской инициативы, а, напротив, жаждет её.

Особенно это характерно для центральной власти, которая всегда испытывала некоторые сомнения относительно властей на местах и стремилась не только «укрепить вертикаль», но и пойти «вглубь» страны. Для этого ей нужны партнёры – гражданские институты, которые не подменяют власть, а играют свою собственную и, отметим, очень важную роль.

В российской истории власти нередко пытались найти таких партнёров, порой искусственно или почти насильственно выискивая «собеседников» со стороны общества, будь то губные старосты XVI века, Уложенная комиссия времён Екатерины Великой, земства XIX века или система советов в XX столетии. По ряду причин все эти попытки в целом заканчивались неудачами. Власть оставалась либо в звенящей тишине собственного оди-

ночества, либо вместо содержательного разговора с выбранными контрагентами была вынуждена вести трудный и обычно безрезультатный диалог с теми, кто сам назначил себя на роль представителей дезорганизованного общества, – писателями, журналистами, творческой интеллигенцией или политическими диссидентами в диапазоне от Петра Чаадаева до Андрея Сахарова.

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Конституция в редакции 2020 года, таким образом, закрепляет фундаментальные исторические изменения – организованное гражданское общество в России существует и готово участвовать в государственном управлении. И это вовсе не счастливая случайность. За эти «тридцать лет мира» (при всех известных проблемах и трудностях, с которыми столкнулась страна в последние годы) Россия стала более богатой, более стабильной, более предсказуемой и, значит, более свободной и демократической страной, чем была в 1993 году. Если такие дефиниции, как «свобода» и «демократия», конечно, понимать в позитивном измерении: «свобода для», а не «свобода от». «Гражданин республики» понимает свободу именно в таком измерении. Преисполненный чувством собственного достоинства, проистекающим от вовлечённости в «общее дело», он реализует свободу для обустройства своей страны, чувствуя и являясь на деле соуправителем республики в избранной им самим сфере.

Представляется, что появление этих принципиальных поправок, отражающих глубинные трансформации российского общества, стало возможно на фоне двух процессов.

Во-первых, массовое, невиданное ранее вовлечение граждан в общественную деятельность и волонтерство, чему во многом способствовало развитие современных информационных технологий. За последние годы эта сфера пережила настоящий бум. При этом активность и вовлечённость граждан в этих направлениях неуклонно возрастает. Так, в 2017 году на конкурс «Доброволец России» было подано 1500 заявок, в 2018 – 15 800; в 2019 – 28 000, а в 2020 году – более 30 000. Всего в России сегодня насчитывается более 15 миллионов волонтеров, занятых в разных сферах.

Волонтеры, общественники – это на сегодняшний день одна из самых больших общностей страны, практически равномерно распределённых на пространстве от Калининграда до Камчатки. Миллионы людей заняты помощью бедным и социально незащищённым слоям населения, сохранением памяти о Великой Отечественной войне; они самостоятельно решают вопросы, связанные с экологией, правозащитой, отстаиванием прав обманутых дольщиков, культурой и просвещением, развитием территорий.

Взрыв интереса переживает краеведение и защита архитектурного наследия – граждане наконец-то огля-

нулись вокруг себя и увидели, в каких интересных городах с великой историей они живут. И сегодня они не согласны безропотно и безмолвно отдавать шедевры архитектуры на заклатие под строительство безвкусных торговых центров, как это было всего десять лет назад, когда лишь горстки энтузиастов были готовы тратить время и силы на защиту памятников.

Повальное увлечение культурной городской молодёжи урбанистикой, создание локальных чатов и групп в соцсетях на уровне подъездов, домов, микрорайонов и населённых пунктов говорит о том, что за минувшие годы ощущение «своего дела» перешагнуло у миллионов наших соотечественников границы их собственных жилищ и частных интересов. Именно из такого равнодушия постепенно и родилось новое сообщество граждан.

Во-вторых, в период после 2012 года произошёл постепенный исход так называемых «иностранных агентов» из российского сообщества гражданских институтов, где они господствовали несколько десятилетий.

Принятие соответствующих поправок в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», вызвавших настоящий шторм среди части общественников, было разумно дополнено широчайшей программой государственной поддержки через Фонд президентских грантов. Только в 2020 году в рамках трёх конкурсов Фонда поддержку получили более 5,3 тысячи проектов на сумму 10,7 млрд рублей. Кроме того, социально ориентированные НКО получили доступ к рынку соцуслуг, финансируемых за счёт бюджета различных уровней.

Восемь лет назад государство наконец-то определилось с политикой в данной сфере: если мы не будем под-

держивать своё гражданское общество, его будут поддерживать другие. И тогда неизвестно, чьи интересы оно будет с большим рвением защищать: российских граждан или своих иностранных грантодателей. Прошедшие годы показали, что решение было принято правильное.

Благодаря верному сочетанию различных мер менее чем за десять лет удалось подорвать монополию нелояльных государству сил на сам этот бренд – «гражданское общество». Под зонтиком разумной государственной поддержки в России вырос по-настоящему реальный и ответственный «третий сектор», тысячи и тысячи НКО, занятых в самых разных сферах общественной жизни. Несомненно, это произошло бы и без столь активной государственной поддержки, но заняло бы намного больше времени и принесло бы меньше пользы общему развитию страны.

Принятие поправок в Конституцию, закрепляющих роль НКО, не является революцией само по себе. В определённом смысле структуры гражданского общества уже достаточно давно участвуют в выработке и реализации государственной политики на региональном и федеральном уровне. Однако с принятием этих поправок на уровне конституционном закрепляется новое положение вещей. Конституция ясно объявляет, что гражданские инициативы отныне становятся неотъемлемым механизмом принятия решений.

Это говорит нам о том, что в последние годы произошли качественные изменения структуры российского гражданского общества. В перспективе они открывают перед нами возможности формирования в стране «демократии сопричастности», о которой было сказано выше.

Только такая форма демократии обеспечит создание и сохранение по-настоящему сильного государства, находящегося в постоянном диалоге и сотрудничестве с социумом. Авангард ответственных, инициативных и самостоятельных граждан – волонтеры и общественники – и есть тот слой, который естественным образом создаёт в своей среде культуру равнодушия к судьбе страны. Именно внутри нового сообщества российских НКО может быть сформировано подлинно республиканское отношение к политике. Поправки, внесённые в Конституцию, открывают такие возможности. Воспользоваться ими – историческая задача всего российского общества.

ВОСПИТАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АЛЕКСАНДР ПОСАДСКИЙ,
СЕРГЕЙ ПОСАДСКИЙ

Правительство Российской Федерации... осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным; создаёт условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Статья 114.1 е⁵, е⁶ Конституции РФ

Поправки к Конституции РФ придают ей характер целостной, завершённой, единой символической системы, при этом их значение как символических форм обусловлено их соотносённостью с российской исторической онтологией, их укоренённостью в ней. В каком-то смысле конституционными поправками как символическими формами раскрываются глубинные смыслы российского

цивилизационного кода. Ими фиксируется его строение, архитектура, выявляются законы и принципы связи его содержания, его грамматика.

Что же отражает политическая символика поправок? Прежде всего – поворот в восприятии сути политического символа в современной социально-политической жизни – поворот от манипулятивно используемого симулякра к политико-символическому историческому реализму и онтологизму.

Мы наблюдаем поворот в восприятии сути политического символа – от знака, отсылающего к бессознательным инстинктам, выступающего продуктом анонимной машины бессознательного, к восприятию созидания символа как преобразующего историю осознанного творческого духовно-волевого акта, раскрывающего в условиях современности национальное самосознание.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОМА И СЕМЬИ

Важнейшим элементом российского национального самосознания, занимающим особое место в координатах цивилизационного строительства, является образ дома-семьи.

Исторически российские парадигмы жизнестроения строились на основании духовно насыщенных представлений о доме-семье. Модель семейно-домо-

вой общности распространялась на все формы бытия. В доме-семье человек ощущал себя ответственно сопричастным бытию других людей, всему мирозданию и Творцу. Дому-семье присущи родственная забота, взаимная поддержка и участливое внимание. В нём раскрывается глубинное родство людей между собой, их родство с космосом и Создателем. Такой Дом творится и бережно хранится в непрерывной работе поколений, сооружается в бесперывных межпоколенных синтезах.

«Домашняя цивилизация», которой является Россия, и есть цивилизация экологическая (дом – греч. οἶκος). Это Дом, выстроенный на принципах Семьи. Он является миром культурных и природных богатств, бережно хранимых и творчески передаваемых от отцов к детям. Речь идёт о целостном пути государственно-цивилизационного домостроения – домостроения экологического.

Сегодня мы видим, что эта «вечная» для российского цивилизационного дискурса тема нашла своё отражение и в обновлённой российской Конституции. Изначально в тексте Основного закона содержались положения о праве граждан на благоприятную окружающую среду и гарантиях возмещения ущерба из-за его нарушения (статья 42), подчёркивалась обязанность сохранять природу, бережно относиться к природным богатствам (статья 58).

В корпусе конституционных поправок эти положения стали более конкретными. Государство взяло на себя обязанность не только снижать негативные последствия хозяйственной деятельности на окружающую среду, но и создавать благоприятные условия для жизнедеятельности населения.

Сохранение природного многообразия – это теперь обязанность не только граждан, но и государства, она включена в перечень полномочий Правительства России. Ещё более важный момент – это отнесение к ведению правительства экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

Следуя Конституции, Россия отныне становится экологическим государством. Такое государство руководствуется приоритетами сохранения природного и культурного наследия, сбережения человека как целостного, духовного и телесного существа. Сохранение человека, его природного и культурного дома является для экологического государства основанием развития – устойчивого развития, безопасного и современного.

В этих государственных целях органично отражены как идея достоинства человека, неотделимая от его права на благоприятную окружающую среду, так и тема величия России – страны уникальных природных богатств и не менее уникального биологического разнообразия.

Экологическая культура в России имеет глубокие корни, экологические идеи и ценности исторически свойственны народам нашего Отечества. Эти ценности имеют свой исторический фундамент в многовековых традициях их духовной жизни, присущи их богатой

культурной истории. Сегодня важно вновь раскрыть их объединительный потенциал.

Экогуманистические ценности – глубинные, сердцевинные ценности российской цивилизации.

Категорически неприемлемо искусственное противопоставление России экогуманистической, утверждающей идею достоинства человека, образ человека как хранителя и ответственного возделывателя культурного и природного мира, России исторической, России как самобытному государству-цивилизации. Экогуманистическая Россия и есть Россия историческая, Россия коренная. Речь идёт о сущностных российских цивилизационных ценностях, ценностях общенациональных.

Конституция РФ отражает ценностные воззрения народов России. В их ключе сохранение культурного и природного наследия неразрывно соединено с раскрытием человеческого достоинства. Ими утверждается достоинство человека как ответственного творческого носителя всей совокупности культурно-исторической и природной жизни Отечества, как ответственного совладельца культурного и природного наследия.

Ценностный акцент на ответственности соединён с принятием долга унаследовать и передать природные и культурные блага приумноженными, а не истощёнными. Речь идёт об ответственности перед предшествующими поколениями, а также об ответственной передаче культурного и природ-

ного наследия поколениям грядущим в качестве добровольно принятого обязательства, о правообязанности сохранения культурного и природного наследия как источника формирования будущего.

России исторически свойственна ценностно-насыщенная идея гражданства, предполагающая ответственность за судьбу Родины, патриотическую солидарность, укоренённость в традициях, неразрывность гражданской и культурной идентичностей, сопричастность гражданина стране как исторической общности, следование возвышенной этике служения.

Ценностно-насыщенная идея гражданства означает восприятие гражданином себя как творческого хранителя великого природного наследия страны, возделывателя её грандиозных природных ландшафтов. Речь идёт об осуществлении задач сбережения преемственности развития культурных и природных форм и систем, преемственном накоплении духовных и природных богатств. Речь идёт о сопричастности стране как целостной великой историко-природной общности.

Важно отметить, российской цивилизации присуще восприятие природного мира как неотъемлемой части культурной среды, культурной традиции. Её природа включена в историю. Природные пространства родной страны мыслятся как её культурные пространства. Подтверждением этого является восприятие озера Байкал россиянами как явления культуры. Примером органического сочетания природных и культурных

ландшафтов могут служить монастырские комплексы Русского Севера.

В российском цивилизационном самосознании патриотические и экологические ценности взаимосвязаны. Они гармонично сочетаются в едином ценностном пространстве – аксиосфере российской цивилизации. Утверждение высоких патриотических ценностей, формирование глубокого ценностно-насыщенного патриотизма означает любовь к культурному и природному наследию как собственному Дому, желание сохранить его и передать обогащённым следующим поколениям.

Высокий патриотизм – глубинная традиция, непреложная ценность российской цивилизации, фактор её развития. Высокий патриотизм предполагает служение Стране на основании любви к её духовному и природному наследию. Такой патриотизм не может быть формальным и поверхностным, так как полагает предметную любовь к историческому, культурному и природному миру Родины, желание быть ему сопричастным, желание его творчески продолжать, сохранять и приумножать в качестве основания служения Отечеству. При этом Отечество видится целостным Домом-семьёй. Внести свою лепту в домостроение – означает участвовать в сохранении и приумножении родных великих исторических и природных богатств.

ПРОРОКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Экологическая идентичность – сущностная идентичность России. Российское цивилизационное самосознание есть самосознание великой Экологической державы-цивилизации. Закономерно, что именно на территории России академиком Дмитрием Лихачёвым было озвучено понимание экологии как сохранения единого наследия человечества – природного и культурного. Закономерно, что именно в России родилась современная экологическая философия – философия русского космизма. Именно Россия дала миру идею ноосферы – идею гармоничного взаимодействия человечества, природы и Творца, являющуюся сущностной характеристикой российского цивилизационного сознания.

Стоит вспомнить, что ещё в 2000 году во время выступления в Бангкоке Владимир Путин высказал мысль, что учение о ноосфере, разработанное нашим соотечественником Владимиром Вернадским, есть основание устойчивого развития стран и народов Земли.

Учение о ноосфере Вернадского сложилось под воздействием многовекового опыта российского цивилизационного домостроительства. Идея ноосферы органически проистекает из мира российских цивилизационных ценностей. Ноосферное пространство, подобно про-

странству российской цивилизации, зиждется на признании всеобщего родства и равного достоинства людей, принципах глобального служения, а не сепаратных стратегиях решения своих проблем за счёт других.

Будучи целостным пространством солидарности и кооперации, миростроительно объединяя народы в их многообразии и неповторимости как обладающие естественными правами на культурное и природное наследие, самобытное развитие, ноосферное пространство воспроизводит ценностные парадигмы российской цивилизационной общности. Недаром Вернадский ожидал ноосферного прорыва человечества из России.

Закономерно, что выдающийся русский мыслитель Владимир Соловьёв (1853–1900), 120 лет с даты смерти которого отмечалось в 2020 году, связал естественное право на достойное существование с правом на сохранение природного мира, правом на творческое попечение о нём. Отметим, что Соловьёв – одна из центральных фигур отечественной мысли. Он стоял у истоков русского духовного ренессанса начала двадцатого столетия. Его творчество оказало огромное влияние на русскую и мировую культуру.

Согласно позиции мыслителя, достоинство человека связано с заботой о природе. Оно раскрывается в дружественном, благожелательном попечении о природном мире, в творческой ответственности перед ним. Сбережение природной среды есть необходимое условие и смысл достойного существования личности. На его взгляд, природа не средство. Она – цель. Человек должен улучшать природу для её блага, осуществлять высокую миссию попечения о природных системах, посредством

творческого преобразования служить им. Он призван к нравственной солидарности с природным миром, основанной на любви к природе ради неё самой.

По мысли Соловьёва, природа обладает правом на преобразование и возвышение человеком, правом на помощь с его стороны, правом на совершенствование со стороны личности.

Подчинение человека природе противостоит как для него, так и для самой природы. Подобная позиция провоцирует продвижение образа человека как раба естественных стихий, что влечёт за собой разрушение человеческого достоинства. Тем самым разрушается статус как человека, так и природы, ведь ей отказывается в праве на совершенствование и возвышение.

Идеи отечественного мыслителя, соединившего философию права с экологической философией, проистекают из ценностных доминант российской цивилизации. Философия Владимира Соловьёва раскрывает цивилизационное самосознание России как самосознание экологическое. Ею утверждается связь благополучия человеческих сообществ и природных миров посредством преобразовательного служения первых последним. Человеческое и природное благо оказывается гармонически взаимосвязанным. Право на достойное существование связывается с признанием высокой человеческой миссии, проявляющейся в заботе о природе.

Согласно воззрениям академика Никиты Моисеева, выдающегося русского космиста современной эпохи, воплощая ценность соборности, означающей духовное единство людей и мира, преображающую силу солидарного творчества, сохраняющего уникальные формы мироздания, Россия выступает как экологически дружественная цивилизационная общность, несущая глобальный проект, способный вывести мир из экологического кризиса.

Будучи цивилизацией синтеза, она может гармонично соединять техногенные и традиционные принципы, начала коллективизма и утверждение личного достоинства. Российской цивилизации свойственна открытость иным цивилизационным проявлениям. Она лишена идей превосходства и исключительности, конфликтных отношений со средой, нацелена на адаптацию к ней. При опоре на её ценности и опыт возможен ноосферный прорыв человечества, и тогда люди будут жить в содружестве с природой, научившись управлять собой.

В нынешнем столетии идеи русского космизма, раскрывающие великую миссию России, нашли творческое выражение в трудах выдающегося отечественного мыслителя Александра Панарина.

Панарин убедительно призывает к актуализации российской модели экологической глобализации, отстаивающей образ мира как единства в культурном и природном многообразии. В такой актуализации он видит стратегию предотвращения возможной общепланетарной катастрофы.

Учёный считал, что в рамках российской цивилизационной системы возможно сформулировать проект

духовного преобразования технической цивилизации, программу управления современной технической средой исходя из культурно-экологических приоритетов.

Именно сейчас, когда приближается время иссякания даров культуры и природы, важно существенно актуализировать духовный потенциал российской цивилизации, могущей компенсировать своими энергиями творческого дарения иссякание энергетики природных и культурных дарений в мире.

Можно говорить о том, что «принципы духовного производства», присущие российской цивилизации, основаны не только на идее бережного отношения к природе, но и на сверхзадаче её творческого преображения. Отсюда вытекает идея особого отношения к нашей национальной территории как к культурному и цивилизационному дому, фундамент которого базируется на неразрывном единстве культуры, истории и природы.

В силу экологической доминанты российская цивилизация призвана служить развитию соцветия космически укоренённых и экологически ответственных цивилизационных систем. Итак, российской цивилизации исторически присущи экологические принципы духовного производства, ей свойственно видение мироустройства в перспективе кооперации экологически ответственных цивилизаций. Российская цивилизация, с её органическим сочетанием сохраняющего и преоб-

разующего начал, направленностью на гармонизацию антропокосмических связей, великим историческим опытом соборности, способна быть проводником парадигмы глобализации, строящейся на экологическом императиве – утверждении необходимости сохранения культурного и природного многообразия планеты.

РОССИЯ – МОДЕРАТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Исторически Россия содействовала сохранению и раскрытию неповторимых идентичностей, сбережению существующих и появлению новых культурных очагов, сохранению и пробуждению субъектов культурного творчества. Она отстаивала идею равенства народов, их права на культурное наследие и самобытность, она способствовала сложению многополярного мироустройства как сложного цивилизационного соцветия, устойчиво развивающегося ансамбля уникальных цивилизаций.

Народы Евразии черпали в российском цивилизационном пути ценностные энергии и культурные силы. Соприкосновение с ним, вступление на этот путь оказывало на них творческое вдохновляющее воздействие. Превращение российского цивилизационного пространства в одну из движущих сил исторического процесса, несомненно, обусловлено его экологической доминантой.

Сегодня, когда сохранение культурных и природных систем превратилось в нераздельную задачу, раскрытие экологического потенциала российского цивилизацион-

ного пути приобретает особое значение. Утверждение нравственного единения человечества на основании экологического императива способно стать альтернативной парадигмой глобализации – парадигмой, альтернативной её природоразрушающим и культуроборческим сценариям.

Речь идёт о парадигме глобализации, подразумевающей органическое сочетание экономического освоения мироздания с углублением исторической памяти, о глобализации, стержнем которой выступают высокие экологические смыслы, определяющие структуры рационально-технической стороны цивилизационного космоса. Такая глобализация исходит из видения единства и целостности мироздания и вместе с тем его полифоничности, открытости многообразным путям творческого совершенствования.

Экологическое преобразование – перспективный ответ России на вызовы идентичности, путь обретения в собственном наследии опорных точек для вхождения в современность.

Экологически ориентированное устойчивое развитие, в центре которого находится человек, – российский цивилизационный выбор и национальный путь. Наша цивилизация призвана актуализировать собственный проект экологической глобализации, провозглашающий сохранение человека, сбережение культурного и природного наследия важнейшим фактором развития в XXI веке.

Исторически Россия, мирно объединившая огромные просторы Евразии, выступала примером устойчивого развития для стран и народов планеты. Её территории воплощают единство европейских и азиатских миров, символизируют космическое равновесие Запада и Востока, на них раскрывается ценностная комплементарность Азии и Европы, они являются экологически благоприятными землями. Её народ несёт традиции соборности – единения, в пределе объемлющего весь людской род на основе всего разнообразия культурной и природной жизни вселенной. Идея мирного и справедливого развития стран и народов, ценностно насыщенного устойчивого развития как единства в многообразии содержится в российском цивилизационном послании.

Наша страна призвана содействовать консолидации Евразии как экополюса устойчивого развития – пространства, сочетающего технологии завтрашнего дня с творческим следованием традициям и сбережением природных систем, выступающего фактором возрастания динамики глобальных интеграционных процессов, культурного роста и экономического прогресса, излучающего смыслы, способные придать современному развитию большую меру интенсивности и осознанности, внутреннюю согласованность, ценностную насыщенность и духовную глубину.

В настоящее время, когда возрастают вызовы и угрозы безопасности бытия человеческого рода, крайне востребована роль России в качестве модератора устойчивого развития евразийского пространства. Такое служение страны оправдано как её глобальными терри-

ториальными ресурсами, так и уникальными характеристиками её человеческого потенциала. И это служение – одна из важнейших составляющих её исторического величия.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей ШУТОВ

ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ И ДОСТОИНСТВО ГРАЖДАН:
ПАРАМЕТРЫ ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА..... 5

Александр РУДАКОВ, Сергей ВОЛОБУЕВ

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР:
КОНСТИТУЦИОННЫЕ РАМКИ 16

Владимир ШАПОВАЛОВ

УКРЕПЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 30

Борис МЕЖУЕВ

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА
ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА..... 48

Владимир БЕКЛЯМИШЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ..... 70

Владимир ТИМАКОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ГРАЖДАНАМ 84

Михаил СМИРНОВ

ЗАЩИТА СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА,
ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА..... 102

Дмитрий ЮРЬЕВ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР..... 122

Сергей БАРАНОВ

РУССКИЕ В СОЮЗЕ РАВНОПРАВНЫХ НАРОДОВ 138

Роман БАГДАСАРОВ

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ..... 152

Рустем ВАХИТОВ

ПАМЯТЬ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА 168

Татьяна БЕСПАЛОВА

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ..... 184

Сергей ПАНТЕЛЕЕВ

ЗАЩИТА ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ..... 200

Дмитрий БУНЕВИЧ

ПОДДЕРЖКА ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА..... 218

Александр ПОСАДСКИЙ, Сергей ПОСАДСКИЙ

ВОСПИТАНИЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ..... 230

АВТОРЫ

Александр РУДАКОВ,

руководитель проектов Департамента по взаимодействию с экспертным сообществом АНО ЭИСИ

Сергей ВОЛОБУЕВ,

координатор общественного проекта «Гражданский экзамен», эксперт Центра социально-консервативной политики

Владимир ШАПОВАЛОВ,

заместитель директора Института истории и политики МПГУ

Борис МЕЖУЕВ,

доцент МГУ им. М. В. Ломоносова

Владимир БЕКЛЯМИШЕВ,

ведущий координатор проектов фонда «История Отечества»

Владимир ТИМАКОВ,

депутат Тульской городской думы, эксперт Центра гуманистической экологии и культуры

Михаил СМИРНОВ,

член редколлегии журнала «Свободная мысль»

Дмитрий ЮРЬЕВ,

обозреватель телеканала «Царьград»

Сергей БАРАНОВ,

эксперт Изборского клуба

Роман БАГДАСАРОВ,

главный редактор портала «Россия для всех»

Рустем ВАХИТОВ,

доцент Башкирского государственного университета

Татьяна БЕСПАЛОВА,

начальник отдела государственной культурной политики РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Сергей ПАНТЕЛЕЕВ,

директор Института русского зарубежья

Дмитрий БУНЕВИЧ,

директор Института русско-польского сотрудничества

Александр ПОСАДСКИЙ,

директор Центра евразийских аксиологических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина

Сергей ПОСАДСКИЙ,

философ, публицист

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научно-популярное издание

ОСНОВНОЙ ЗАКОН РОССИИ: ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ И ДОСТОИНСТВО ГРАЖДАН

Составители и ответственные редакторы:
Фирдус Алиев, Борис Межуев, Александр Рудаков

Администрирование проекта
Оксана Долгополова, Алёна Симонова, Светлана Соколова

Ведущий редактор *Анастасия Суздальская*

Дизайнер *Илья Тутаев*

Корректор *Ольга Корнева*